

ФАНТАСТИКА

Лучан Борисов

УМРИ, ЕСЛИ
СМОЖЕШЬ

Annotation

Какое, к чёрту, будущее, если всё за тебя решает чужой дядя? И плевать ему на твои надежды и мечты. Впрочем, сам дурак. Если уж погнался за чужим богатством, то будь готов платить по счетам, в том числе жизнью... Проклятье! И если бы только своей!

Роковая судьба мои беды вершит.
Но куда мне бежать, что мне делать, скажи.
Что же мне совершить для спасенья души?
Зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать.

...

Что имел не сберёг, что любил — потерял.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.

Е. Агранович

Во сне как наяву

"Ночь, улица... аптеки нет, есть молочный сумрак белых ночей. И страх, столь сильный, что сердце стучит как сумасшедший метроном. Странно. Мне казалось, что десять лет хождения в профессиональных убийцах основательно притупили мои эмоции. Выходит, что нет.

Кстати, отчего мне страшно? Не понимаю. И вообще, где это я?

Будто по заказу, туман поредел и тут выяснилось, что я стою посреди широкой улицы, прямой как стрела. Умом понимаю, что это Невский проспект, но сердце отказывается верить тому, что видят глаза. Здания целы, вот только город мёртв, причём давно. Тротуары и проезжая часть засыпаны мусором; осколки битого стекла отблескивают в неярком лунном свете.

Что же, чёрт возьми, здесь произошло?

Неужели это последствия украинской заварушки, разросшейся до прямого столкновения с НАТО? Не может быть! Накрой нас ядерным ударом, было бы гораздо больше разрушений и трупов.

Кстати, нет ни воронок от бомб, ни характерных отметин от снарядов. Значит, бомбёжек с воздуха и артобстрела тоже не было.

Может, внутренние разборки? Кое-где на стенах зданий есть отметины от пуль. Не похоже на массовую перестрелку. И в самом деле, всё же Россия не Запад, пусть наш город и ославили бандитским Петербургом. Скорей, это работа полиции и Росгвардии. Видимо, ребята пытались остановить мародёров, поскольку витрины разбиты, а магазины разграблены.

И ещё одно — почти нет машин. Это говорит о том, что люди, хоть в панике, но просто уехали из города. Правда, не все. Кое-где торчат останки автопрома, сильно покорёженные и частью обгорелые. Приглядываюсь к ближайшему автомобилю — внутри скелеты, навскидку трое взрослых и двое детей. Кости основательно пожелтели; правда, это ничего не значит, с момента гибели людей могло пройти как несколько месяцев, так и несколько десятков лет.

Неожиданно меня накрывает такая волна ужаса, что я срываюсь с места и бегу, не разбирая дороги. Осколки стекла режут босые ноги, ледяной ветер пробирает буквально до

костей. Но боль и холод ничто по сравнению со страхом, глубинным и диким.

Да что за чёрт творится со мной? Возьми себя в руки, идиот! Здесь нечего бояться!

Установка сработала, я начал было успокаиваться, но тут чья-то рука берёт меня за плечо, и я захожусь в безумном вопле. Надо же! Никогда бы не подумал, что у меня такой визгливый тонкий голос.

И тут в поле зрения попадает отражение в уцелевшей зеркальной витрине. Понятно. Это не я и эмоции тоже не мои. Из зазеркалья, отмытого дождём, на меня смотрит до смерти испуганный мальчишка. На вид ему лет восемь или девять. Бедолага. Немудрено, что он трясётся от холода. На газонах ещё кое-где лежат островки снега, а он лишь в майке и трусах.

Так! Светлые волосы и голубые глаза. Точно не я, у меня тёмная масть. И всё же пацан кажется смутно знакомым. Где-то я уже видел похожее лицо, правда, постарше и черты лица более женственные... Нет, не хочу даже думать! Этого не может быть.

Будто в насмешку надо мной, проклятый мальчишка пристально смотрит на меня, а затем кричит. Его истеричный вопль: «Папа, спаси меня!» в первое мгновение вызывает оторопь, а затем нестерпимое желание бежать, причём как можно дальше".

Крик мальчика с такой силой ударил его по нервам, что Андрей подскочил на кровати. Некоторое время он сидел, глядя перед собой невидящим взглядом, а затем, чтобы прийти в себя, с силой потёр лицо.

«Дурацкий сон! Нет у меня никакого сына. Так какого чёрта я разнервничался?» — пробормотал он, но тревога не отступала, в его ушах по-прежнему звенел крик мальчика. «Чёрт! Нервы совсем ни к чёрту», — чтобы избавиться от беспокойства, он схватил мобильник. Немного помедлив, он набрал бывшую жену, хотя поклялся никогда этого не делать.

— Даш, привет! Как поживаешь?

Ответ последовал не сразу, сначала раздался сочный зевок.

— Это всё, что ты хочешь знать в пять утра? — поинтересовался сонный мужской голос. — Нету нашей Дашки. У родителей она, повезла им сына... О, так ты Андрей, её бывший муж? — оживился голос. — Слушай, мужик, забрал бы ты своего щенка. Так-то Дашка — хорошая баба, но прицеп мне не нужен.

— Какой сын? — тупо спросил Андрей.

— Во даёт! — фыркнул собеседник. — Ты серьёзно?.. Неужели не сказала? Вот ведь бабы! Хлебом не корми, а дай насолить бывшему. Моя тоже та ещё сука; обула так, что до сих пор хочется её придушить...

Андрей нажал отбой и осторожно, будто ядовитую змею, положил телефон на подушку. То обстоятельство, что у него есть сын, не вызвало у него ни радости, ни огорчения.

ГЛАВА 1. Ловушки богатства, или Старые кадры не дремлют

Жену Андрей не любил и женился на ней из корыстных побуждений. Михаил Лапочкин, отец Даши, владел крупным холдингом, специализирующимся на выпуске высокотехнологического оборудования. Так что это была женитьба на деньгах. Правда, первые звоночки будущего неблагополучия прозвучали ещё тогда. В последний момент Лапочкин заявил, что в их семье принято, чтобы свадебные расходы оплачивал жених, поэтому женитьба встала Андрею в копеечку и полностью сожрала его накопления. Правда, потом тесть расщедрился и снял им роскошные апартаменты в Астории; да и гости, что попроще, дарили им подарки деньгами.

После медового месяца Андрей решил не медлить и взял быка за рога. Он уволился с прежнего места работы и, явившись к тестю, заявил, что поскольку теперь они связаны родственными узами, то он считает своим долгом трудиться на благо семейного дела. Лапочкин внимательно выслушал его доводы, а затем поинтересовался, какая именно должность его устроит. Узнав, что зять рассчитывает на директорскую должность, если не в центральном офисе, то хотя бы в подразделении холдинга, он вызвал к себе действующих директоров и те устроили ему экспресс-экзамен по проверке соответствия его амбиций и имеющихся знаний. Спустя час Андрей вылетел из кабинета — красный как рак и злой как чёрт. Такого позорного провала он ещё не испытывал. Конечно, случившийся афронт можно было бы списать на то, что конкуренты специально его топили, но рабочий опыт, хоть и небольшой, говорил ему, что это не так, и все заданные ему вопросы были по существу дела.

Но это было ещё не всё. В тот же день Лапочкин позвал их с Дашей в гости и во время ужина, под видом беззлобного подтрунивания, поведал дочери о его позорном провале. Это было даже хуже, чем устроенный ему экзамен. Во всяком случае, тогда над ним никто не смеялся.

Чувствуя себя болваном, Андрей поначалу улыбался и даже пытался поддержать застольный разговор, но потом плюнул на политес и уткнулся в тарелку.

Видимо, Лапочкин понял, что хватил через край, и по окончании ужина предложил ему место инженера-наладчика по станкам с ЧПУ, что соответствовало его специальности, указанной в дипломе. Зарплата была в полтора раза выше, чем на прежнем месте, но Андрей отказался. Взять подачку ему не позволяла гордость, хотя ради денег он был готов на многое. Впрочем, в его случае это была не жадность ради жадности. Просто он хотел иметь столько денег, чтобы вовсе о них не думать, — совершенно детское желание, примерно такое же, как мечта о волшебнике на вертолёте в известной детской песенке, но тогда он этого ещё не понимал.

В общем, Андрею пришлось унижаться, чтобы на прежней работе ему вернули заявление об уходе. Тем не менее он не оставил мечты о роскошной жизни. Ему казалось, что если подождать, то Лапочкин смирится с замужеством дочери и тогда он заживёт на полную катушку, то есть будет ему и богатый особняк, и красавица-яхта на рейде, и путешествия по райским местам, и остановки в пятизвёздочных отелях, и красавицы-блондинки. Впрочем, против красавиц-брюнеток он тоже не имел ничего против.

Увы. Когда кончились деньги, подаренные на свадьбу, и Даша отправилась к отцу за

пополнением семейного кошелька, тот заявил, что ему иждивенцы не нужны и ей пора привыкать к жизни на зарплату мужа. В назидание он сказал, мол, она знала на что шла, когда из всех женихов выбрала себе парня, которого нельзя отнести даже к среднему классу.

Так что им пришлось покинуть роскошную Асторию и поселиться в скромной двушке, оставшейся Андрею после смерти матери.

После переезда отношения с женой резко испортились. Избалованная девчонка ничего не хотела делать и Андрею, помимо работы, пришлось взять на себя домашние хлопоты. В общем-то, ему не составляло большого труда убраться и приготовить еду, поскольку четыре последних года он жил один и привык хозяйствовать. Вот только Даша не ценила его труды и он, вернувшись домой, обнаруживал первозданный бардак: гору немытой посуды, заляпанную чем-то разноцветным ванну и кучу разбросанных вещей. Однажды он не выдержал и закатил ей скандал, после чего она вся в слезах убежала из дома и к ночи не вернулась. Андрей, уставший от такой семейной жизни, не стал ей звонить и пустил дело на самотёк. К тому времени ему стало казаться, что старый хрыч из тех, кто держит слово, а значит, нет смысла гоняться за капризной девчонкой, которая никогда ему особо не нравилась, хотя была довольно хорошенькой.

Спустя неделю Даша вернулась и как ни в чём не бывало повисла у него на шее. О том, где она пропадала, не было сказано ни слова. Вот только густой слой загара и довольный вид говорили сами за себя. Особенно взбесило Андрея то, что поутру она кинула ему банковскую карточку, мол, это тебе на мелкие расходы. Быть на содержании у собственной жены он посчитал оскорбительным для себя, поэтому первым его порывом было выбросить за окно — и подачку, и жену — но передумал: в то время ему загорелось купить автомобиль попримичней, чем его Рено Дастер.

С той поры так и пошло. Когда Даше надоедало «нищенское» существование с мужем, имеющим всего двести тысяч в месяц, она уходила к отцу. В личных расходах Лапочкин не препятствовал дочери и оплачивал всё, что бы она ни пожелала. Вернувшись к Андрею, Даша больше не скрывалась и весело щебетала о том, куда она ездила, что купила и с кем встречалась. Помимо денег она привозила ему подарки, как правило, совершенно дурацкие вещи, страшно дорогие по цене, но совершенно непрактичные. Даже деловые костюмы, которые она покупала по его просьбе, выглядели так, будто бы их нашли в мусорной корзине, причём где-нибудь в районе Рио де Жанейро. Андрей считал, что там им самое место, и выбрасывал такие подарки на помойку.

После года унижительной семейной жизни Андрей решил, что с него хватит. Тем более что Даша окончательно распоясалась и уже ни во что его не ставила. Случай, который окончательно переполнил чашу его терпения, произошёл в годовщину их свадьбы.

Праздновала Даша не с ним. Домой она вернулась поздно ночью, причём в хлам пьяная. Сначала, хихикая, она несла какую-то чушь, а потом порылась в сумочке и нахлобучила ему на голову шапочку с тряпичными оленьими рогами, мол, поздравляю, дорогой, и истерически расхохоталась. Что это означает, было ясней ясного. Впрочем, он и раньше подозревал, что она ему изменяет, но издёвка вывела его из себя. Андрей даже не помнил, как в его руке оказался кухонный нож. Если бы Даша издала хоть звук, он бы её убил. Видимо, она это понимала. Распластавшись по стене, она молча смотрела на него огромными глазами, пустыми и светлыми, будто их голубизна поблёлкла от страха. Этот взгляд рыбы и привёл его в чувство. «Убирайся, тварь!» — рявкнул он и вмиг протрезвевшая девушка вылетела за дверь.

Наутро Даша вернулась и с виноватым видом вертелась вокруг него до тех пор, пока он не ушёл на работу. Вечером его ждал праздничный ужин и чрезвычайно покладистая жена, стремящаяся во всём ему угодить. Андрей не разговаривал с ней, но ему было приятно; в кои веки он чувствовал себя не мальчиком для утех, а мужем. Ну а когда Даша вышла из ванной в одном лишь прозрачном пеньюаре и соблазнительно потянулась, он не выдержал и сдался. Всё же ему было двадцать с небольшим, и гормоны перевешивали любые доводы рассудка.

Получив прощение, Даша взялась за ум. Она даже попыталась убирать и готовить. Андрей тоже проявил стойкость — давился, но ел безвкусную еду, которой побрезговала бы даже голодная дворняга.

Увы, через неделю их семейной идиллии пришёл конец.

Когда жена в очередной раз сбежала из дома с запиской, что ей жизненно необходимо отдохнуть в Эмиратах, Андрей тут же отправился в ЗАГС и написал заявление на развод.

Даша была против, но он был непреклонен. Тогда началась изматывающая осада. Она не давала ему проходу ни дома, ни на работе и во всеуслышание закатывала грандиозные истерики, с угрозой покончить с собой. Измученный всей этой нервотрёпкой и вдобавок бессонницей, частенько она колотилась к нему по ночам, Андрей уже мечтал об этом. Но нет, дальше угроз дело не шло.

Первым всей этой катавасии не выдержал тесть. Дашу посадили под домашний арест, а сам Лапочкин явился к Андрею с бутылкой коньяка. После разговора на несколько повышенных тонах, он извинился за то, что у него такая неприспособленная к жизни дочь, и перед уходом сказал, что он получит развод, причём без проволочек.

И в самом деле, вскоре Андрей был свободен как птица и вдобавок гол как сокол. Семейство Лапочкиных отсудило у него всё, даже принадлежащую ему квартиру. Как сказал юрист, нужно было читать брачный договор, прежде чем его подписывать.

Но это было лишь начало. На следующий день его уволили на работе. Пряча глаза, начальник попросил его написать заявление по собственному желанию. Андрей начал было качать права, тогда и выяснилось, что на его фирму надавил Дашин отец. Таким образом он лишился всего и оказался на положении бомжа.

Блиzkих родственников у Андрея не было: отца он не знал, мать умерла, когда ему исполнилось девятнадцать. Он сунулся было к знакомым, но они все, как один, с одинаковыми отговорками закрывали перед ним двери. Поэтому он очень обрадовался, когда его приютил Максик, основательно подзабытый друг детства, чей телефон он случайно обнаружил в старой записной книжке матери.

Всё бы ничего, но Максик оказался из так называемой творческой богемы, отчего у него был не дом, а проходной двор. Андрей не был сторонником разгульного образа жизни, потому рьяно взялся за поиски работы. Здесь его ждало неприятное открытие. Оклад в двести тысяч оказался отнюдь не средним заработком[1], тем более для таких молодых специалистов, как он. Крупные фирмы отказывали ему ещё на этапе собеседования, и он понял, что его занесли в чёрную базу.

Спустя месяц возникли проблемы с жильём. Максик нашёл себе девушку. Три дня они прожили втроём, а затем друг детства вызвал Андрея на откровенный разговор и заявил, мол, они с Ниной скоро поженятся, и поскольку у неё тонкая натура, не терпящая в доме посторонних, то он просит его извинить.

Делать было нечего, Андрей собрал сумку и ушёл, причём напоследок хлопнул дверью так, что «тонкая натура» взвизгнула от злости. У него был большой соблазн рассказать

Максику как его «тонкая натура» подкатывала к нему салазки, да ещё с предложением групповухи, но он всё же удержался и не стал огорчать единственного друга.

Сидя на скамеечке у подъезда, он раздумывал куда ему податься, когда рядом остановился чёрный мерседес последней марки. Дверца отворилась и из машины вышел сухощавый мужчина средних лет.

Отец Даши сел рядом с ним и достал сигареты.

— Будешь? — предложил он.

— Нет, не курю, — отказался Андрей.

Лапочкин одобрительно кивнул.

— Молодец! Всё же умеешь держать марку. Я бы на твоём месте закурил, — он выдохнул дым и покосился на бывшего зятя. — Ты знаешь почему я выдал за тебя дочь?

Андрей с неопределённым видом пожал плечами, мол, не имею понятия.

— Фамилия у тебя звучит благородно, — усмехнулся Лапочкин. — Уж очень моей Дашеньке не нравилось быть Лапочкиной.

— Фамилия? — удивился Андрей. — Зачем весь этот цирк с замужеством, когда она могла поменять её просто так?

— Это же самозванство. Замужество — иное дело. Да и корни у тебя дворянские. Князья Белосельские-Белозёрские действительно тебе родня, причём по законной линии, что тоже сыграло свою роль.

— Понятно. А я, дурак, думал, что она меня любит.

Лапочкин бросил на него любопытствующий взгляд.

— Ну а если бы Дарья тебя любила, это что-нибудь изменило в твоём отношении к ней?

— Нет, — признался Андрей. — Это был чистой воды расчёт, и вы это знаете, поэтому и наказали меня, не так ли?

— Верно, — кивнул собеседник и добавил после непродолжительного молчания: — Не беспокойся, Андрей, больше репрессий не будет. По правде, я не держу на тебя зла. Ведь ты такой же, как большинство современных парней, вы хотите получить всё и сразу. При этом вы не понимаете, что бизнес — это не только кумовство, это битва насмерть. Выживает лишь тот, кто умеет держать удар. А умеет держать удар только тот, кто имеет твёрдые принципы, даже если предаёт их на каждом шагу.

Лапочкин снова глянул на Андрея и тонкие губы современного Макиавелли тронула лёгкая усмешка.

— Вижу, ты меня не понял. Впрочем, так оно и должно быть. Ваше поколение угодило под каток перестройки, поэтому вам не знакомо, что это такое. В пору безвластия всем было наплевать на мораль, поэтому вы, молодые, бесхребетные и ради денег готовы прогнуться под любого, а у нас, кто постарше, ещё советская закваска. Наши старики ещё знали, что такое хорошо и что такое плохо, поэтому воспитывали нас правильно. Вот только время уже не то, что раньше, поэтому прошлое должно остаться в прошлом.

Пустой разговор начал раздражать Андрея, но он помалкивал — в надежде, что ему дадут шанс вернуться к прежней жизни.

— Ждёшь, что я сделаю тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться? — будто подслушал его мысли Лапочкин и загасил сигарету в пепельнице, протянутой ему безмолвным водителем.

Несмотря на занимаемое положение, парень выглядел так, что его хоть сейчас можно было снимать в роли Джеймса Бонда.

— Что ж, твои ожидания не безосновательны. Ради дочери, которая не знаю уж почему никак не может тебя забыть, я помогу тебе стать человеком. Едем, — сказал Лапочкин безапелляционным тоном и направился к машине.

Андрей воспрянул духом. Он тоже поднялся, но перед этим выразительно посмотрел на замешкавшегося водителя — тот искал куда вытряхнуть пепельницу.

— Мои вещи, — произнёс он со значением, видя, что «Джеймс Бонд» за баранкой не внял его взгляду. После секундного колебания водитель подхватил его сумку и бросился догонять хозяина.

«То-то же! Челядь, знай своё место», — торжествующе подумал Андрей. Его взбесило, что костюм у водителя был известной марки и соответственно стоил уйму денег. Почему-то ему казалось, что он купил его не сам, а его подарила Даша. Такие нелепые вещи как раз были в её духе.

Видя, что Лапочкин уже внутри машины и с нетерпением поглядывает на него, он заспешил к мерседесу.

Воспоминания о прошлом десятилетней давности окончательно испортили ему настроение. «Знал бы, чем обернётся поездка с Лапочкиным, бежал бы без оглядки», — угрюмо подумал Андрей. Сонное наваждение отступило, и он уже раскаивался, что поддался порыву и позвонил бывшей жене. По сути, ему было всё равно есть у него сын или нет. Он его не знал и, в общем-то, не хотел знать.

Его тревожила лишь мысль о том, что жена теперь знает о его возвращении и подаст на алименты, и они вместе с отцом снова вытрясут из него всё до копейки. Деньги у него были, но он их заработал потом и кровью, поэтому расставаться с ними был не намерен ни при каких обстоятельствах.

«Нужно драпать отсюда, пока подлая семейка снова не взяла меня за жабры. Вот только съезжу к матери на кладбище и сразу же сдёрну из Питера», — решил он и порадовался, что не успел обзавестись собственным жильём.

Потянувшись так, что хрустнули суставы, Андрей встал с кровати и направился в ванную комнату. Ему хотелось выехать пораньше, чтобы не застрять в пробке на КАДе.

Сборы были по-армейски быстрыми, тем не менее за завтраком он не спешил: давал о себе знать желудок, основательно подпорченный армейскими пайками и той дрянью, что приходилось ему есть в местах, забытых богом и дьяволом.

Спустившись на первый этаж, Андрей бесшумно выскользнул из подъезда и быстро глянул по сторонам. «Привычка — вторая натура», — усмехнулся он, поняв, что сработали рефлексы, выработавшиеся за десять лет опасной жизни. Тем не менее, прежде чем сесть в такси, он бросил изучающий взгляд на водителя. «Вроде мужик без сюрпризов, хотя с бывшим кагэбэшником ни в чём нельзя быть уверенным. Лапочкин ничего не пускает на самотёк и наверняка приставил ко мне слежку», — невесело подумал он.

Кто такой его бывший тесть, Андрея узнал совсем недавно; просветил его на эту тему матёрый уголовник, пришедший в контрактники через СВО. Конечно, сам зэк напрямую дела с Лапочкиным не имел — советская элита со швалью не общалась, во всяком случае, когда в этом не было нужды — но среди контрактников обретался разный люд, в том числе и те, кто раньше служил в госорганах. И хотя сведения о сотрудниках КГБ были строго засекречены, в перестройку многое выплыло наружу.

Узнав, что Лапочкин служил в КГБ, причём не в малом чине, Андрей порадовался, что

вообще остался жив. Учёный сухарь и делец, каким по молодости лет ему представлялся тесть, оказался куда опасней, чем он представлял. С некоторых пор он вообще сожалел, что угодил в его поле зрения.

Впрочем, насильная вербовка в платные защитники родины, которой поспособствовал его бывший тесть, была ерундой на фоне того, что ему пришлось пережить в дальнейшем. В ЧВК его отправляли на самые опасные задания, причём с самого начала его службы, что при отсутствии у него какой-либо военной подготовки,[2] было равноценно убийству. При этом наибольшую опасность для него представляли его же товарищи по заданию, которые видели в нём обузу, чреватую гибелью для всех. На его счастье, ему везло так, что бывалые вояки лишь качали головой. Поэтому со временем отношение к нему переменилось. Нет, Рембо он не стал — сила и ловкость не были его сильными сторонами, в этом он был не лучше и не хуже большинства сослуживцев. Сильной его стороной был ум, причём не тот, что свойственен учёной братии, а тот, что работает на уровне инстинкта. Впрочем, способности к анализу у него тоже были и неплохие, что вкупе с развитой интуицией позволяло ему уносить ноги из самых гиблых мест.

Почему из всех кликух к нему прилепилась кличка Маньяк, Андрей не знал. Поначалу он злился, когда его так звали, но затем привык и перестал обращать внимание.

Всё же до кладбища он не доехал. На КАДе его такси тормознул чёрный автомобиль с мигалкой, и следом за ними остановился синий бугатти.

Андрей напрягся, готовый к любому повороту событий, но, как десять лет назад, дверца авто отворилась и из него выбрался Лапочкин. На вид он почти не изменился и был всё такой же сухощавый и прямой как жердь; разве что сетка морщин на лице стала несколько гуще, да волосы основательно побелели. Делать было нечего. Андрей заплатил таксисту и, когда тот уехал, направился к бугатти.

— Здравствуйте, Михаил Николаевич, — бесстрастно произнёс он, подойдя к Лапочкину, и тот окинул его изучающим взглядом.

— Постарел, — резюмировал он и швырнул окурок на обочину. На этот раз он был без водителя. — Садись в машину. Нужно съездить кое-куда.

Памятуя о прошлом, Андрей медлил и Лапочкин едко усмехнулся.

— Не трусь, Маньяк. Всё же мы семья, хоть ты бросил мою дочь.

— Я уже своё отбоялся, — буркнул Андрей, тем не менее ощутил облегчение, хотя знал, что слова бывшего тестя не более чем речевой оборот.

— Куда мы едем? — спросил он, хотя не ожидал ответа.

— В больницу, — ответил Лапочкин.

В голове Андрея звякнул тревожный колокольчик. Выработавшимся за десять лет чутьём на опасность он ощущал, что Лапочкин не столь спокоен, как хочет казаться.

— Что случилось? — не выдержал он.

— Даша и Серёжа попали в аварию по пути ко мне, — голос Лапочкина дрогнул. — С Дашей всё в порядке, она не очень пострадала... отделалась переломом руки. Ну и по мелочи, синяки и несколько несерьёзных ран. А вот Серёжа...

— Он жив? — спросил Андрей ради приличия.

— Да.

— Что с ним?

— В коме. Сильно ударился головой, — пояснил Лапочкин и глянул на него через

салонное зеркало. — У мальчика была клиническая смерть. Когда приехала скорая, он не дышал.

«Вряд ли скорая приехала за сорок секунд. Значит, пацан — овощ. Можно считать, что мёртв, — подумал Андрей и у него мелькнула мысль, что можно не беспокоиться насчёт алиментов.

— Хотите, чтобы я попросился с сыном? — спросил он напрямую.

— А ты хочешь? — взгляд Лапочкина обрёл бритвенную остроту.

Андрею было наплевать на угрозу, которую излучал старый кагэбэшник. Пройдя все круги ада, он уже не столь трепетно ценил жизнь. С языка уже был готов сорваться отказ, как вдруг его резанула головная боль и перед его внутренним взором возник мальчишка из сна. В его взгляде было столько мольбы, что он не выдержал и со всей силы врезал кулаком по торпеде навороченного авто.

— Вот что ты привязался ко мне? У твоего деда куда больше возможностей, чем у меня!

— Это ты к чему? — хладнокровно поинтересовался Лапочкин.

— Ни к чему! Едем в больницу, — раздражённо ответил Андрей и закрыл глаза, давая понять, что не хочет разговаривать.

Пряча радость, Лапочкин прибавил скорость. Расчёт оказался верным. У Серёжи возникла ментальная связь с отцом, и именно она сейчас держала мальчика на плаву. За это он должен был поблагодарить учёных, вжививших чип новейшей разработки в мозг бывшего зятя, а также свою чекистскую выдержку. Даже сейчас воспоминание о том, как Андрей приставил нож к животу дочери, вызвало у него всплеск гнева, но это было ничто по сравнению с тем, что он испытал, когда впервые увидел эту запись. До этого он довольно либерально относился зятю, но такого простить не мог и был твёрдо намерен его прикончить. Но вмешалась Даша. Зная, что он следит за ними, дочь сразу же приехала к нему и заявила, что если умрёт Андрей, то и ей не жить. Она любила мужа и ему пришлось смириться.

Включив автопилот, Лапочкин откинулся на спинку сиденья и повернул голову. К его удивлению, Андрей действительно спал, а не притворялся. «Никак укатали сивку крутые горки, — усмехнулся он. — Дрыхнет без задних ног, хотя знает, что я на дух его не переносу».

Он внимательно присмотрелся к тому, кем стал его бывший зять, который вот уже десять лет был для него непроходящей головной болью.

«Изменился, парень и сильно. В общем-то, это неизбежно, когда постоянно ходишь по краю. Маньяк. Почему же ему дали такую кличку? Вроде бы Андрей не любитель резать глотки. Убивает не колеблясь, но лишь по необходимости. Возможно, чип как-то влияет на его поведение, и люди чувствуют в нём чужеродную сущность. Тогда сколько в нём человеческого и сколько от машины? И главное, насколько он опасен для дочери и внука?» — Лапочкин призадумался, а затем вздохнул. Ответа не было — ни у него, ни у тех, кто занимался разработкой и вживлением чипа.

Это был рискованный эксперимент, причём засекреченный так, что даже он, владелец корпорации, не имел полного доступа к научно-инженерной документации, по которой создавали чип, расширяющий возможности человеческого мозга. Впрочем, ему для этого не хватило бы подготовки. Лапочкин был талантливым инженером и не более. Зато в руководстве он был чрезвычайно хорош, и его стратегия неизменно приносила успех. Этот

железный Феликс, беспощадный до жестокости, имел лишь одну слабость — ею была его семья. Он был очень привязан к родителям, а затем и женился по большой любви. Когда буквально в одночасье умерли родители и жена, единственным светом в окошке для него стала дочка Дашенька — его девочка-одуванчик, хрупкая и уязвимая настолько, что он безумно боялся за неё и потому ни на мгновение не выпускал из-под своего контроля.

Сначала он не придавал значения увлечению дочери, но потом заинтересовался её новым парнем, с которым она познакомилась на одной из молодёжных вечеринок. Как оказалось, Андрей Белозёрский имел все необходимые качества для того, чтобы стать подопытным кроликом в предстоящем эксперименте. У Белозёрского не было ни близких родственников, ни друзей, и если бы в ходе эксперимента что-то пошло не так — подопытный мог либо умереть, либо сойти с ума — то заметить его пропажу было бы некому. Поэтому двадцатидвухлетнему парню, который только что закончил институт, предложили такое место и такую зарплату, от которых в здравом уме никто бы не отказался. И уже в фирме, куда он устроился, под видом планового медицинского обследования его тщательно исследовали. В итоговом отчёте было сказано, что Андрей Белозёрский практически здоров, в физическом и психологическом плане, и по большинству параметров представляет собой среднестатистический образец мужчины его возраста. Единственно, его умственное развитие было оценено несколько выше среднего, но решили, что это не должно помешать эксперименту, нацеленному на среднестатистическую особь.

В общем-то, Лапочкину было жаль парня — он сам поднимался из низов и знал каково это начинать с нуля, не имея поддержки влиятельных родственников и знакомых. Поэтому поначалу Белозёрского занесли в картотеку как запасной вариант. Но он сам всё испортил. Беспринципность и жадность до денег Лапочкина не волновали, а вот его настойчивые ухаживания за Дашей, его единственной дочерью, с явным намерением жениться на ней, привели к тому, что его занесли в картотеку первоочередных кандидатов на испытания.

Желание самой Даши выйти замуж за Белозёрского стало для Лапочкина неприятным открытием. Обычно пустоголовая весёлая девчонка меняла парней как перчатки и лишь смеялась над их матримониальными ухищрениями. Он попытался отговорить дочь, а затем пригрозил, что лишит её всех благ сытого паразита, но тут нашла коса на камень. Даша упёрлась рогом и пустила в ход действенный аргумент, а именно пригрозила покончить с собой, если он не даст им пожениться. Лапочкин подумал и решил, что так даже лучше, одним выстрелом он убьёт двух зайцев: исполнит каприз дочери, чтобы не выслушивать её каждодневные истерики, и обезопасит себя от неожиданностей. Действительно, почему бы после развода его зятю не остаться в какой-нибудь экзотической стране, причём навсегда? Например, в том же Таиланде. Тепло и мухи не кусают, во всяком случае, в роскошном отеле. К тому же у азиатов время от времени случаются бандитские разборки, и если какой-нибудь иностранец нечаянно погибнет в одной из них, то земля ему пухом.

Но дочь снова смешала ему карты. Оказалось, Белозёрский не просто ей нравился, она его любила и любила сильно, поэтому ему поневоле пришлось менять сценарий, благо время на игры ещё было.

Увы, нищенское существование не отворотило Дашу от мужа, хотя Лапочкин сделал всё, чтобы вбить между ними клин. Когда дочь убегала к нему, он, прежде чем отправить её в очередной круиз, нанимал красивых парней, чтобы отвлечь её от Белозёрского, тем не менее она упорно возвращалась к нему. К счастью, зять не выдержал первым и подал на развод, что было ему на руку. К тому времени чип уже был отлажен и лаборатории требовался

подопытный кролик.

Конечно, были другие кандидаты, но Лапочкину был нужен только Белозёрский.

Хотя планировалось тестирование в лаборатории, глава холдинга решил ускорить процесс и предложил провести испытания в полевых условиях. Учёные были резко против, военные, наоборот, дружно «за», им не терпелось посмотреть на способности солдата, оснащённого чипом. Вот поэтому Андрея пропустили через все круги ада, какие можно было найти на планете.

[1] Это было десять лет назад, то есть в 2013 году.

[2] Стараниями матери ему удалось отмазаться от срочной службы в армии.

ГЛАВА 2. Тайны не любят одиночество. Проект «Солдат удачи»

В больнице у Андрея несколько раз возникало ощущение, что он уже здесь был, но потом он припомнил, что в похожем месте проходил медицинское обследование при приёме на свою первую работу, и решил, что дежавю вызвано именно этим. Правда, когда он вошёл в палату, набитую медицинской аппаратурой, его резанула тревога.

Выброс адреналина был столь велик, что часть заблокированных воспоминаний прорвалась наружу и он едва устоял на ногах, когда перед его глазами замелькали картины из прошлого.

Вот он видит, как люди в форме сначала волокут его по стерильно-белому коридору, точно такому же, по которому они только что прошли, а затем впахивают в комнату, залитую ярким светом.

В операционном зале первое что бросается ему в глаза, это четыре фигуры в голубых комбинезонах и медицинских масках; они держат наготове хирургические инструменты, что вызывает у него такой ужас, что конвоиры не могут его удержат, и тогда его умирят как зверя. Шипение пневматики и в шею ему впивается игла. Некоторое время он ещё скребёт пальцами по полу — в попытке уползти, а затем роняет голову и теряет сознание. А ещё он помнит неотступный взгляд Лапочкина. Это даже не ненависть. С таким выражением обычно смотрят на того, кто им противен до омерзения.

Глаза Андрея затянула красная пелена, но усилием воли он подавил гнев. «Спокойно, Белозёрский! Не торопись! Сначала нужно выяснить, что они сделали с тобой», — сказал он себе и холодно улыбнулся, заметив, что Лапочкин пристально смотрит на него.

— Ничего страшного. Приступ гастрита, — пояснил он и достал лекарство от резей в желудке. С некоторых пор он носил его с собой.

— Держи, — Лапочкин протянул ему стакан с водой.

— Спасибо, — с непритворной благодарностью откликнулся Андрей и перевёл взгляд на кровать.

Это была вип-палата, так что пациент здесь был только один.

— Как его состояние? — спросил он, прежде чем выпить воду.

— Стабильное, — последовал сухой ответ.

Лапочкин опустился на стул рядом с внуком.

— Подойди! — распорядился он и добавил: — И помни, это наши разборки, Серёжа здесь ни причём.

В общем-то, не видя смысла упрямыться, Андрей выполнил его требование. Он сел с другой стороны кровати и посмотрел на сына. Правда, особо смотреть было не на что — почти полностью лицо мальчика скрывали бинты. Виден был лишь нос, сомкнутые глаза с полукружьями тёмных ресниц и бледные губы; мимоходом он отметил, что они той же формы, что у Даши. И всё же он был уверен, что это тот же мальчик, которого он видел во сне.

Андрей вопросительно посмотрел на Лапочкина и, когда тот кивнул, заключил в свои

ладони безвольную ладошку сына. Это была чистой воды показуха, он по-прежнему ничего не испытывал к нему.

Тем не менее связь возникла мгновенно. Стоило ему закрыть глаза, и он оказался на Невском проспекте — том же самом, что привиделся ему во сне. Только теперь был день и светило солнце, отчего покинутый город выглядел ещё пустынной и неприглядней.

Были и другие изменения. На этот раз он и мальчик были сами по себе, к тому же их разделяло шагов десять. Одежда мальчика тоже поменялась; он был в белой курточке, синих джинсах и чёрных кроссовках; на всех вещах красовались лейблы дорогих марок, известных всему миру. Андрей глянул на себя, на нём была военная форма, так называемый «мультик», которую дополнял бронежилет западного производства. Воюя, он не геройствовал и, если была возможность достать качественное защитное обмундирование, он не жалел денег, впрочем, как и на хорошее оружие.

— Привет, — сказал он, не делая попытки приблизиться.

— Привет, — откликнулся мальчик без улыбки. Судя по лицу, он был совершенно спокоен, чем неприятно напомнил ему деда.

«Ну и о чём с ним разговаривать?» — подумал Андрей с подступающим раздражением. Дети для него были терра инкогнита, кроме учёбы в школе он практически не имел с ними дела. Впрочем, он и в школьные годы держался особняком; лишь Максику удалось преодолеть его защитный барьер. С ним было весело, и они подружились. Правда, дружба Максика носила несколько корыстный интерес, будучи троечником, он постоянно списывал у него или просил подсказать на уроках.

— Зачем ты меня звал? — спросил он.

— Просто так, — ответил мальчик и презрительно фыркнул. — Что, уже не терпится уйти?

Вместо ответа Андрей развернулся и направился к ближайшему дому. Слишком уж реален был окружающий мир и ему было любопытно посмотреть, как далеко простирается иллюзия.

Мальчик догнал его и пошёл рядом, и он замедлил шаг, чтобы тот успевал за ним. Когда они миновали арку дома, он взял его за руку. Андрею это не понравилось, но он стерпел.

Небольшой внутренний дворик оказался не столь запущенным, как он ожидал. Современная брусчатка выглядела довольно новой, кованые решётки ещё не успели основательно проржаветь. Единственно, что фасад дома сильно облупился, но старый город и в лучшие времена нуждался в хорошем ремонте.

Когда они ступили на дорожку, ведущую к подъезду, мальчик отпустил его руку и, вырвавшись вперёд, потянул на себя просевшую входную дверь, покрытую коричневой порошковой краской.

— Ну-ка, стой! — Андрей схватил его за плечо, удерживая на месте.

Иллюзия иллюзией, но его не покидало чувство тревоги.

— Пусти! — мальчик попытался вывернуться из его руки, но он схватил его за капюшон куртки, а затем приподнял и поставил на скамейку.

— Слушай сюда, пацан! — рыкнул он, приблизив к нему лицо. — Если я говорю «стой», ты стоишь, если я говорю «беги», ты бежишь. Уяснил?

— Здесь никого нет! — возмущённо выкрикнул мальчик.

— Да неужели? — прищурился Андрей. — Напомнить, как ты драпал от того, кого нет, и звал меня на помощь?

Глаза мальчика расширились от страха.

— Это неправда, — сказал он дрожащим голосом и быстро глянул по сторонам.

Андрей сделал то же самое и вновь ощутил укол тревоги, не слишком явный, но интуиция говорила, что тут творится что-то необычное.

— Ладно, если здесь никого нет, то я пошёл, а ты оставайся...

Расчёт оправдался. Мальчик тут же вцепился в него.

— Нет! Не оставляй меня одного!

— Тогда идём. Но лучше отцепись от меня и держись позади, хорошо?

— Хорошо, — согласился мальчик, но не сразу отпустил его рукав.

«Трусит пацан. И правильно делает», — усмехнулся Андрей. Он пробежался взглядом по фасаду дома и тут ему показалось, что в одном из окон второго этажа слегка шевельнулась занавеска. «Чёрт! Всё же здесь не безопасно», — огорчился он. До этого он уже склонялся к мысли, что его тревога и страхи мальчика из разряда надуманных. «В таком случае нужно найти пацану надёжное убежище», — решил он.

— Отойди к стене! — приказал он.

Когда мальчик прижался к стене, он резким рывком распахнул дверь подъезда, а затем привычно выпустил из автомата всю обойму в открывшуюся темноту лестничной площадки.

Чтобы не надыхаться поднявшейся пылью, он закрыл рот и нос балаклавой и, осторожничая, поднялся на второй этаж. Входная дверь в подозрительную квартиру была закрыта, но ключи торчали в замочной скважине. Ровный слой нетронутой пыли на полу лестничной площадки говорил о том, что из неё никто не выходил и не входил, во всяком случае, с тех пор как её покинули хозяева.

Он вошёл внутрь квартиры. Просторная прихожая вела в большую комнату. Судя по обстановке, жившие здесь хозяева были приверженцами минимализма; светлая стильная мебель была из тех, где негде спрятаться даже кошке. Правда, за картиной, доходящей до самого пола, скрывалась гардеробная. Обнаруженные там вещи были только мужскими, причём одного размера, из чего Андрей сделал вывод, что это берлога одинокого холостяка. Ванная комната представляла собой совмещённый санузел. За стеклянной дверью оказалась кухня — небольшая, но уютная. На всякий случай Андрей проверил кухонные шкафы. Убедившись, что там никто не прячется, он мимоходом щёлкнул выключателем, а затем провернул краны. Как и ожидалось, не было ни воды, ни света. Он поискал календарь, чтобы узнать какой это год, но бумажного календаря не было, а телефоны и прочие гаджеты разрядились. «Чёртова электроника!» — проворчал он. Тем не менее в одном из кухонных шкафов он обнаружил целую батарею бутылок с питьевой водой, а в ящичке у плиты свечи и таблетки для спиртовой горелки. Правда, самой горелки не было. «Видимо, хозяин забрал её с собой. Отсюда вывод, что-то неладное началось ещё до того, как он покинул квартиру», — подумалось ему.

Выйдя из квартиры, Андрей предусмотрительно закрыл дверь на замок, а затем бегом спустился по лестнице.

Мальчик по-прежнему прижимался к стене. При виде отца его лицо отразило облегчение, смешанное с радостью, — чувство, знакомое любому ребёнку, которого родители оставляют одного, с обещанием скоро вернуться, но, как правило, это «скоро» тянется целую вечность.

— Стоп! — Андрей выставил перед собой руки, видя, что ему грозят «обнимашки».

Сначала мальчик резко остановился, а затем снова бросился к нему и обнял. После чего

он поднял голову и на его лице отразилось возмущение.

— Ты мой отец! ты должен меня любить! Так почему ты меня отталкиваешь?

— Наверное потому, что я сегодня впервые тебя увидел, — Андрей вздохнул. «Чёрт бы побрал твоего деда!» — с досадой подумал он.

Во взгляде мальчика появилась насмешливая снисходительность, чем он вновь напомнил ему Лапочкина.

— Думаешь, я такой дурачок, что принимаю тебя за настоящего отца? — скривил он губы.

Андрей обдумал ситуацию.

— Конечно, я настоящий. А с чего ты решил, что я твоя выдумка?

— Тогда как ты попал в мой сон? — тут же поинтересовался мальчик.

— Хороший вопрос. Жаль, что у меня нет ответа. Кстати, откуда ты знаешь, что это сон?

— Знаю и всё, — уклонился мальчик от ответа.

— Ладно, знаешь и хорошо, тем более что это правда. Сергей, на самом деле ты попал в аварию и сейчас лежишь в коме. Всё, что нас окружает, это не настоящее. Так что бояться не нужно. Это я к тому, что не могу постоянно находиться с тобой и какое-то время тебе придётся быть одному. И пусть это сон, но тебе нужно безопасное убежище. Я проверил пятую квартиру. Там никого нет, зато есть вода и запас консервов. Сиди там, пока меня не будет. Вот, держи!

Андрей протянул ключи и, когда мальчик сунул их в карман куртки, решил, что с него хватит.

— Ну, я пошёл? — сказал он небрежным тоном.

— Нет, не уходи! Ещё слишком рано! — воскликнул мальчик и потянул его за собой. — Давай погуляем.

«Интересно, рано для чего? Если для сумасшествия, то в самый раз. И так уже начинает казаться, что это я брежу, а не пацан», — подумал он, но спорить не стал.

— Давай! Только подожди, я проверю, что на улице.

«Ну а что? Если уж сходить с ума, то по-полной», — и он направился к арке.

Мальчик догнал его и схватил за рукав.

— Нет! — сказал он категорическим тоном и обиженно добавил: — Пап, бросай свои милитаристские игры. Я уже большой и в такую чепуху больше не играю.

— Говоришь, игры? — усмехнулся Андрей. — Нет, Сергей, это не игры, это моя жизнь.

На лице мальчика вновь отразилось скептическое выражение, роднящее его с дедом.

— Ну конечно, ты сейчас скажешь, что круче Джеймса Бонда и каждый день спасаешь мир. Пиф-паф! — и он крутанулся, изображая, как знаменитый шпион в заставке к фильму стреляет из пистолета.

— Нет, я обычный солдат, который убивает людей за деньги.

— И скольких ты убил?

— Тебе лучше не знать, — сказал Андрей и, чтобы сменить неприятную тему, поинтересовался: — Куда мы идём?

— К моему другу, — неожиданно ответил мальчик.

— Друг? И кто он?

— Не знаю. Он мне не сказал.

— Тогда с чего ты решил, что он тебе друг?

Мальчик поскуучнел.

— Ни с чего! — сердито буркнул он, а потом с обидой добавил: — Он постоянно здесь и не бросает меня одного. А ещё он дал мне одежду.

— Я думал её достаточно вообразить, — заметил Андрей, насторожившийся при упоминании друга.

— Ха! Как бы не так! — самодовольно воскликнул мальчик и снова взял его за руку. — Он сказал, что кругом всё настоящее, только это будущее.

«Будущее? Вот как!» — не слишком удивился Андрей. Его самого не покидало ощущение, что это не просто игра воображения. С другой стороны, он понимал, что любая иллюзия — это калька с реального мира. «Вот только нельзя увидеть то, чего не видел в действительности, а здесь слишком много деталей, которых пацан не может знать в силу своего возраста», — подумалось ему. Но он не стал гадать что к чему и поощрительно улыбнулся.

— Ну, мы идём? Или ты уже раздумал знакомить меня с другом? Кстати, он ещё что-нибудь сказал?

— Он тоже сказал, что я в коме, — мальчик наморщил лоб. — И даже сказал, что именно со мной, но такими заумными словами, что я ничего не понял. А ещё он сказал, что мне ничего не грозит, если я приведу тебя к нему. Идём скорей! — добавил он и нетерпеливо дёрнул его за рукав куртки.

«Понятно, этой твари зачем-то нужен я, — резюмировал Андрей и покосился на сына. — Не настолько он мал, чтобы не соображать что к чему. Хитёр пацан, весь в деда. Ради собственной безопасности готов сдать меня с потрохами. А уж какое представление устроил „Папа, спаси!“ — что я, дурак, почти купился...»

Мальчик почувствовал перемену в его настроении и поднял голову, вопросительно глядя на него.

— Пап? Ты сердишься? — робко спросил он.

— С чего вдруг? — холодно отозвался Андрей.

Он заглянул в глаза сына, голубые и наивные, совсем как у его матери в пору их знакомства, и его обжёг стыд. «Вот дурак! Это же ребёнок, а я напридумывал себе всякой ерунды. Конечно же, пацан бессознательно копирует деда. А на кого ещё ему равняться? Но это не значит, что он такой же двуличный, как этот интриган».

— Не бери в голову, всё в порядке, — улыбнулся Андрей и добавил: — Просто я задумался, кто такой твой друг и, главное, что ему нужно.

— Ведь ты же не думаешь... — встревожился мальчик и мучительно покраснел, запоздало догадавшись о предательском подтексте своих предыдущих слов.

— Нет! Даже не думай! — быстро сказал Андрей. — В любом случае моя задача защищать тебя. Так что не переживай. Я солдат, опасность — моя профессия.

Он развернул мальчика лицом к себе и присел перед ним на корточки.

— Сергей, кем бы ни был твой друг, постарайся не слишком с ним откровенничать, хорошо? Если это замаскированный враг, он обязательно использует эти сведения против тебя.

— Или против тебя, — добавил мальчик, глядя на него потемневшими глазами.

— Верно, — подтвердил Андрей. — И я буду очень тебе признателен, если ты не будешь осложнять мне задачу.

— Какую задачу?

— Ты хочешь жить в таком будущем?

— Конечно, нет!

— Вот и я не хочу. Поэтому считай, что мы разведчики и наша первостепенная задача выяснить, из-за чего наша страна пришла к столь печальному результату.

— Он сказал, что так будет везде! — перебил его мальчик.

«Ещё хлеще! Значит это будет всемирный армагеддон», — помрачнел Андрей. И всё же в глубине души ему не верилось, что всё это всерьёз; ему хотелось верить, что это фантазия, вызванная воспалённым мозгом умирающего мальчика. «Просто я своим вмешательством придал достоверность его выдуманному миру, — ведь вид разгромленных городов, оставленных жителями, мне не в новинку», — подумал он. Но тут ему вспомнилась квартира, которую он выбрал убежищем для мальчика, и отогнал сомнения. Он был уверен, что та существует в действительности.

Он улыбнулся мальчику, который насторожённо смотрел на него.

— Почему ты так смотришь на меня?

— Ты говоришь как настоящий взрослый.

— А ты до сих пор сомневаешься в этом?

— Я уже не знаю, — фыркнул мальчик. — Вообще-то, я тоже вижу тебя в первый раз. Вот как ты можешь быть настоящим, если у нас нет ни одного твоего изображения? — на его лице промелькнуло сомнение. — Но почему-то мне постоянно кажется, что ты настоящий.

— Давай так. Не важно, настоящий я или придуманный. Главное, что я с тобой. Хорошо?

— Хорошо! Скажи, а это правда, что ты бросил нас ради новой пассии, у которой много денег?

— Кто тебе такое сказал?

— Мама. И бабушка тоже. Так правда или нет?

— Нет, это неправда. Как только мы расстались с твоей мамой, я десять лет прослужил в ЧВК. Знаешь, что это такое?

Мальчик кивнул.

— Да. Частная военная компания. Сейчас много говорят о «Вагнере». Пап, а они действительно изменники родины, как о них говорят?

— Это с какой стороны посмотреть. Давай не будем о взрослых материях, хорошо? Политика — мутное дело. Ты слишком мал и всё равно не поймёшь.

— А почему ты здесь, если ты служишь в ЧВК?

— Пытаешься меня подловить? Не выйдет, — усмехнулся Андрей. — Я здесь потому, что три месяца назад словил осколок в голову. Всё обошлось, но эскулапы решили не рисковать и меня комиссовали. Вот я и приехал в Питер.

— Так тебя уволили из ЧВК?

— Можно и так сказать. Так что, когда придёшь в себя, передай маме, что у меня нет никакой пассии: ни богатой, ни нищей.

— У тебя есть мы, — оживился мальчик.

«Только вас мне не хватало!» — подумал Андрей, а вслух сказал:

— Разве мама не замужем?

— Вот ещё! Она сказала, что рано или поздно ты одумаешься и вернёшься к нам, а бойфренды так, для отвода глаз. Только, чур! это секрет. Иначе бабушка разозлится, и они опять поругаются.

— Договорились, я ничего ему не скажу, — Андрей посмотрел на мальчика и, опустив глаза, вздохнул. «Вот дура! Зачем морочить пацану голову? Ведь знает, что я к ней не вернусь».

Поднявшись с корточек, он поморщился от боли в коленях, это давал о себе знать двухдневный переход по осенним болотам одной северной страны.

— Сергей... — начал он, но мальчик развернулся и со всех ног помчался к проёму арки.

— Уходи! Ты нам тоже не нужен! — выкрикнул он, прежде чем скрыться.

Андрей выскочил на Невский проспект буквально через несколько секунд, но его уже нигде не было. Для очистки совести он позвал мальчика, а затем обыскал ближайšie места, где он мог успеть спрятаться.

«Похоже, ни пацан, ни его друг больше не жаждут встречи со мной», — скептически подумал он и усилием воли вырвался из тенёт наведённой иллюзии.

Стоило Андрею открыть глаза, и он натолкнулся на взгляд Лапочкина. Вид у него был такой, что он сразу почувствовал себя как на допросе в известном учреждении на Лубянке. И всё же это был не просто матёрый кагэбэшник, но и дед, искренне переживающий за внука.

— Как он? — нетерпеливо спросил Лапочкин.

Андрей пожал плечами.

— Нормально. Резвится на игровой площадке под названием «Будущее» и даже завёл себе друга.

— Рассказывай по порядку и во всех подробностях. Ничего не упусти.

Лапочкин внимательно выслушал его рассказ, больше похожий на военную сводку, а затем надолго впал в задумчивость. Андрей тем временем помалкивал, не мешая ему переваривать полученные сведения. Ему было интересно, о чём именно он размышляет, но сомневался, что когда-либо это узнает.

— Как думаешь, кто этот друг — выдумка или кто-то такой же, как ты? — нарушил Лапочкин молчание.

— А какой я по-вашему? — сердито спросил Андрей.

Лапочкин смерил его пристальным взглядом, а затем понимающе кивнул.

— Значит, вспомнил. Врачи предупреждали, что такое может случиться. Ну да, ладно, не беда. Возможно, так даже лучше, — он слегка поколебался. — Я расскажу о том, что тебя интересует, но знай, это гостайна, тебе придётся подписать документы о неразглашении.

По мнению Андрея, сведения, изложенные Лапочкиным, на гостайну не тянули, они больше походили на сюжет дрянной научно-фантастической книжонки, с уклоном в блокбастер, но документы ему пришлось подписать, чтобы не получить пулю в голову.

Проект назывался «Солдат удачи» и разрабатывать его начали ещё в СССР.

Прежде чем приступить к изложению, что это такое, Лапочкин дал вводную, то есть рассказал предысторию возникновения проекта. По его словам, в пятидесятых годах прошлого века по всему миру прокатилась волна невиданного интереса ко всему необычному и лишь ленивый не болтал о загадочных НЛО и пришельцах. СССР подключился к уфологической истерии несколько позже, заподозрив, что инцидент в Розуэлле действительно странный и США чего-то темнят, говоря, что это обычный метеозонд, хотя разведданные этого не подтверждали. Технологии пришельцев в руках врага — это уже было тревожно, особенно когда припомнили таинственный Тунгусский метеорит, который в 1908 году разнёс тайгу в Сибири на значительной площади и, что особенно напрягало, по силе взрыва его можно было сравнить с недавно разработанной водородной бомбой.

А затем, не успел мир отойти от темы НЛО, как поднялась новая волна — на Западе заговорили об экстрасенсах, которые якобы способны делать то, на что не способны обычные люди. Восток снова насторожился. В советских верхах припомнили байки о Вольфе Мессинге с его уникальным даром внушения и снова встревожились. Шпионы с экстрасенсорными способностями — слишком уж большое преимущество, чтобы оставить это без внимания. Погребли по сусекам и вот они голубчики: мистики и мистификаторы

отечественного разлива. Правда, стоило дать слабину и как из рога изобилия посыпались последователи Джуны Давиташвили, Нинель Кулагиной, Юрия Лонго и прочие аферисты, утверждающие, что они могут всё: лечить руками, двигать предметы взглядом, левитировать в воздухе, делать операции без наркоза и даже оживлять умерших людей.

Андрею весь этот безумный бурлеск, который бушевал в прошлом веке, был абсолютно безразличен — более приземлённое поколение девяностых интересовали совсем другие события и вещи — но он терпеливо ждал, когда Лапочкин закончит лить воду и перейдёт к главному. И он дождался.

Первоначальный энтузиазм советского руководства, подогреваемый фантазёрами от науки, быстро сошёл на нет. Проверка способностей самопровозглашённых экстрасенсов вызвала разочарование. Нет, кое-что было, но настолько неустойчивое по своему проявлению, что, как говорится, овчинка не стоила выделки. И поскольку деньги были уже выделены, причём немалые, то сочли разумным сменить спектр исследований.

Как любой порядочной сверхдержаве, СССР были нужны суперсолдаты — вот в этом направлении и начали работать. Бурное развитие микроэлектроники, приведшее к созданию умных машин, задало нужный вектор, на повестке дня встал симбиоз искусственного с живым. К тому же среди учёных нашлись светлые головы, которые совершили прорыв в том, что впоследствии было названо кибернетическими организмами,[1]они же киборги, в сокращённом варианте. Причём советские, впоследствии российские учёные, пошли иным путём, чем на Западе. Созданные ими устройства базировались не на полупроводниках, а совсем на иных материалах и, как следствие, иных принципах.

Открытие того, что заменило полупроводники, было счастливой случайностью. Как и в случае с Олегом Лосевым[2], оно принадлежало совсем молодому парню. Он был сыном учёного, участвующего в проекте, и на момент своего открытия ещё учился в школе. Выведенный из себя жалобами жены, отец мальчика решил посмотреть, почему у его отпрыска не идёт учёба, и залез в его тетради, которых оказалось неожиданно много и все они были полностью исписаны. Правда, он не понял, что это такое, и дождался сына — уж очень его заинтересовали многостраничные химические формулы, перемежаемые математическими выкладками и непонятными рисунками. Парнишка поначалу отмалчивался, а затем сдался и рассказал над чем работает. Учёный показал записи сына коллегам и они, разобравшись, пришли к единодушному выводу, что юный гений совершил прорыв в непознанное и Нобелевская премия — это самое малое, что он заслуживает. К сожалению, об этой работе никто не узнал, её сразу же засекретили, а мальчика отправили в закрытый Академгородок, где он продолжил свои исследования.

— Ну и что он изобрёл? — не выдержал Андрей.

Он не оставлял надежды всё же попасть сегодня к матери на кладбище.

Лапочкин укоризненно глянул на него.

— Ведь ты инженер... Ладно, бывший, но неужели тебе совсем не интересно?

Андрей смерил его взглядом, проверяя, что это — издёвка или он действительно считает, что ему должно быть интересно.

— Чтобы быть инженером, нужно работать инженером, а не бегать с автоматом, стреляя в людей, — сдержанно ответил он, хотя ему очень хотелось грязно выругаться, а затем высказать всё, что он думает о своём собеседнике и его семействе.

— Ладно, не злись. Для твоего успокоения могу сказать, что ты не зря проливал кровь. Ты сослужил хорошую службу своей родине.

От пафосных речей Андрею всегда сводило скулы, он их ненавидел и каждый раз, когда их произносили, чувствовал себя лохом, которого только что поймали, причём за здорово живёшь.

— Знать бы ещё в чём эта служба заключалась, — угрюмо буркнул он.

— Вот в этом.

Лапочкин порылся в кармане, а затем раскрыл ладонь. На ней лежала полупрозрачная зелёная пластина, слегка подсвеченная изнутри.

— Тебе есть чем гордиться. Это чудо биоинженерии создано благодаря тебе.

— Я так понимаю, вы запихали эту дрянь мне в голову.

— Нет, это новейшая разработка. Тебе подсадили один из первых образцов, который куда более примитивен, чем этот.

— Ну а теперь что вам от меня надо? Какого чёрта вы снова ко мне привязались? Или вы не успокоитесь, пока не загоните меня в могилу?

— Тише, не кричи! Ты беспокоишь сына.

— У меня нет сына! — рявкнул Андрей с ненавистью глядя на невозмутимого Лапочкина, но всё же понизил голос. — Это украденный у меня сперматозоид и больше ничего. Мальчишка не знает меня, а я не знаю его, у нас нет ничего общего. Вы украли у меня сына, вы украли у меня свободу, молодость, надежду на лучшее будущее. По большому счёту вы украли у меня всё, и лишь потому, что однажды я не выдержал и схватился за нож, доведённый до ручки вашей ненаглядной доченькой. Вот за это вы мне и мстили, а именно на протяжении десяти лет с чувством, толком и расстановкой поджаривали меня в горниле войны. И всё же порой мне кажется, что это следствие, и вы изначально видели во мне подопытного кролика; вы знали, что нам не долго быть вместе, и сделали всё, чтобы Дарья меня разлюбила.

«М-да! Всё же нужно было не поддаваться эмоциям и взять кого поглупей», — подсадовал Лапочкин.

— Это всё твои домыслы, причём безосновательные, — заявил он со спокойствием и доброжелательно добавил: — Андрей, не горячись. Хочешь ты того или нет, но Серёжа твой сын... Если сомневаешься, я могу предъявить тест, который подтвердит твоё отцовство.

— Не нужно. Достаточно вашей реакции. Вам же нож острый в сердце, что теперь пацан знает правду обо мне, — Андрей холодно улыбнулся. — Остаётся лишь надеяться, что я переживу его выход из комы и меня не постигнет скоропостижная смерть в результате несчастного случая.

— Не постигнет, — ответил Лапочкин и его черты ужесточились. — Не потому, что я добрый, а потому что ты ещё нужен. Так уж вышло, что твой прежний чип повреждён во время ранения и в любое время может выйти из строя. Если ты согласишься на его замену, я даю слово, что больше тебе не придётся рисковать жизнью. Все испытания будут проводиться в лаборатории. Подожди, не перебивай! Сначала дослушай меня. Тебя зачислят в штат. Пока инженером по оборудованию, но тебе придётся пройти переподготовку и сдать экзамен. Ты знаешь мою позицию, я неумех у себя не держу. Тем не менее, памятуя о твоём вкладе и о том, что тебе пришлось пережить, я буду платить тебе с самого начала подписания договора о найме. Ты не пожалеешь, оклад будет царским.

Гнев схлынул также быстро как накатил, и Андрей с грустной усмешкой покачал головой.

— Думаете, я по-прежнему тот глупый мальчишка, жадный до денег и развлечений?

Если да, то вы ошибаетесь. Как выяснилось, деньги — не самое главное в жизни. Никакие миллиарды зелёных не подарят молодость старику и не вернут к жизни умирающего ребёнка. Они не способны даже толком вернуть здоровье. А если так, то зачем они? Я не делец по натуре, мне достаточно того, чтобы жить безбедно, а это, если подумать, не так уж много денег. Во всяком случае, мне на жизнь хватает и большего мне не нужно, только лишние заботы.

Он стиснул ладони, сцепленные в замок, и хмуро глянул на мальчика.

— С пацаном помогу, чем смогу, но это всё, большего от меня не ждите. Я уже достаточно поработал лабораторной крысой, и теперь хочу пожить как человек. Пусть другие двигают науку. Я же у вас не один такой.

— В том и беда, что ты единственный, кто продержался так долго. Все остальные... сошли с ума ещё на начальном этапе. Год — самый длительный срок, — признался Лапочкин со вздохом.

— Понятно, — Андрей помолчал, соображая, что делать.

Он сильно сомневался, что ему удастся отбояриться от нового чипа. «Если родина вознамерилась воткнуть его мне в голову, она это сделает», — озабоченно подумал он.

— В любом случае, чип не стоит трогать, пока пац... пока Сергей не придёт в себя. А там видно будет, — закинул он удочку.

— Что ж, здесь ты прав, — согласился Лапочкин, иронично глядя, и Андрей вновь ощутил себя двадцатидвухлетним дураком, которого он обвёл вокруг пальца.

— Кстати, а его можно удалить? Просто, без замены? — поинтересовался он.

— Пробовали, но увы. Летальный исход или сумасшествие, причём в буйной форме. Стопроцентно.

— Тогда с чего вы решили, что клиент в моём лице не отбросит копыта во время замены?

— Неделю назад нам удалось найти хирурга, причём не просто хорошего, а от бога. Так что не бойся, она уже провела пару операций и обе удачные.

«Пару операций и уже хирург от бога? Нет, так дело не пойдёт, — и Андрей, будто невзначай, вместе со стулом отодвинулся от кровати, чтобы быть поближе к выходу. — Конечно, шансов мало, а вдруг? Поселиться в палате с решётками на окнах я всегда успею...»

Он встал, готовый к прорыву, но Лапочкин и здесь его опередил.

— Ты свободен, — тут же среагировал он. — Я знаю, ты собирался на кладбище к матери. Если хочешь, тебя отвезёт мой водитель. Если нет, то вот ключи. Машина на стоянке перед центральным входом. Можешь её не возвращать, она твоя.

«Круто! Бывший КГБ расщедрился аж на BMW», — мелькнула у Андрея мысль при виде лейбла на ключе.

— Не бойтесь, что я сбегу? — спросил он, прежде чем уйти.

Лапочкин смерил его долгим взглядом.

— Если по твоей милости с Серёжей что-нибудь случится, я тебя из-под земли достану. Вот тогда десять лет в ЧВК тебе покажутся раем. Уяснил?

— Более чем. Кстати, когда у нас следующий сеанс связи?

— Завтра. Я за тобой зайду, и мы поедем.

— Зайдёте? Не понял.

— Что здесь понимать? — поморщился Лапочкин. — Пока Серёжа не придёт в себя, ты

будешь жить у нас.

«О как! — подумал Андрей, удивлённый неожиданным поворотом. — Никак сбывается мечта дурной молодости, у меня есть шанс снова пожить в роскоши».

— Да нет уж, давайте вы сами по себе, а я сам по себе, — отказался он.

— Ну смотри, была бы честь предложена.

— Спасибо, но не хочу привыкать. Вдруг так понравится, что не захочется уходить. Ну а вам, я так понимаю, ни к чему сложности с тем, кто в любое время может съехать с катушек.

На лице Лапочкина промелькнула досада.

— Иди! Потом поговорим, — сухо сказал он и склонился к внуку. — Ну как ты, малыш? — спросил он и выражение его лица заметно смягчилось.

«Ну, хоть пацану повезло с дедом», — подумал Андрей, борясь с завистью. В его детстве не было родственника-мужчины, которого он мог уважать и который служил бы ему примером, и сейчас он жалел об этом.

Он любил мать. Да и как её было не любить? Взбалмошная и весёлая, она невероятно баловала его. «Так что неудивительно, что я вырос заносчивым говнюком, — самокритично подумал Андрей и вздохнул. — Всё же женщины неспособны воспитать настоящего мужчину».

Видя, что Лапочкин с недоумением смотрит на него, он толкнул дверь и вышел в коридор.

Задумавшись, он чуть было не столкнулся с молодой темноволосой женщиной, внезапно вышедшей из врачебного кабинета. На вид она была его ровесницей и что примечательно без капли косметики на лице. «Симпатичная», — решил он и беззастенчиво оглядел её с головы до ног, а затем в обратном порядке.

— Ну как? Есть видимые дефекты? — сухо спросила она, дождавшись окончания осмотра.

— Ни одного, — признался Андрей и предложил: — Док, как вы смотрите на то, чтобы выпить вечером и поболтать за жизнь?

— С чего вы решили, что я врач? — последовал встречный вопрос.

Он расплылся в улыбке.

— Док, мне так часто шгопали шкуру, что я вашего брата распознаю даже с закрытыми глазами.

Во взгляде женщины мелькнуло любопытство. Она понимающе кивнула.

— Слышала о вас и даже видела. Правда, только рентгеновские снимки головы.

Андрей перестал улыбаться.

— Хирург от бога? — поскущел он.

— И что? — с вызовом отозвалась женщина.

— Да так ничего. Спешу я, — и он направился к лифтам.

— Струсили, да? — выкрикнула она ему вслед и он, не оборачиваясь, помахал ей рукой.

— Пока, док! Даст бог, никогда не свидимся.

Когда женщина-врач достала сигареты и направилась в противоположную сторону, он бесшумно догнал её и пошёл следом.

— Вот козёл! — пробормотала она, не замечая его присутствия, и захлопала себя по карманам.

— Если ищете зажигалку, она в юбке, в накладном кармане слева, — подсказал Андрей и поймал пачку сигарет, выпавшую из её руки. — Док, что-то вы слишком нервная для

хирурга. Так недолго зарезать пациента.

Женщина резко развернулась и заглянула ему в лицо.

— Что вам надо?

— Ну... — призадумался Андрей. — Док, всё же как насчёт свидания? Может, для начала Астория? В восемь вечера устроит?.. Ладно, я буду ждать, а вы подумайте.

— Я не приду!

— Ничего не слышу! Астория. Восемь вечера.

«Вот ведь самонадеянный плут», — улыбнулась женщина-врач, когда он скрылся в лифте. «Проклятье! Мне нечего надеть в эту чёртову Асторию!» — спохватилась она и, загасив сигарету, набрала подругу.

— Ксюш, солнышко! Я в цейтноте. Вечером свидание, а у меня ни одного приличного платья!

— Не паникуй, Жанка! Клянусь шевелюрой Ван Дизеля, будет тебе вечерний прикид, — бодро отозвалась подруга.

При виде новенького BMW, отозвавшегося на зов ключа, Андрей уважительно присвистнул. «Богато и солидно аж до соплей! Раньше за такой подарок я возлюбил бы тестя как отца родного, но, видно, не судьба», — подумал он и, плюхнувшись на мягкое кожаное сиденье, выжал газ.

Видя, с какой скоростью машина рванула со стоянки, Лапочкин опустил шторку и удовлетворённо улыбнулся. «Парень в хорошем настроении. Кажется, дельце выгорело».

— Ну? — отозвался он на звонок мобильного. — Ключули оба?.. Хорошо. Старайтесь не мешать им и обеспечьте наилучшие условия для свидания. Да, Белозёрского доставлять ко мне не надо, просто следите.

Он набрал номер Андрея.

— Забыл сказать, на заднем сиденье лежит договор. Квартира тоже твоя. И не лихачь, мне только тебя ещё в больнице не хватало, — ворчливо сказал он и, не дожидаясь ответа, нажал отбой.

[1] То есть биологические организмы, содержащие механические или/и электронные компоненты.

[2] Физик-самоучка из Твери, открывший свойства полупроводников. Несмотря на мировое значение данного открытия, его имя практически неизвестно.

ГЛАВА 3. Печаль минувших дней. Человек полагает, а Бог располагает

Андрей приехал не к центральному входу, а к одному из боковых, и вышел из машины. Северное кладбище встретило его относительной тишиной и невероятной вонью. Пахнут ли это трупы, всплывшие по весне, как утверждали городские скандалисты, или это озонируют воздух удобрения с фермерских полей, простым петербуржцам было неизвестно.

Стараясь пореже дышать, Андрей прикрыл нос шарфом и быстрым шагом пересёк площадь около церкви и свернул на тропинку, ведущую вглубь кладбища. Спустя некоторое время он засомневался в выбранном пути и достал телефон. Всё же память его не подвела, направление было правильным, и он зашагал дальше.

К его удивлению, могила матери не выглядела заброшенной, как он опасался. И даже больше. Простенькую железную оградку сменило гранитное обрамление, а крест — памятная стела с фотографией на эмали. За могилой кто-то явно ухаживал. Прошлогодние листья были убраны, в вазонах по бокам стояли свежие белые розы, у стелы красным светом теплились лампы.

У Андрея было лишь одно предположение, кому он этим обязан и в его душе впервые шевельнулась благодарность к Лапочкину. Сняв с плеча сумку, он поставил её на гранитную скамеечку, а затем сел сам и поднял голову, глядя на фотографию матери. На ней она была красивой, весёлой и совсем ещё молодой — именно такой она ему и запомнилась.

Память тут же рванулась в прошлое и от воспоминаний о матери у него защипало глаза.

«Прости, мама! — начал он свою исповедь. — Прости, что так долго не приходил, и тебе пришлось полагаться на доброту чужих людей. Я был бы рад прийти, но не мог.

А ещё прости, что редко вспоминал о тебе. Почему, даже не знаю... Впрочем, вру, я знаю. Мне было стыдно за себя. Ведь поначалу я даже радовался, что тебя больше нет. Типа: ура! теперь я могу в любое время приводить девчонок и друзей, которых я наконец заимел, поступив в институт.

Это уж потом до меня дошло, что ты ушла навсегда. А когда дошло, стыдно сказать, я ревел как девчонка. Знаешь, я даже молился богам, всем подряд: Иисусу, Аллаху, Будде и даже Сатане — в надежде, что они повернут дело так, будто твоя смерть — это всего лишь дурацкий сон. А когда совсем отчаялся, то проклял их всех и тебя заодно. Ты не знаешь, какими гнусными словами я тебя обзывал, и слава богу.

Наверное, я бы спился или чего похуже, но ты снова спасла меня. Помнишь, как я тонул в Невке? Не знаю, с какого перепугу мне приспичило перейти на другой берег. Ты кричала мне вслед, но я не слушал. Лёд проломился и... до сих пор у меня перед глазами как ты бежишь ко мне. Прости! Сейчас мне кажется, что именно оттуда твоя болезнь, ведь ты сильно застудилась, пока вытаскивала меня из воды. Ты так долго болела... Господи, какой же я идиот!

Так вот, мам, обозлившись, я хотел выбросить твои вещи — все до единой, чтобы больше ничто не напоминало о тебе — и тут из шкафа выпал свёрток. Это был подарок на мой день рождения. Ты знала, что... и оставила прощальное письмо. Оно-то меня и спасло... Опять вру! Нет, мам, меня спасла твоя любовь. А знаешь, я только сейчас понял, что ты —

единственная женщина, которую я любил в своей жизни. Вот так, мам! Теперь всё по чесноку».

Андрей смахнул выступившие слёзы и расстегнул сумку. К бутылке розового мартини, коробке шоколадных конфет и букетику ландышей — всему тому, что любила мать, он присовокупил два бокала и подошёл к стеле. Откупорив бутылку, он разлил мартини по бокалам.

— Мам, я сделал, как ты просила: закончил институт и женился. Пусть неудачно, но у тебя есть внук. Сергей его зовут. Пока я не слишком его знаю, но, думаю, он хороший парень, — он положил ладонь на холодный камень. — Обещаю, когда-нибудь мы с ним придём к тебе вдвоём. Так что спи спокойно и ни о чём не думай. Даю слово, у меня всё будет хорошо, — сказал он и один мартини вылил рядом со стелой, а другой выпил сам.

Прежде чем уйти, он ещё некоторое время смотрел на фотографию матери, а затем отправился в обратный путь.

BMW стоял на месте, вот только теперь его «украшала» длинная царапина на боку. «Кажется, гегемону пришлось не по душе моё соседство», — усмехнулся Андрей. Маршрутки и народ разъехались, осталась лишь одна выдавшая виды белая «газель». Водитель маршрутки, совсем молодой парень, сидел за рулём и делал вид, что не замечает его внимания. «Может, кто другой попортил, а не он? — подумалось ему. — Ладно, сейчас проверим».

Надев перчатки, он подошёл к «газели» со стороны водителя и постучал по стеклу.

— Братан, прикурить есть?

Парень бросил на него испуганный взгляд и поспешно замотал головой.

— Нет! Я не курю!

— Надо же, я тоже! — сказал Андрей и, не дожидаясь, когда он уедет, саданул кулаком по стеклу.

Вскоре водитель «газели» лежал на асфальте и орал, что найдёт на него управу.

Андрей рывком перевёл его в сидячее положение и ткнул под нос ключи от «газели».

— Видишь? Это следы краски от моего BMW. Ну? Что скажешь, говнюк? Дадим дел ход? Или поговорим как мужики и разойдёмся полюбовно?

— Лучше полюбовно, — испуганно пробормотал парень и согнулся, ловя ртом воздух.

— Ну-ну! Не надо слёз, не так уж сильно я тебя ударил, — похлопал его Андрей по плечу. — И мой тебе совет. Старайся больше не пакостить, даже если очень хочется. А если напакостил, то не любопытничай...

Он резко обернулся.

— Этот гадёныш испортил мой новенький BMW. Поцарапал корпус ключами. Если хочешь заплатить за ремонт, то я только «за», — сказал он, глядя на пожилого мужчину, который застыл с занесённой монтировкой.

— Что? — заморгал глазами дядька и попятился назад. — Какой BMW? Я здесь ни при чём!

— Дед, не нервируй меня.

— Да не серчай ты, мил человек! — залебезил пожилой водитель. — Вижу, парнишке плохо, дай, думаю, узнаю, может ему помощь какая нужна.

— Ладно, мужики, валите отсюда, пока я добрый, — Андрей выпрямился и для большей

доходчивости перевёл сказанную фразу на матерный.

Взаимопонимание было полным. Обе «газели» сразу же уехали, причём с такой скоростью, будто за ними гнались. Андрей лишь покачал головой. «Вот идиоты! Их счастье, что живы остались», — подумал он и направился к пострадавшему BMW. И в самом деле, он чуть не убил парнишку водителя. Когда тот согнулся от удара в солнечное сплетение он занёс другую руку, чтобы добить его ударом в шею, но каким-то чудом сумел удержаться. Да и второй водитель основательно его выбесил. Отобрать у него монтировку и врезать ему же по черепушке для него было проще простого.

«Проклятые рефлексы! Когда-нибудь они точно подведут меня под статью», — вздохнул он и нажал на кнопку запуска двигателя.

Голод и рези в желудке привели его в придорожный ресторан. Ну а когда он вернулся к машине, то, прежде чем сесть за руль, решил посмотреть, чем ещё его облагодетельствовал Лапочкин. На заднем сиденье действительно лежала пластиковая папка с документами. Как оказалось, Лапочкин не поскупился и выделил ему квартиру рядом с Невском проспектом. Вот только куплена она была в тысяча девятьсот девяносто девятом году, причём на имя Льва Моисеевича Слоневского, абсолютно неизвестного ему типа. Но самый цимес состоял в том, что это была та самая квартира номер пять на втором этаже, которую он осматривал во сне Серёжи.

«Вот ведь жук! Всё-то у него продумано», — заинтригованный Андрей вытряхнул ключи из коричневой кожаной ключницы и протяжно присвистнул. Он их сразу узнал. Ключи были те же самые, какими он орудовал во сне, что заставило его призадуматься. «Впрочем, уже козе ясно, что это никакой не сон, — размышлял он. — Вот только нет подходящего термина, чтобы это дело обозвать. Иллюзия? Нет. Может, ясновидение? Тоже нет, отдаёт какой-то средневековой дурью. Параллельная реальность? Какая к чёрту параллельная, когда ясно сказано, что пострадает именно наш мир. Тогда что за фигня?» — задался он вопросом.

«Это симулятивная прогностика,[1] дружок», — ответил ему бесплотный голос.

Андрей насторожённо замер, но продолжения не последовало. «Интересно, это чип сбоит или нечто другое?.. Лучше бы нечто другое», — решил он и, положив ключницу на папку с договором о собственности, перебрался за руль BMW.

Осмотр квартиры он оставил на потом и поехал к Астории, где снял номер — тот самый, в котором они с Дашей праздновали медовый месяц, и заказал в ресторане столик на двоих. Это было сделано намеренно — в качестве предостережения самому себе. Андрей не любил дважды наступать на одни и те же грабли.

Спустя полчаса ему доставили приглянувшийся костюм и аксессуары к нему. Почему-то он был уверен, что доктор придёт на свидание в вечернем платье и ему хотелось ей соответствовать. Чтобы быть в форме, он принял душ и лёг спать. Усталость сразу взяла своё. Он уснул, как только голова коснулась подушки. И на этот раз никакая симулятивная прогностика его не беспокоила.

Ровно в восемь Андрей сидел в зале ресторана Астории.

Доктор его удивила. Она действительно была в вечернем платье, но носила его так, будто такие наряды были её повседневной одеждой. «С ума сойти! Ай, да док! Настоящая королева!» — подумал он, восхищённо глядя как она легко ступает на высоченных каблуках и при этом грациозно покачивает бёдрами. Вспомнив, что, по словам Лапочкина, его отец

принадлежит к высшей родовой знати Российской империи, Андрей улыбнулся. «Видимо, поэтому в женщинах меня куда больше привлекает порода, чем симпатичная мордашка и доступность», — подумалось ему. И в самом деле, простота и непосредственность были не в его вкусе, в женщинах ему нравилась сдержанная уверенность вкупе с элегантностью.

— Доктор, давайте сразу расставим точки над «i», хотите вы того или нет, но вы мой идеал, — сказал он, когда официант разлил вино по бокалам и ушёл выполнять их заказ.

— Даже так? — приподняла Жанна бровь и прохладно добавила: — А моё имя вы не хотите узнать? Если уж столь очарованы мной.

— Зачем? — усмехнулся Андрей. — Я могу и дальше звать вас «док». И тогда вы навсегда останетесь для меня таинственной незнакомкой.

Он поднял бокал.

— Выпьем?

— За что именно? — спросила Жанна.

— За таинство жизни, что влечёт нас друг к другу.

— Что ж, хороший повод выпить, — и она взяла бокал.

— Док... — Андрей склонился к Жанне. — А давайте не будем тянуть время и, как выпьем, сразу же поднимемся в номер. Нет, если вы голодны, можно и повременить.

Жанна смерила его изучающим взглядом.

— А давайте! — согласилась она и её губы дрогнули в улыбке. — Действительно, чего тянуть? Хоть избавлюсь от проклятых туфель.

Они чокнулись, но выпить не успели. Андрей побледнел и, выронив бокал, схватился за край стола.

— О чёрт! — пробормотал он с искажённым от боли лицом и виновато глянул на Жанну. — Простите, док! Кажется, сегодня не судьба...

— Держитесь! Сейчас будет подмога! — Жанна схватилась за телефон. — Срочно! Ему плохо! — резко сказала она и глянула на спешащего к ним метрдотеля. — Ваша помощь не требуется, я уже вызвала скорую. Она будет с минуты на минуту.

Действительно, вскоре за окном раздался тревожный вой сирены скорой помощи. Не свойственная российской медицине быстрота, с которой прибыла реанимационная бригада, вызвала интерес у парочки, сидящей по соседству, хорошенькой блондинки кукольного типа и седовласого мужчины с ястребиными чертами лица. Судя по виду, это были типичный папик и его содержанка, но разговор, который они вели, оставлял впечатление иных отношений.

— Как видишь, Мишель ничего не пускает на самотёк, — вполголоса проговорила блондинка.

— Мы тоже. Кремлю нас не переиграть, — хладнокровно отозвался её спутник и восхищённо прищёлкнул языком, глядя вслед Жанне. Не изменяя амплу королевы, она шла в хвосте кавалькады, уносящей Андрея.

— Нет, какая женщина! Жаль, что придётся её ликвидировать.

— Не спеши, — блондинка пригубила шампанское. — Конечно, наши хирурги ничем ей не уступают, но до них ещё нужно добраться, а Маньяку может потребоваться помощь прямо сейчас. И не забывай, его ценность возрастёт на порядок, если она сумеет подсадить ему новый чип.

— Моя дорогая, ты играешь не по правилам. Объект и чип нужны нам по отдельности, во всяком случае, таково задание, — возразил мужчина и кивком поблагодарил официанта,

поставившего перед ним тарелку со вторым. — Как там наш приз? — спросил он его.

— В плотном сопровождении, — ответил официант и добавил: — Будьте осторожны с именами, не стоит поминать чёрта, как говорят у нас, русских. Нам сложно нейтрализовать все людей известного вам «товарища». Он основательно почистил агентуру и кое-кого мы до сих пор не вычислили.

При виде приближающейся компании китайских туристов, сопровождаемых метрдотелем, официант вежливо улыбнулся.

— Для дорогих гостей всё что угодно, но вам придётся немного подождать, — сказал он.

— Боюсь, у нас нет на это времени, — с сожалением проговорил мужчина и встал, с намерением отодвинуть стул для блондинки.

Официант вознамерился сделать то же самое и в результате они столкнулись. Спутник блондинки смерил его недовольным взглядом, и халдей с извинениями отступил назад.

Когда парочка вышла из ресторана, отчего-то блондинке и гудзонскому ястребу неожиданно поплохело. Но российская медицина и в этом случае оказалась на уровне. Моментажно подъехавшая скорая распахнула двери, и крепкие медбратья без промедления уложили обоих на носилки. Как только двери «газели» закрылись, один из медбратьев достал объёмистый кофр со зловеще поблескивающими хирургическими инструментами, а другой — чемоданчик, чьё содержимое больше подходило электрику.

Блондинке сразу оказали помощь, правда, оригинальным способом. У той явно был нервный срыв, но медицинская бригада отчего-то начала своё обследование с гинекологии. Правда, метод оказался действенным. Электростимуляция самой любимой индийцами чакры быстро привела её в чувство и она, оставив бред о международном праве, начала отвечать на задаваемые ей вопросы.

Решив, что блондинка дала им достаточно чёткую картину своего заболевания, медбратья переключились на гудзонского ястреба, гнездящегося в Лэнгли. Как и ожидалось, он оказался крепким орешком. Поэтому его пришлось вести в спецбольницу и уже там, под действием водных процедур, он пошёл на поправку. Впрочем, кое-какие подробности из него пришлось тянуть буквально клещами, но ближе к вечеру обе истории болезни с чётко поставленным диагнозом уже лежали на столе у Лапочкина.

Прочитанное ему категорически не понравилось, и он позвонил метрдотелю Астории.

— Иван Иванович, я всё понимаю, но массовое отравление в вашем высококлассном ресторане? Это уже никуда не годится. Будь добр, поставь обслуживающему персоналу на вид... Да не огорчайся ты так! Не ошибается лишь тот, кто лежит в гробу. Да, за новые кадры хвалю, тут ты не промахнулся. Всё! Кровь из носу, но верни ресторации добрую репутацию.

После выговора персоналу ресторана, Лапочкин переключился на другую линию. Это был глава станции скорой медицинской помощи.

— Что делать с пострадавшими от отравления клиентами? Матвей, ты меня удивляешь. Насколько я знаю, ботулизм смертелен. Девчонка вряд ли выживет, масса тела маловата, а вот Хоука можно попытаться спасти, но особо не усердствуй. И да, не препятствуйте, если безутешные родственники пожелают забрать их хладные тела. Если начнут требовать компенсацию за погибших, пусть Иван Иванович не жмётся и заплатит по прейскуранту.

Лапочкин нажал кнопку на селекторе.

— Татьяна Павловна, у вас-то что приключилось? А конкретней, что за девица обрывает вам телефон? Жанна Слоневская? Ладно, соединяйте.

Выслушав сбивчивую речь хирурга, он поморщился.

— Жанна, мы договорились. Вы должны не просто извлечь старый чип, вы должны поставить новый. Так что никаких изменений. Иначе я дам ему умереть... Да, вы не ошиблись, мне плевать, что он отец моего внука. В моих глазах он лишь донор спермы. Я рад, что наконец-то вы поняли. Работайте!

«Проклятье! Ну что за день! Звонок за звонком, будто мне мало других проблем», — проворчал Лапочкин, кладя очки на стол.

— Михаил Николаевич, вам нести чай? — поинтересовалась секретарь, приотворив дверь в кабинет.

Это была несколько полноватая статная женщина. Белолицая, русоволосая, со здоровым румянцем во всю щёку — красивая истинно русской красотой, она будто сошла с полотен Васнецова, чем неизменно радовала взор Лапочкина.

— Да, Танюша, неси, — ласково сказал он. — И коньячок тоже прихвати, а то нервы совсем расшалились.

— Оно не мудрено при такой-то работе. Совсем вы себя не бережёте, Михаил Николаевич, — с укором проговорила васнецовская красавица и, спохватившись, сконфуженно улыбнулась. — Ой, ладно! Что-то я разболталась, а вам ещё ехать к Серёже. Я быстро, буквально одна нога здесь другая там!

— Спасибо, Танюша. И да! Пожалуй, коньяка не надо. Сам сяду за руль машины.

Секретарь покачала головой, увенчанной короной из пышных золотых кос, но ничего не сказала и, попятившись назад, бесшумно притворила дверь.

[1] Прогно́стика (от греч. πρόγνωσις «предвидение, предсказание») — наука (научная дисциплина) о законах и способах разработки прогнозов.

ГЛАВА 4. Больничные будни, с чудесами в решетке. Очередной поход в будущее

Так плохо Андрею ещё не было никогда, а всё потому, что он практически не знал, что такое настоящая головная боль, от которой люди, подверженные ей, временами лезут на стенку. Тем не менее он слышал, как доктор разговаривала по телефону, но до него не доходило, о чём она говорит — боль превращала её слова в белый шум.

«Если так дальше пойдёт, то я точно сойду с ума и стану буйно помешанным», — подумалось ему в тот краткий миг, когда его немного отпустило.

«Ну нет! Я не дам тебе провалиться в пропасть безумия», — услышал он вновь голос у себя в голове.

«Так сделайте что-нибудь, пока я не сдох от боли», — простонал Андрей, почувствовавший, что головная боль снова идёт по нарастающей.

«Хорошо, я попробую, — отозвался бесплотный собеседник. — Вообрази, что ты ещё не рождён и находишься в лоне матери. Ты всего лишь личинка, несущая жизнь. В защитном коконе ты бездумен и счастлив. Окружающий мир для тебя не существует. Всё, что нужно, даёт тебе мать, и большего тебе не нужно. Нет ничего — ни тревог, ни страданий. Душа в полной гармонии с телом... Андрей, расслабься! И поменьше скептицизма. Поверь, наш мозг способен на многое. Ведь ты знаешь, что есть люди, которые не чувствуют боли, а это значит, что есть механизм, который её отключает. Старый чип значительно расширил возможности твоего мозга, так пользуйся этим, чёрт тебя побери!.. Ах ты!.. Да что ж тебя так крючит? Всё-всё, дружок, успокойся! Я не злюсь. Давай сделаем так, я попробую подтолкнуть тебя в нужном направлении, может, чего получится... Эврика! А теперь представь, что боль можно убавить, примерно, как звук в радио... Молодец! Я знал, что у тебя получится. Андрей, послушай, с новым чипом...»

Голос умолк, как это бывает при обрыве связи, но Андрею было всё равно. У него действительно получилось. Боль исчезла, будто по мановению волшебной палочки, и он, охваченный блаженством, отдыхал и телом и душой. Волны безоблачного счастья накатывали одна за другой, но увы, гармония с миром не вечна.

На грешную землю его вернуло шевеление в затылочной области головы. Особенно ему не понравилось возвращение боли, хотя она была притуплённой и больше не выворачивала его наизнанку.

«Эй, док, шуруй осторожней! А то я стану идиотом уже по твоей милости», — забеспокоился Андрей. «Посмотреть бы, что она там делает», — мелькнула у него мысль. Стоило ему об этом подумать и он, будто под микроскопом, увидел оперируемый участок мозга. Выглядело это ужасно — рваные края нервных волокон и кровеносных сосудов оставляли впечатление, что их резали не скальпелем, а пилили тупой пилой. «Да твою ж мать! Док, ты просто мясник, а не хирург от бога!» — расстроился он.

Но хуже всего был кровавый океан, заливающий всё вокруг. «Она же ни черта не видит, что делает! Нет, с этим нужно что-то делать», — решил Андрей и первым делом попытался перекрыть кровоток в операционном поле. «Остановка сердца!» — донёсся до него чей-то встревоженный мужской голос, и он ругнулся, поняв, что перестарался.

— Реанимация? — спросил помощник и тут же радостно добавил: — Сердце бьётся!.. Но очень медленно. Что будем делать? — он вопросительно посмотрел на Жанну.

С мгновение она смотрела на значительно уменьшившийся ток крови из повреждённых сосудов, а затем перевела взгляд на лицо пациента, бледное до синевы и с характерно заострившимся носом.

— Продолжаем! — резко сказала она и хирургическая медсестра протянула ей новый чип.

Спустя сутки операция закончилась. От начала до конца Жанна провела её сама. Когда был наложен последний шов, она покачнулась, но устояла на ногах и лишь попросила дать ей воды.

Отказавшись от помощи, она дошла до ординаторской, и уже там упала на диван. «Vivere est vincere[1]», — пробормотала она и позволила себе потерять сознание.

Наутро следующего дня ей сообщили, что пациент пришёл в себя, и она поспешила в реанимационную палату.

— Ну, как наши дела? — спросила она деловым тоном.

— Судя по вашему виду, док, лучше, чем у вас, — ответил Андрей слабым голосом. — Как прошла операция? — любопытствовал он.

Жанна смерила его пристальным взглядом.

— Очень хорошо... вашими стараниями.

— Что вы имеете в виду?

— Всего лишь то, что вы из тех пациентов, с которыми легко работать, — сухо ответила она и повернулась к медсестре.

— Ксения, после перевязки дайте ему снотворное.

— Но ведь не рекомендуется...

— Я сказала, снотворное. В лошадиной дозе. Ему не повредит. Под мою ответственность.

— Как скажешь... как скажете, Жанна Львовна, — обижено протянула медсестра и, выждав момент, подмигнула Андрею.

Заинтересовавшись, он смерил её взглядом. Девушка была симпатичной, несмотря на разноцветные волосы, торчащие из-под шапочки, и прочие признаки экстравагантности, вроде татуировок и проколов под бижутерию. К тому же у неё были красивые ноги. Впрочем, на его вкус она была слишком массивной, в народе такой склад фигуры обычно зовётся широкой костью. «Здоровая сельская девка, испорченная городом. Не абы что, но покувыркаться можно», — пришёл он к заключению.

Когда Жанна ушла, медсестра села рядом с кроватью и без стеснения задрала халат. За ажурной резинкой чулок телесного цвета пряталась пачка сигарет с ментолом. Открытая часть бедра была покрыта ровным загаром и это несмотря на раннюю весну.

— Не возражаешь, если я подымлю? — улыбнулась девушка, заметив его интерес к её обнажённой конечности.

Андрей согласно опустил ресницы.

— Вот спасибо! — обрадовалась она и тут же щёлкнула зажигалкой. — Ежели чего, то я Ксения Смирнова, а ты можешь не представляться. Я и так знаю, что ты Андрюха Белозёрский. Кстати, я твоя личная нянька, если нужно будет сопли подтереть, только позови.

Тем не менее рядом с ним Ксения курить не стала. Подойдя к окну, она взобралась на подоконник и открыла настежь форточку. Здание было старинное и окна здесь были устроены ещё по-старинному. После нескольких затяжек, причём девушка старалась, чтобы сигаретный дым не попал внутрь палаты, она спрыгнула с подоконника и снова села рядом с ним.

— Ты не смотри, что Жанка сегодня злючка. Просто она устала, пока оперировала тебя, — сказала она и, засовывая пачку сигарет на прежнее место, весело покосилась на него. — Нет, я тебя не соблазню. Мы с Жанкой подруги, и у нас уговор не отбивать парней друг у друга. Я так прячу сигареты из-за драконовских порядков. Нам строго-настрого запрещено курить на территории больницы, поэтому приходится изгаляться. Чу! — она приставила ладонь к уху. — Кажется, старшая идёт, вот она реально злая. Заловит меня на безделье, выгонит взащей. Так что, Андрюха, не обессудь, но сейчас ты получишь у меня клizmu и все прочие радости жизни, что полагаются лежачим.

Девушка оказалась болтушкой и, занимаясь делом, продолжала трещать без умолку. По окончании процедур, она снова села рядом с ним.

— А ты молоток! Другие мужики стесняются, когда я их обрабатываю, а тебе хоть бы хны.

Андрей хмыкнул.

— Так не первый год замужем. Да и член не ворованный, было бы из-за чего кукожиться. К тому же твои коллеги уже не раз и не два полазили во все мои дырки, — сказал он и девушка, прикрыв рот ладонью, прыснула от смеха.

— Ну ты даёшь!

Она всё больше нравилась ему, и он добавил:

— Ксюха, если захочешь подыметь, приходи ко мне, я тебя не выдам, — пообещал он.

— Да ты ж моя радость! — Ксения склонилась и пылко поцеловала его в губы.

— Но-но! Не подумай чего лишнего, — погрозила она ему пальцем. — Это было исключительно в лечебных целях.

«Вот зараза», — заулыбался Андрей, когда девушка исчезла за дверью.

Спустя минуту после её ухода в палату вошёл Лапочкин, и он вздохнул. Хорошее настроение поползло вниз, как стрелка барометра перед бурей.

— Мало тебе доктора, решил приударить за сестричкой? — заметил нежеланный посетитель.

— Почему нет? Имею полное право.

— Имеешь, не спорю.

Лапочкин сел на тот же стул, где только что сидела Ксения. Представив, как он задирает брючину, чтобы достать сигареты, Андрей не выдержал и хрюкнул от рвущегося наружу смеха.

— Веселишься? Это хорошо. Жаль, что мне не до смеха.

Андрей перестал улыбаться.

— Сергею стало хуже? Если надо...

— Нет, с ним всё по-прежнему. Это мои проблемы, — сказал Лапочкин и добавил: — Точней, проблемы из-за тебя. Иногда мне кажется, что я вожусь с тобой, куда больше, чем с родной дочерью и внуком. Они доставляют мне куда меньше хлопот, чем ты. Во всяком случае, доставляли до недавнего времени.

— То же самое я могу сказать о вас, — парировал Андрей. — Не было дня, чтобы я не

вспоминал вас «добрым» словом.

— Если уж мы столь близки, может, тебе стоит вернуться в семью?

— Это что, предложение руки и сердца? — усмехнулся Андрей. — Так вроде вы там, в верхах, объявили однополую любовь вне закона. Кстати, с чего вдруг?

Лапочкин бросил на него ироничный взгляд.

— Потому что падение нравов начинается с малого, — усмехнулся он в ответ. — Неужели ты готов сочетаться со мной законным браком?

— Боже упаси! — поспешно воскликнул Андрей и про себя добавил: «Я ещё не сошёл с ума».

— Ну и зря. Я — завидный жених. Сам знаешь, у меня денег — куры не клюют.

Андрей припомнил, как тесть облапошил его при разводе и вздохнул.

— Мне чужого не надо, своё бы вернуть, — сказал он со сдержанной обидой в голосе.

— Если ты о своей жалкой двушке, то она по-прежнему твоя. Причём всё в том же виде, как была. Там никто не живёт, только раз в неделю приходит уборщица.

— Правда? — встрепнулся Андрей и сдавленно застонал от резкой боли в голове.

Фокус с отключением болевых центров удался лишь раз, да и то с помощью неведомого благодетеля.

— Правда. Между прочим, это Даша настояла на возврате тебе квартиры. Позвать врача? — Лапочкин потянулся к кнопке срочного вызова.

— Нет... Мне только что всадили дозу обезболивающего. Сейчас пройдёт.

Боль действительно пошла на убыль, и Андрей приободрился.

— Ну а так-то, как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Лапочкин.

— Жить буду.

— Это хорошо, — Лапочкин покачал головой. — Везучий ты, просто на удивление. Сказали, операция прошла очень удачно. Не иначе как сам бог тебя хранит, — он встал, собираясь уходить. — О Дарье не хочешь спросить?

— Зачем? — отозвался Андрей и, спохватившись, сдержанно добавил: — Она же под вашим присмотром, значит, с ней всё в порядке.

Лапочкин смерил его пристальным взглядом. «Что ж, насильно мил не будешь», — подумал он с неслышным вздохом.

— Выздоравливай, а мне пора.

— Михаил Николаевич, спасибо, что присмотрели за могилой мамы, — сказал Андрей ему вдогонку.

— Не благодари, она бабушка моего внука.

— Всё равно спасибо.

Лапочкин кивнул, принимая его благодарность. В дверях он столкнулся с Ксенией и, как человек старой закалки, придержал её для девушки.

— Здравсти, Михаил Николаевич! — прощбетала она, умильно глядя на всеильного патрона.

— Доброе утро, Ксения, — вежливо отозвался Лапочкин. — Ты уж присмотри за моим зятем, — добавил он и скрылся в коридоре.

«Неужели хочет, чтобы мы снова сошлись?» — озадачился Андрей и прислушался к себе. Соблазн был, но стоило ему вспомнить о жизни с Дашей, и он решил, что ни за что и никогда.

Размышления на эту тему ему перебила Ксения, подкатившая к кровати столик с

перевязочными материалами.

— Ну, как ощущения? — поинтересовалась она после смены повязки.

— Как у головы профессора Доуэля — убил бы всех эскулапов, да рук нет, — ответил Андрей.

— Вечно вы, парни, всем-то недовольны, — фыркнула девушка и, взяв шприц, злорадно улыбнулась. — Голова профессора Доуэля, говоришь? Это его счастье, что у него туловища не было, а у тебя оно есть и сейчас ты сполна получишь своё, — заявила она и с размаху всадила ему иглу в бедро.

— Больно!

— Не ори! Игла толстая, так и должно быть. Кстати, хочу предупредить, бросишь Жанку, и я такое тебе устрою, что мало не покажется.

— Она тебе так дорога? — любопытствовал Андрей.

— Да! И что? — вздёрнула девушка подбородок. — Друг другу рознь. *Amicus certus in re incerta cernitur.*

— Чего?

— Того, неуч! Верный друг познаётся в несчастье. Так это про нас с Жанкой. Понял?

— Понял! Ксюха, не злись, — сказал он примирительно. — Не скажу, что я без ума от дока, но к бывшей я точно не вернусь.

— Тогда ладно, — смягчилась девушка и накрыла его одеялом. — А теперь спи! Раз Жанка велела, значит, так надо.

Сон не принёс отдыха. Был ли тому причиной новый чип или нечто иное, но Андрея снова выбросило в будущее. Во всяком случае, кабина штурмового вертолёта, в котором он оказался, имела незнакомое, но явно модернизированное оснащение. «Надо же! Похоже, КА-58 запустили в серию, а может, это модель будет и покруче», — подумал он при виде массы светящихся панелей и покосился на пилота. «Лет сорок. Это хорошо, значит, мужик опытный. Ещё бы знать, куда мы летим и зачем», — подумал он и перевёл взгляд на карту. Они летели над территорией Европы, а именно над Молдавией.

— Справа рой БПЛА. Андрей! Да чтоб тебя! — лётчик ткнул в кнопку на панели и экран расцветился дружными взрывами.

Андрей поспешно прикрыл глаза. Лётчик снова позвал его, а затем, выругавшись, потряхнул за плечо.

— Извини, — пробормотал он, делая вид, что только что проснулся.

В ответ лётчик смерил его таким взглядом, что ему стало не по себе. Спать на боевом задании было не просто разгильдяйством, это было подсудное дело.

Что-то нужно было делать, причём срочно. Увы! При всём желании он не знал, как обращаться с оружием на борту вертолёта.

Оставалось лишь одно.

«Я знаю, ты меня слышишь! Сделай что-нибудь, пока нас не угробили, — обратился Андрей к невидимому куратору. «Подожди, не паникуй!» — сердито отозвался тот, и он облегчённо выдохнул.

— Что с тобой? — спросил лётчик.

Не успел Андрей придумать ответ, как услышал свой голос.

— Вторые сутки на ногах. Устал до отключки мозгов, — сказал альтер-эго и торжественно воскликнул: — Ах ты, сука! Попался!

Без его участия пальцы забегали по панели, и земля внизу взорвалась громадным огненным цветком с разлетающимися искрами-пчёлами отдельных снарядов.

— Макс! — рявкнул его же голос и вертолёт, уходя от ракетного роя, рванулся резко вверх, а затем крутанул мёртвую петлю.

— ТГС![2] Не прорвёмся! — выкрикнул лётчик.

— Прорвёмся, — спокойно ответил его голос.

«Уверен?» — и Андрей с надеждой посмотрел на руки своего альтер-эго, чьи пальцы продолжали колдовать над панелью вертолёта.

— Есть! Перенаправил! Девочки, домой! Полетали и хватит.

Андрей проводил взглядом ракетный рой, устремившийся к земле.

— Класс! — лётчик поднял большой палец. — Послать черешню по обратному адресу это круто!

— А то! — самодовольно отозвался альтер-эго. — Это им за всё хорошее в СВО. Распетушились, понимаешь! Да только Америка далеко, а мы рядом. И вообще, нужно быть невеликого ума, чтобы портить отношения с тем, от кого зависишь. Вот Батька это чётко понимал.

— Опять будут жаловаться в ООН, — заметил лётчик.

— Пусть жалуются, — презрительно отозвался альтер-эго. — Нам от этого ни жарко ни холодно, в отличие от господ европейцев.

Лётчик сверкнул довольной улыбкой.

— Слава богу, хоть своя промышленность попёрла в гору. Глядишь, однажды китайцев пошлём лесом. Вот только, думаю, штатовцы всё же обидятся и опять начнут орать, что мы прибили совершенно безобидную военную базу.

— Пусть разоряются. Будь моя воля, я бы расстрелял все натовские базы, особенно вблизи наших границ. Исключительно в профилактических целях. Может, однажды так и сделаем.

«Чёрт! Да что же здесь происходит? И вообще, что-то я не замечал за собой особых талантов к технике», — озадачился Андрей и подумал, что ему снова нечего сказать Лапочкину, когда тот спросит в какое именно время он угодил. И тут его взгляд упал на прибор; его заинтересовал не он сам, а пришпиленный к нему шильдик. На тонкой пластинке стоял никогда не виденный значок, непонятная буквенная аббревиатура и под традиционными штампами приёмки стояла дата: 17. 07. 2033. «Ясно. Как минимум прошло десять лет. Ну что сказать? — через боковой иллюминатор он посмотрел на землю. — Пока никаких глобальных потрясений нет. Молдова точно цела, судя по ночной иллюминации».

Наконец Андрей сообразил, что он в форме и сподобился посмотреть на свои погоны. «Однако ж! А Макс не из трусливых. Не каждый на его месте решился бы так смотреть на генерал-лейтенанта, — он почувствовал себя неуютно. — Чёрт знает что! Я и коллективная ответственность? Нет, лажа всё это! Высокое звание — это политика, а она точно не из моей оперы». Лётчик подался вперёд, что-то разглядывая на экране, и взгляд Андрея упал на куртку, висящую на спинке его кресла. «Охренеть! В качестве извозчика у меня целый полковник!»

— Знобит? — покосился на него лётчик. — Посмотри в моём рюкзаке. В правом кармане есть фляжка, там чуток армянского коньяка.

— Спасибо, но что-то не хочется, — отказался Андрей и ощутил насторожённость его «я» из будущего.

«Всё же появился», — услышал он мысленный голос альтер-эго.

«А ты, что, не ждал?» — спросил Андрей.

«Что уж теперь об этом. Ясно одно, судьбу не изменить», — безрадостно отозвался альтер-эго.

«Ничего не хочешь рассказать об апокалипсисе?»

«Всему своё время. Да и что ты можешь, рядовой наёмник без связей и влияния?»

— В штаб или на полигон? — прервал лётчик их внутренний диалог.

— Сначала в штаб, затем на полигон, — ответил альтер-эго и добавил: — Макс, не давай мне спать, а то всякая чертовщина уже мерещится.

Вертолёт развернулся и они, судя по направлению, полетели к дому, точнее на военную базу, где дислоцировался штаб Северо-Западного округа.

[1] *Vivere est vincere* — «Жить, значит побеждать», в переводе с латинского.

[2] ТГС — ракеты с тепловой головкой самонаведения.

ГЛАВА 5. Кадры решают если не всё, то очень многое

Что было дальше, Андрей не помнил. В какой-то момент его выкинуло в нормальный сон, и проснулся он только к обеду.

Еда показалась ему абсолютно безвкусной, да и чувствовал он себя отвратительно. К тому же ему не давал покоя только что состоявшийся поход в будущее. Если бы не болтовня Ксении, прибежавшей, как только он проснулся, он бы продолжал ломать голову над тем, что значат события, которым он стал свидетелем. И всё же, чем дольше он размышлял, тем больше ему не нравился ни тот Белозёрский из будущего, ни их краткий разговор. «Надменная сволочь! Такое чувство, что он меня презирает, как будто мы не одно и то же», — неприязненно подумал Андрей и решил, что никогда не станет таким, как альтер-эго из будущего. Правда, затем он вспомнил, каким болваном был в прошлом и лишь вздохнул: «Ладно, чего уж злиться? Не все рождаются умниками, которые прямо с пелёнок начинают подстилать себе соломку в стратегически важных местах бытия».

К пяти часам с обходом пришла Жанна и устроила ему проверку физического и умственного состояния. Найдя их удовлетворительными, она ушла. При этом она не сказала ему ни единого слова, помимо того, что касались её профессиональной сферы. «Да пошла она нафиг! — обиделся Андрей. — Тоже мне, королева красоты! С такими закидонами я больше не подойду к тебе на пушечный выстрел. Естественно, после того как меня выпишут».

Поначалу он колебался, стоит ли сообщать о новом сеансе прогностики, но в конце концов не выдержал и попросил Ксению сказать Лапочкину, что хочет с ним поговорить. Имея богатый опыт за плечами, он не сомневался, что девчонка, помимо исполнения обязанностей медсестры, шпионит за ним.

Лапочкин появился в восемь вечера. По сравнению с утренним визитом выглядел он не лучшим образом: на лицо легла усталость, под глазами набрякли мешки, выдающие проблемы с почками.

— Ну, что у тебя? — нетерпеливо спросил он, опустившись на стул, но тут же поднял руку, призывая его помолчать.

— Ксения, будьте добры, принесите мне чаю, — попросил он, и девушка тут же подскочила к нему.

— Хорошо, Михаил Николаевич! Вам чёрный или зелёный?

— Чёрный, пожалуйста.

— Сделаю! А из еды что-нибудь нужно?

— Разве что пару бутербродов с колбасой. Без изысков. С обычной, докторской. Накройте в моём кабинете, я скоро буду.

— Поняла! Уже бегу!

— Говори! — сказал Лапочкин, когда девушка скрылась за дверью палаты.

Стараясь ничего не упустить, Андрей пересказал события очередного вояжа в будущее. О военной карьере, ждущей его в этом самом будущем, он умолчал. Самолюбие заело. Он побоялся выставить себя дураком, если впоследствии окажется, что его две генеральские звезды на погонах окажутся такой же иллюзией, как его «мультик» и военное снаряжение

при встрече с сыном.

— Странно, — призадумался Лапочкин. — Выходит, мы в открытую бомбим натовские базы, а штатовцы лишь возмущаются, да и то довольно вяло, насколько я понимаю.

— Вот и я о том же! — воскликнул Андрей и зашипел от боли. Забывшись, он попытался приподнять голову.

— Ладно, я понял. Кстати, новый чип как-то повлиял на твои провидческие способности?

Андрей проанализировал свои ощущения.

— Не знаю, связано это с ним, но картинка стала значительно чётче и даже запахи появились. К тому же есть ощущение, что увеличилась дальность. Больше нет привязки к Питеру.

— Хорошо. Очень хорошо... И было бы ещё лучше, если это влияние чипа. Это означало бы, что ты не уникам, с которым нам придётся носиться как с писаной торбой, — рассеянно отозвался Лапочкин, явно думающий о чём-то своём. — Если будет новая информация, сразу же сообщай.

Он повернулся к Ксении, бесшумно просочившейся в палату.

— Готово?

Девушка чуть было не выпалила: «Так точно, товарищ генерал!», но вовремя спохватилась.

— Да, Михаил Николаевич. Всё готово. Чай заварила, бутерброды настрогала... ой, извините! соорудила. Надеюсь, вам понравится.

Тем не менее Лапочкин заметил заминку и, правильно её расценив, бросил на неё укоризненный взгляд. В ответ девушка состроила ему такую умильную рожицу, что он всё же улыбнулся. Новенькая нравилась ему, хотя поначалу он не хотел брать её в штат, посчитав, что она слишком молода и неопытна.

Досье заставило его изменить мнение. Оно характеризовало Ксению Смирнову как подающего большие надежды агента. Вследствие молодости опыта у неё было маловато, но подготовка была на должном уровне. «Снайпер и дипломированная медсестра? Необычное сочетание», — усмехнулся он, прочитав список её умений. Лапочкина несколько смущала полученная девушкой инвалидность, но она никак не влияла на её физические качества, и он решил рискнуть.

В общем-то, решающую роль сыграла родословная Ксении, а именно её прапрадед Арсений Кузнецов, который в юности был пламенным революционером, за что царский режим сослал его в Сибирь на каторгу, причём в канун Октябрьской революции.

Дело было в том, что Арсений Кузнецов приходился двоюродным братом Матвею Лапочкину, его прапрадеду. Правда, это был единственный случай, когда суровый кагэбэшник пошёл против правил. Хотя тогда он был слишком мал и звали его не по отчеству, а "юлой[1] Николы" за редкую непоседливость, тем не менее он помнил, что старики дружили и, предаваясь воспоминаниям о славном прошлом, порассказали много того, чего никогда не напишут в учебниках истории. А ещё дядя Лёня очень любил его и, сокрушаясь, что у него одни лишь женщины в породе, подаривал его подарками. Особенно "юла Николы" любил кораблики, которые старик мастерил собственноручно; у Лапочкина до сих пор была цела созданная им флотилия. Бережно хранимые барки, бриги, бригантины, баркентины, шхуны, кечи и прочие парусные суда стояли на стеллажах в специально отведённой для них комнате. В юности, захваченный романтикой дальних странствий, он

мечтал стать капитаном дальнего плавания и до сих пор жалел, что не последовал зову сердца.

— Идёмте, Ксения! Ничего если я ненадолго отвлеку вас от дел? — Лапочкин притворно вздохнул. — Теперь молодые и красивые не часто балуют меня своим вниманием.

«Ну-ну! Врите дальше, товарищ генерал», — внутренне ухмыльнулась девушка. Половина женского персонала госпиталя, свободного от брачных уз, вздыхала по недоступному вдовцу, а другая половина активно строила ему глазки, не оставляя мечты однажды его захомутать. Лапочкин это знал и был предельно осмотрителен в общении с женщинами, особенно с замужними, которые тоже не теряли надежды на его взаимность.

Стоило им выйти в коридор, и с лица Лапочкина слетело приветливое выражение. В полном молчании они дошли до кабинета, скрывающегося за неприметной, но бронебойной дверью в конце коридора.

— Хоук выжил? — спросил он, когда они зашли внутрь комнаты.

— Да, — кивнула девушка.

— Тогда готовьте операцию «Двойник». Бережёного бог бережёт.

— Так точно, товарищ генерал! — воскликнула Ксения, стоя в позе оловянного солдатики, а затем покосилась на стол. — Михаил Николаевич, вам чай с сахаром или без? — она виновато шмыгнула носом. — Извините, я новенькая, ещё не знаю ваших привычек.

— Молодёжь! Чему вас только учат. Вот в наше время контрразведка была на уровне, а сейчас сплошной детский сад, — проворчал Лапочкин, садясь за стол. — Ну, что стоишь? Почаёвничай со мной.

— Можно? — просияла девушка. — Ой не могу, субординация! — спохватилась она.

— Садись, Смирнова! Я сказал, что можно, значит, можно, — Лапочкин взял заварочный чайник. — Давай чашку, поухаживаю за тобой. Я ещё не такой старый лапоть, чтобы видеть в хорошеньких женщинах только сотрудниц.

— Ой! — хихикнула девушка и, порхнув за стол, протянула ему чашку. — Спасибо, Михаил Николаевич!

— Говоришь, новенькая? Откуда ты к нам? Впрочем, если ты из Красноярска, то наверняка Институт ФСБ.

— Так точно! Только что с курсов переподготовки.

Лапочкин поморщился.

— Ксения, давай без ора и солдатских ужимок, у меня и так голова к вечеру раскалывается.

— Извините, привычка, — сконфузилась девушка. — Михаил Николаевич, в общем-то, у меня коротенький послужной список. В основном, ерунда, работала по всякой мелочи. Разве что на СВО успела побывать, да и то всего лишь три месяца. Когда ранило, привезли сюда. Затем комиссовали и оставили тут медсестрой. У меня настоящий диплом медицинского колледжа. Правда, по основной профессии я тоже работаю, было велено присматривать за Андреем Белозёрским.

— Какое у тебя о нём впечатление? — заинтересовался Лапочкин.

Раздумывая, девушка подняла глаза к потолку.

— Скрытный. Подозрительный. Со всеми держит дистанцию. Никому не верит. В общем, по натуре одиночка. Близких друзей нет, но, если надо, может расположить к себе любого — до тех пор, пока человек ему нужен. Из себя выходит редко. С женщинами

холоден, хотя умеет распустить хвост, причём так, что, насколько мне известно, ещё ни одна не устояла. Тем не менее на него можно положиться. Крайне педантичен и, как правило, доводит порученное дело до конца. Да, чуть не забыла! Матерится редко, моется часто, таскает с собой запас нательного белья, за что получил кличку «Маньяк». Интеллигент, значит.

— В моё время его прозвали бы Фурмановым, — машинально заметил Лапочкин.

— Фурманов? — наморщила лоб девушка.

— Не бери в голову. Это преданья старины глубокой, тебе простительно не знать.

— Понятно! — Ксения облегчённо улыбнулась. Интуиция сказала ей, что генерал невидимого фронта, которого сослуживцы уважали и при этом основательно побаивались, остался ею доволен.

О том, что кличка «Маньяк» прилепилась к Андрею ещё и по другой причине, она умолчала. В рейдах, где рациональней было убить противника, он убивал и разжалобить его было невозможно — как бы жертва ни молила о снисхождении. Причём ему было не важно мужчина это или женщина. Порой он даже убивал детей, как правило, подростков, взявшихся за оружие. Но это были издержки профессии. В конце концов, так действовал не он один — убивать приходилась всем, кто служил в ЧВК. Сослуживцев удивляло другое — его полное спокойствие после сотворённых зверств, особенно на первых порах, когда он был ещё новичком. В то время, кто относился к нему неприязненно, за глаза называли его гестаповцем. Вот только выручая товарищей из беды, Андрей не жалел собственной шкуры и делал всё, чтобы они остались если не целы, то хотя бы живы, что не могло не вызвать уважение у тех, кто его знал. Так что ему прощали жестокость, тем более оправданную. В конце концов, их тоже учили расчеловечиванию противника.

Андрей проснулся от того, что его куда-то везли вместе с кроватью. Судя по особой тишине в больнице, на дворе стояла глубокая ночь.

— Народ, что происходит? — подал он голос.

— Тсс! Мы тебя похищаем, — отозвалась Ксения, облачённая в чёрный наряд ниндзя.

— Вот именно! Разорался тут, а ещё десять лет в ЧВК прослужил, — сказал второй похититель голосом Жанны.

— Тащат среди ночи неизвестно куда, да ещё наезжают, — сказал Андрей, задетый за живое.

— Молчи тебе говорят! — грозным шёпотом прикрикнула на него Жанна.

— А ты хочешь, чтобы тебя штатовцы спёрли? Только скажи, и мы с дорогой душой запродадим тебя звёздно-полосатым, — сдавленно хихикнула Ксения.

— Девчонки, вы точно ничего запрещённого не курили? — поинтересовался Андрей. — У вас же больница, а медперсонал, если верить сериалам, обязательно должен быть повязан с наркомафией.

Жанна фыркнула.

— Связи не проблема, денег нет. Если штатовцы не купят, разберём тебя на органы, вот и будет нам на курево.

— Ладно, делайте что хотите, — смирился Андрей и беззвучно ругнулся, когда колёсико кровати на что-то наехало и его основательно потрянуло.

— Смотрите куда едете!

— Ну, всё! Я его сейчас придушу. Он же нам всё конспирацию порушит.

— Спокойно, Жанка! Мы уже почти на месте. Остался только рядок и петелька.

«Какой рядок, какая петелька? Нет, девки точно под наркотой! — утвердился Андрей в своих подозрениях. — Закричать, что ли?» — подумал он, но прислушался к себе и решил, что не стоит. Интуиция молчала, значит опасности не было.

Неожиданно ему стало весело. Ночной вояж напомнил ему времена учёбы в институте, когда он, опьянённый свободой и вседозволенностью, пускался в любую авантюру. Охваченный жаждой приключений он с удовольствием ходил в походы, несколько раз проникал в подпольное казино, где ему пришлось играть в карты на деньги; затем он еле унёс оттуда ноги. По вечерам, напившись с сокурсниками, он мог спорить до хрипоты, отстаивая заведомую чушь. Во время лекций он донимал несчастных преподавателей заковыристыми вопросами, что чуть было не кончилось отчислением из ЛЭТИ. Он мог запросто прийти на вечеринку к незнакомым людям и устроить там кипищ, а затем благополучно сбежать, уведя с собой самую красивую девчонку. Тогда он мог всё — лишь бы не думать, что дома никто его не ждёт.

«Интересно, что эти заразы задумали?» — улыбнулся Андрей, охваченный ностальгией по беззаботной студенческой жизни.

И тут сухо затрещали выстрелы.

«Ну всё, капец! — обескураженно подумал он. — Даже если это наша больничная охрана, убьют как нефиг делать. И меня, и этих дур».

— Не бойсь, Андрюха, это наше прикрытие, стреляют холостыми, — громким шёпотом сказала Ксения.

— Дура! Палят не холостыми, а боевыми!

— Уверен? — тревожно спросила Жанна.

— Да! — рявкнул Андрей. — Живо в укрытие, пока в нас не насверлили дырок!

— Меняем маршрут! Едем к лифтам! — выкрикнула Ксения.

Девушки прибавили шаг, а затем перешли на бег и на всей скорости вылетели на площадку перед лифтами.

— К тому, что слева!

— Закрыто! Ремонт!

— Табличку сними! Жми кнопку!

Лифт открыл двери, и они втолкнули кровать внутрь кабины.

— Жанка, ты ближе! Три ладони над панелью! Вдарь как следует, а то не сработает! — выдохнула Ксения.

— Что?

— Не тупи! Скоро у нас будут гости!

Приподнявшись на цыпочки, Жанна мысленно отмерила расстояние в три ладони над рядом светящихся кнопок, обозначающих этажи, и с силой ударила в указанное место. Двери лифта захлопнулись, затем он резко вильнул в сторону и чуть ли не со скоростью падения поехал вниз. Вслед им донёсся глухой взрыв и матерная ругань, с обещанием оторвать голову, если объект погиб.

«Бросили граниту по запарке», — определил Андрей, стараясь сохранить ясность мысли. Из-за тряски у него разболелась голова.

На этот раз предусмотрительность Лапочкина сыграла им на руку. Лифт был с секретом. Их кабинка уехала в сторону запасной шахты, а на её место встала обманка.

Скоростной спуск закончился довольно мягкой посадкой. Девушки вывезли его из

лифта и бросились к скорой, стоящей в подземном гараже. Лёгкости, с которой его переложили с больничной кровати на носилки, позавидовали бы бывалые санитары.

Ксения села за руль, а Жанна осталась с ним в салоне.

— Что молчишь? — не выдержала она на первой.

Андрей прикрыл глаза.

— Что толку спрашивать? Всё равно от меня толку ноль.

— Не скажи! Если бы не ты, мы угодили бы в ловушку, — примирительно сказала Жанна и взяла его за руку. — Андрей, я не хотела ставить тебе чип, но Лапочкин настаивал.

Сказал, иначе он тебя убьёт. Ты его знаешь, он бы это сделал.

— Разве тебе не всё равно? — спросил он, не открывая глаз.

— Нет, не всё равно, — ответила Жанна и фыркнула. — Полно прикидываться! С твоим-то опытом! Ты знаешь, что я сразу в тебя втрескалась. Не беспокойся, бегать за тобой не буду. Я не из тех, кто гоняется за журавлём в небе. Так что предлагаю окончательно расставить точки над «і». Если ты не готов к отношениям, ничего страшного. Вернёмся к прежнему статусу: ты не знаешь меня, я не знаю тебя. Каждый пойдёт своей дорогой.

Андрей пытливо глянул на неё, но ракурс из лежачего положения и сумрак, царящий в салоне неотложки, скрадывали выражение её лица.

— Дашь время на размышления? Или я должен ответить прямо сейчас?

Жанна отвела взгляд.

— Уже всё ясно, можешь не трудиться.

— Глупости! В тебе говорит обида.

— Пусть так. Но сути дела это не меняет, — и она перебралась на сиденья у кабины.

— Жанна, я не сказал нет, — нарушил Андрей повисшее молчание.

— Это сказали твои глаза. Всё, помолчи! Я устала как собака собачья. Операция шла почти сутки, а тут ещё беготня с тобой, — она разорвала пакет и завернулась в спасательное одеяло[2]. — Спи! Тебе это тоже не помешает.

«Ладно, дуйся, если хочешь. Ход всё равно за мной. Как решу, так оно и будет. Прости, док, так уж устроено природой. Мужчина всегда имеет преимущество, ведь он — охотник, а женщина — добыча. И никакое равноправие этого не изменит», — снисходительно подумал он.

Пока всё было спокойно, и под мерный ход газели он незаметно для себя задремал.

[1] Юла — детская игрушка, она же волчок.

[2] Спасательное одеяло — тонкая плёнка из полиэтилентерефталата, покрытая металлизированным отражающим материалом (обычно золотистого и серебристого цветов). Включаются в аптечки первой помощи. При размере 210 × 130 см такое фольгированное одеяло весит менее 50 г.

ГЛАВА 6. Судьбоносная встреча. Побег, с радостью возвращения

Стоило ему уснуть, и будущее вновь воспользовалось случаем, чтобы нанести ему визит.

На этот раз обстановка была до боли знакомой. Шёл бой. Трещали автоматные очереди, воздух рвали взрывы гранат и миномётов. Непосредственно в окопе стоял мат-перемат вперемежку с истерическими командами и стонами раненых. Пахло порохом, землёй, вывороченной снарядами, кровью и дерьмом. Андрей бегло глянул по сторонам — тельняшки говорили, что это ВДВ, а лица окружающих, что это совсем ещё зелёные пацаны. «Курсанты. Что за хренотень?» — он выглянул из-за бетонного бруствера и, нырнув обратно, от души матюгнулся. Подозрения подтвердились — места были знакомые. Это был учебный полигон Рязанского училища ВДВ. Он проходил здесь курсы переподготовки, когда командование решило, что ему не мешает подтянуть профессиональные навыки. Вот только он никак не мог уразуметь, кто атакует прославленное военное училище, почему, да ещё в центре России.

И тут к противнику прибыла подмога. В небе появилось несколько десантных вертолётов, с явной принадлежностью к США, и у него засосало под ложечкой.

«Неужели началась война?» — тревожно подумал он и взял за плечо парня по соседству.

— Эй! Что здесь происходит?

— А я знаю? — выкрикнул тот. — Преподы подняли нас среди ночи, раздали оружие, пригнали сюда, а что к чему никто не сказал! Да ты сам знаешь, чего спрашиваешь? — его глаза подозрительно сузились. — Ты кто?

Отскочив, парень наставил на него автомат. И тут в действие вступил альтер-эго, в которого вселился Андрей. Судя по незнакомому голосу, на этот раз это был не он сам, а кто-то посторонний.

— Маркелов, не дури! Я думал, что хоть ты в курсе, что здесь творится!

В глазах парня мелькнуло узнавание. Он опустил автомат и наморщил лоб.

— Доска почёта. Первое место среди четверокурсников. Серёга Белозёрский?

— Он самый!.. Слева!

Стремительно развернувшись, Маркелов дал короткую очередь из автомата, а Сергей выхватил нож и сцепился с прыгнувшим на него дюжим негром.

«Твою ж мать!» — донельзя расстроенный Андрей старался не мешать сыну. Его навыки рукопашной были явно лучше, чем у него.

Пока длилась схватка, он впервые испытал на своей шкуре что значит быть родителем. К его облегчению, негр всё же дал маху, и Сергей перерезал ему глотку.

«Стой!» — рявкнул он, видя, что сын, разгорячённый схваткой, вознамерился выскочить из укрытия.

— Папа? — замер Сергей.

«Да, я! Уходи немедленно! Это «Морские котики», вам не выстоять! Живо!»

— Прости! Я не могу бросить товарищей, — в голосе Сергея прозвучала скрытая безнадежность. — Прощай, пап! Береги маму! — выкрикнул он и, пригибаясь, помчался туда, где кипел бой.

«Нет, чёртов мальчишка! Ты погибнешь!» — Андрей попытался перехватить управление телом сына, но его выбросило в реальность.

«Что это было? — спросил он невидимого куратора, но тот не отозвался. — Сволочь, не молчи! Там же мой сын! Скажи хоть выжил он или нет?»

Ответа не было, и донельзя расстроенный Андрей саданул кулаком по носилкам. Голова отозвалась острой болью, что вызвало у него поток нецензурной ругани. Взвинченный до предела он остро ощущал свою беспомощность. «Лежу тут как овощ на грядке! А мальчишку, может, уже сейчас убивают!.. Нет, с этим нужно что-то делать! А не попробовать ли заняться самолечением? — мелькнула у него мысль. — Ведь в тот раз у меня получилось. Как этот тип учил? Нужно расслабиться и отрешиться от забот? Да запросто!»

Запросто не получилось, но он знал это состояние, прежде оно не раз его выручало.

Стараясь равномерно дышать, Андрей представил, что сидит на скамейке в парке и над его головой раскинулось чистое звёздное небо.

Созерцание вечности, даже мысленно, привело к тому, что волнение постепенно улеглось. Вместе со спокойствием пришло то, чему у него не было названия. Возможно, это был выход на иной уровень бытия, а может, таким способом включались ещё не изученные способности организма. Во всяком случае, людям издревле знакомо это состояние, но раньше его воспринимали как связь с высшими силами,^[1] которые при желании могли не только поведать о будущем, но и подарить исцеление.

«А может, это и есть чудеса Господни?» — подумал Андрей. И тут, будто в подтверждение этой мысли, его внутреннему взору вновь предстал участок мозга с подключённым к нему чипом.

На этот раз операционное поле выглядело значительно лучше, но всё равно следы вмешательства были ещё слишком заметны. Воспалённая рана бугрилась беспорядочными нагромождениями мозговой ткани, которая силилась восстановить прежний порядок.

«Да, дела! Док и те коновалы, что резали меня до неё, основательно разворотили мой прежде безупречный биологический процессор. Немудрено, что другие подопытные двинули кони», — Андрей посмотрел на наглого чужака, вторгшегося в святое святых его организма.

Чип по-прежнему слегка светился зеленоватым светом. И тут он заметил, что он меняет форму, судя по вздутию в центре пластины. Но и это было ещё не всё. Прежде гладкая поверхность чипа сплошняком лохматились многочисленными отростками. Причём дело выглядело так, будто мозг был не прочь включить чужака в свой состав и по-дружески тянул к нему многочисленные белые нити. Что примечательно, в местах стыковки искусственных и естественных тканей заживление шло полным ходом; в некоторых местах они срослись так, что отличить одно от другого можно было только по цвету.

«Как же подстегнуть процесс? — призадумался Андрей. — Жаль, что я ни черта не смыслю в медицине. С другой стороны, а на фига? Нужно обрисовать задачу, а уж как она будет решена, это не моя забота, — вынырнув из недр микромира, он вновь обратил взор к звёздному небу. — Кто бы ты ни был, помоги! Не для себя прошу, а ради этого треклятого мира! Я должен встать на ноги прямо сейчас. Если тебе нужна жертва, то она есть у меня».

Просьба была услышана. Чип окончательно принял форму шара и выстрелил отростками, которые переплелись с тканями мозга.

Спустя пятнадцать минут он подошёл к кабине и сел рядом с Жанной.

— Док, а что это за серая бахрома и длинные белые нитки в моей голове? — спросил

он, видя, что она проснулась.

— Дендриты и аксоны, если ты о мозге, — сонно отозвалась она и вытаращила на него глаза.

— Андрей, с ума сошёл? Тебе нельзя вставать!

— Рад бы ещё повалиться, да есть ощущение, что время на исходе, — он взял её за руку и, поцеловав ладонь, грустно улыбнулся. — Спасибо, что не зарезала. Док, ты действительно хирург от бога. Чип в моей башке замечательно прижился и даже больше, он вошёл в симбиоз с мозгом. Не знаю, кто его изобретатель, но он точно гений.

— Что ты несёшь? — сбросив одеяло, Жанна села и положила ладонь ему на лоб. — Жара нет. Плохо! Ну-ка, быстро говори, есть странные видения? Например, черти чудятся или инопланетяне. Ну или кажется, что у меня третий глаз на лбу. Нет? Не врёшь? — требовательно спросила она. — Андрей, не молчи! Если есть психические отклонения, их важно выявить на первом этапе...

— Не беспокойся! Я не сошёл с ума, — и Андрей привлёк её к себе.

Жанна замерла в его объятиях, но затем опомнилась:

— Ты что творишь? Мы же договорились! Ну-ка, пусти! Сейчас же!

— Не шебурши! Просто помолчи, хорошо? — попросил он.

— Ладно, уговорил, — сдалась Жанна.

Видя, что она ждёт, Андрей склонился к её губам.

— Док, думаю, ты единственная женщина, которую я смог бы полюбить, но, увы, не судьба, — сказал он по завершении поцелуя, не столько страстного, сколько нежного.

— Что? — Жанна оттолкнула его. — Решил поиздеваться надо мной? Я почти призналась тебе в любви, а ты в ответ мне такое? — она подняла глаза и гневно выдохнула: — Почему, нет? Говори, гад, не молчи!

— Док, не наседай, — проговорил он всё с той же грустной улыбкой. — Как бы мне этого ни хотелось, нам не быть вместе.

— Но почему?!

— Так распорядилась судьба, — Андрей отодвинул задвижку окна, ведущего в кабину «газели». — Ксюха, притормози! Хочу перебраться к тебе.

— За каким фигом? — осведомилась девушка и бросила вопросительный взгляд на расстроенную Жанну.

— За таким! Скоро начнётся веселье со стрельбой или я плохо знаю дядю Сэма.

Газель остановилась и он, прежде чем пересест в кабину, повернулся к Жанне.

— Док, я бы попросил прощения, но знаю, что ты не простишь.

— Убирайся ко всем чертям! — раздражённо выпалила она и запустила в него больничным тапком.

Андрей поймал его и с признательным выражением прижал к груди.

— Хозяин подарил Добби носок. Добби свободен.

Жанна запустила в него вторым тапком.

— Как будто я тебя держала! Вали на все четыре стороны, и чтобы я тебя больше не видела!

— Слушаю и повинуюсь.

В кабине Андрей протянул один тапок Ксении.

— Хочешь? Тебе он тоже не помешает. Наконец-то освободишься от власти этой злючки.

— Не-а, не хочу, — ухмыльнулась девушка. — Сохрани для себя. Она тебя обучит, когда отбросишь копыта. И на слёзы не рассчитывай. Жанка, по части упёртости, куда круче любой железной леди.

— Предательница! — фыркнула Жанна, прислушивающаяся к их разговору. — Это гадёныш водит меня за нос, а ты ему поддакиваешь.

На этот раз Ксения вопросительно посмотрела на Андрея, но тот уставился на дорогу. «Ясно! Не хочет обсуждать. И физиономия серьёзная. Если Жанка втюрилась всерьёз, дело плохо. Андрюха не шутил, когда дал ей от ворот поворот. Интересно почему? Судя по тому, как он смотрит на неё, она ему нравится».

— Пока всё тихо, я покурю? — спросила она.

— Кури, — разрешил Андрей.

Пуля ударила девушке прямо в лоб и «газель», потерявшая управление, вылетела на встречную полосу. Уходя от мерседеса, едущего ему навстречу, Андрей резко крутанул руль. «Прости, Ксюха!» — повинулся он и, открыв дверцу, выпихнул труп наружу.

— Док, ложись на пол и не высовывайся! — выкрикнул он, пересев на место водителя.

Жанна посмотрела на него расширенными от ужаса глазами, но послушалась. Правда, она легла не на пол, а на носилки. Когда машину стало бросать из стороны в сторону, она мёртвой хваткой вцепилась в их края. Перед её глазами то и дело возникала картина, как Андрей выбрасывает её самого близкого человека. «Мерзавец! Разве нельзя было оставить Ксюшу в кабине? Ведь она человек, а не какой-то ненужный хлам!» — пробормотала она сквозь слёзы. В общем-то, она понимала, почему он так поступил, но простить всё равно не могла.

Из-за своеобразного детства Жанна трудно сходилась с людьми, и Ксения была ей не просто подругой, она была ей как сестра. Их знакомство началось с того, что девушку доставили в госпиталь во время её дежурства, причём по частям. Осколками снаряда ей оторвало руку и ногу. В документах значилось, что она доброволец и в качестве медсестры принимала участие в СВО, там её и ранило.

Первое чудо состоялось, когда Ксению сумели довести живой, а второе чудо совершила Жанна. Будучи виртуозом хирургом, она сумела собрать девушку в единое целое, причём так, что не осталось даже следов на теле. Когда пришитые конечности окончательно прижились, донельзя благодарная Ксения хвостиком бродила за ней, стараясь во всём услужить. Поначалу Жанну это злило, а потом она и не заметила, как привыкла к взбалмошной и весёлой сибирячке. Когда Ксению комиссовали, она предложила ей место медсестры. С той поры они постоянно были вместе. Заводная девчонка служила ей неиссякаемым источником бодрости и оптимизма, чего так не хватало Жанне, склонной к депрессиям. Именно Ксения не давала ей утонуть в очередном приступе уныния, когда её постигала неудача и пациент умирал.

О том, что их обеих переводят в клинику экспериментальной медицины при закрытом, но жутко престижном учреждении в Петербурге ей сообщила Ксения, причём под большим секретом. Тогда Жанна не придавала этому значения, но последние события посеяли в ней сомнения. Впрочем, звоночки были и раньше. Она чувствовала, что Ксения нечто большее, чем просто медсестра. Слишком уж много она знала. Чтобы иметь такой обширный кругозор нужно было иметь образование рангом повыше, чем медицинский колледж, и, соответственно, другой круг общения.

«Шпионка? Ну и пусть! Своя же, а не чужая. И вообще, как будто это что-то меняет в

моём отношении к ней, — Жанна с ожесточением смахнула слёзы со щёк. — Всё! Слоневская, хватит распускать сопли, возьми себя в руки! Хочешь, чтобы Ксюша погибла зря?» — и она, свесившись вниз, пошарила под носилками.

Ящик с оружием был слишком тяжел для неё, но она сумела его поднять и водрузила на передние сиденья, после чего ужом пролезла в кабину. Прежде чем сесть рядом с Андреем, она вытащила из ящика автомат и, опустив боковое стекло, выпустила очередь по преследователям.

— Вот чего тебе не сиделось на месте? — сердито сказал он. — Это тебе не кино! Убьют, не успеешь глазом моргнуть.

— Не всё же спасать всяких мерзавцев! — обожгла его Жанна ненавидящим взглядом. — Что-то их стало слишком много!

Вместо ответа Андрей сдёрнул её вниз. Он успел вовремя, в то место, где только что была её голова, ударила пуля.

— Дура! Лежи и не смей высовывать нос! — рявкнул он.

Несмотря на предупреждение, Жанна попыталась снова сесть, но он прижал её к сиденью.

— Док, не дури! У них снайпер! Тоже хочешь пулю в лоб? — Андрей сверкнул быстрой улыбкой. — Док, меня спасать не надо, а за боезапас спасибо. Вы, девчонки, молодцы, основательно подготовились. Впрочем, это немудрено при Ксюхиной профессии.

— Она же просто медсестра, — сказала Жанна, сама уже не веря в это.

— Ну-ну!.. Впереди наверняка ловушка. Думаю, нам нужно вернуться на исходные позиции. Держись!

Предупреждение было не лишним. Газель так резко развернулась, что она с размаху ткнулась головой ему в бедро.

— Потихе, док, а то ты вышибешь меня из седла, — не удержавшись, Андрей протянул руку и потрепал её по волосам. — Хорошая девочка! Лежи как лежишь, но дай мне автомат и поддержи руль, пока плохой «я» немножко постреляет. Лады?

Жанна бросила на него выразительный взгляд, но спорить не стала и сделала так, как он велел.

— Суки! Ну ничего не боятся! Рассекают по России как у себя дома! Ладно, сейчас вы узнаете почём фунт лиха!.. Так, нужна добавка! — Андрей снял опустевший магазин и запустил руку в ящик с оружием. Ему попалась граната, и он по-волчьи оскалился. — Держите, пиндосы, это вам на закуску! — выкрикнул он и выдернул чеку.

Ударная волна придавала «газели» дополнительную скорость, и она понеслась ещё быстрее. К счастью, скорые безопасников были оборудованы двигателем, который по мощности не уступал машинам преследователей.

— Впереди кордон из полицейских машин! — выкрикнула Жанна, глянув на дорогу.

— Понятно. Обложили со всех сторон. Рули, док, не останавливайся!

— Что? Не слышу! — выкрикнула она и поспешно сглотнула. От близкого взрыва гранаты, прилетевшей им в ответ, у неё заложило уши.

— Дай-ка, я сам! — Андрей взялся за руль.

— Ну как, док? Нравится такая жизнь? — улыбнулся он Жанне.

— Разве это жизнь? Сплошной экстрим! С хождением по краю!

— А ты не любитель?

— Не-а! — Жанна помассировала за ушами, чтобы восстановить слух, и глянула на его

спокойное лицо. — Не понимаю, как так можно жить!

— Человек ко всему привыкает. И я тому наглядное свидетельство.

— С какого перепугу тебя понесло в ЧВК? — поинтересовалась она, ища в ящике магазин к автомату. — Нашла! Даже целых два рожка!

— Молодец! — кивнул Андрей. — Меня мобилизовали. Добровольно-принудительно.

— Как так?

— Да вот так! Ты же сама засунула мне в голову новый чип, но не спросила, а оно мне надо? Вот и Родина, решившая сделать из меня суперсолдата, поступила точно также.

— Суперсолдат? Так ничего не вышло. Единственный удачный случай приживания — это ты. Да и то лишь потому, что тебя оперировал мой отец. Вскоре после этого его разбил инсульт и теперь он плохо владеет левой рукой.

— И кто твой предок?

— Лев Моисеевич Слоневский. Кстати, чип — это его изобретение.

«Выходит, она дочь того парнишки, чей отец участвовал в проекте «Солдат удачи» и которого впоследствии замуровали в Академгородке. А ещё он жил в той квартире, которую мне показала прогностика. М-да! Всё больше убеждаюсь, что в мироздании нет ничего случайного», — пришёл Андрей к выводу.

— Док, если не хочешь неприятностей, больше никому не болтай об этом, — предупредил он Жанну.

— Знаю! — фыркнула она. — Но я же говорю только тебе.

— Госсекреты лучше не рассказывать никому, даже папе и маме, если хочешь, чтобы они жили долго и счастливо.

— Такой же зануда, как Лапочкин, — укорила его Жанна. — Не будь ты женат на его дочери, я бы подумала, что ты его внебрачный сын. Между прочим, вы даже внешне похожи. У вас один и тот же тип телосложения, разве что ты выше ростом и помощней, чем он.

Неожиданно у полицейского кордона поднялась ожесточённая стрельба. Автомобили, что преследовали «газель», тоже начали палить, по большей части в небо, а затем развернулись и понеслись в обратном направлении.

— Господи! У нас, что, бронепробитая машина? — выкрикнула Жанна, чтобы перекрыть грохот автоматных очередей и шум вертолёт, зависшего над ними.

— Корпус и шины — да, стёкла — нет! Сэкономили гады! Расея! Воруют, как дышат! Но спасибо хоть за это! Иначе мы с тобой уже ручкались бы с боженькой! Точней, ты с боженькой, а я с сатаной! Держись, док! Мы идём на таран!

Буквально в последний момент бахнула ПЗРК; «газель» вильнула и на полной скорости влетела в прореху, образовавшуюся в баррикаде из полицейских машин.

— Слава богу, наши! — облегчённо выдохнул Андрей при виде чёрных машин, мчащихся им навстречу.

Жанна с сомнением глянула на новых участников импровизированной гонки.

— Почему ты так решил?

— Интуиция.

— Ты настолько ей доверяешь?

— Да, — просто ответил Андрей. — Не переживай, док! Она редко меня подводит. Проверено на практике.

— Хорошо, если так, — не стала спорить Жанна, хотя было видно, что он её не убедил.

«Действительно, с чего вдруг я уверен, что это контрразведка? А если даже это они, то

почему решил, что именно эти не играют на стороне противника? Двойная агентура всегда была, есть и будет. Короче, остаётся лишь положиться на везение. Забавно, но название дурацкого проекта совершенно точно отражает созданный продукт. Я и есть солдат удачи, — ведь она моё главное оружие», — насмешливо подумал Андрей.

Как всегда, в состоянии опасности он был спокоен и предельно собран.

[1] Так получали послания богов Дельфийские оракулы. Правда, Андрею, в отличие от пифий, не был нужен ни треножник, ни отравление ядовитыми испарениями.

ГЛАВА 7. Новая встреча с «Джеймсом Бондом». Его девушка. Семейные узы

Через рупор, именуемый в народе матюгальником, полицейский кордон потребовал от них остановиться. Судя по злому возмущению в голосе, блюстители порядка считали себя правыми.

Вместо того, чтобы подчиниться, в общем-то, законному приказу, «газель», наоборот, прибавила скорость — пока дорогу ей не преградил чёрный джип с полицейским стаканом на крыше. Дверца отворилась и из него выбрался мужчина в камуфляжной форме. Андрей пригляделся к нему. Несмотря на ночь, он узнал его — это был тот самый тип, которого десять лет назад он посчитал водителем Лапочкина и заставил его нести свои вещи. «Если мужик злопамятный, то жди неприятностей», — мелькнула у него мысль, но делать было нечего, и он взялся за ручку дверцы.

Жанна схватила его за руку.

— Подожди, я первая, — она усмехнулась. — В конце концов, нам, женщинам, не привыкать в случае опасности прикрывать мужские задницы. Тем более она у тебя голая, если ты забыл.

Андрей вспомнил что он действительно в короткой больничной рубашке и досадливо поморщился.

— Сиди! Им нужен я. Заметишь, что-то идёт не так, разворачивайся и уезжай. Может, подфартит и тебе удастся прорваться, — сказал он вполголоса.

Жанна возмущённо посмотрела на него, она явно намеревалась геройствовать до конца.

— Док, не будь душой! Кто-то должен рассказать Лапочкину, что здесь произошло. Поняла?

— Поняла, — неохотно согласилась Жанна и положила автомат на колени. — Всё же сначала я тебя подстрахую.

«Вот дурёха! Это же спецура. Убьют — не заметишь», — подумал Андрей, но спорить не стал. Проклиная больничную рубашку, он спрыгнул на асфальт.

В знак узнавания «Джеймс Бонд» кивнул ему, но руку не протянул.

— Садитесь в джип, — распорядился он и подошёл к «газели». — Доктор, вы тоже поедете с нами, — и он по-джентльменски протянул Жанне руку.

Она посмотрела на него, затем на Андрея, и вышла из «газели».

— Госпожа Слоневская, вам бы играть Сару Коннор, — улыбнулся оперативник, с восхищением глядя на девушку, которая действительно походила на воинственную героиню из «Терминатора». Правда, босые ноги несколько портили это впечатление.

«Дура она, а не Сара Коннор! Велел же сидеть в машине и пока не высовывать носа», — сердито подумал Андрей и, не глядя на Жанну, направился к джипу.

— Давайте ваш автомат, при таком-то количестве охраны он вам ни к чему, — услышал он голос оперативника, как ему показалось, слащавый до невозможности.

«Наверняка развесила уши и отдала», — решил он.

— Полно злиться! — Жанна догнала его и пошла рядом. Автомата при ней не было. — Не сидеть же мне в машине, ожидая, когда вытащат силком, а стрелять по своим как-то нехорошо.

Андрей покосился на неё.

— Нехорошо, — признал он. — Я постоянно забываю, что ты гражданское лицо.

— Вот именно!

— Ладно, не бери в голову. Может, так оно и лучше. Всё равно шансов было один на миллион. Но мне обычно везёт, вот я и понадеялся.

— Что твоё везение перейдёт ко мне?

— Была такая надежда.

— Это так не работает. На, держи, — Жанна вручила ему блестящий пакетик.

«Слава богу! Хоть есть чем прикрыть срам», — обрадовался Андрей и без промедления завернулся в спасательное одеяло.

— Спасибо, док! — поблагодарил он и, открыв дверцу джипа, забрался внутрь.

В салоне машины на него пахло кожей и дорогим одеколоном. «Красиво живут, господа контрразведчики», — подумалось ему.

— Подвинься, расселся тут, — Жанна плюхнулась на сиденье рядом с ним. — И не думай, что я бегаю за тобой. Я врач, и мой долг сопровождать тебя.

— Именно так я и подумал... что я — твой долг, — пряча улыбку, сказал Андрей.

— Ну-ну! Ври дальше, — привстав, она глянула через лобовое стекло джипа. — Кажется, полиции объяснили, что она не тех ловила, и теперь бравые полицейские сматывают удочки. Интересно, куда девались остальные наши преследователи?

— Мерседес с иностранной агентурой отчалил ещё на полпути, когда мы повернули обратно. Видимо, пиндосы получили сообщение, что дело швах, и не стали рисковать. Шестёрки некоторое время ещё гнались за нами, пока Ми-28 их не разогнал. До последнего за нами ехала только одна машина, в расчёте, что всё же успеет перехватить нас, прежде чем явится подмога.

— Это же полиция! — возмутилась Жанна. — Не может быть, чтобы нас отдали каким-то неизвестным типам!

Андрей покачал головой.

— Уверен на все сто, что в этой машине сидел высокий полицейский чин. Он бы приказал, и никто бы даже не пикнул. Думаю, он и сейчас поблизости отирается, под видом проверки хода операции. Когда началась заварушка с вертолётom, он начал стрелять по своим подельникам, мол, я здесь ни причём.

— Проклятая коррупция, — вздохнула Жанна.

— Это не коррупция, это предательство. Таких нужно судить военно-полевым судом и стрелять сразу же после приговора, — последовал жёсткий ответ.

«Джеймс Бонд», собирающийся сесть за руль, услышал эти слова и его губы тронула ироничная улыбка.

«Ну да, я уже не тот инфантильный идиот, которому где корыто с хрючевом, там и родина. Видя, какой беспредел творится относительно России, любой бы на моём месте обзавёлся имперскими взглядами», — раздражённо подумал Андрей.

— Михаилу Николаевичу можно позвонить? — спросил он.

Оперативник протянул ему телефон.

— Говорите, только кратко.

Лапочкин был уже на линии и сразу отозвался.

— Где Смирнова? — спросил он первым делом.

— Погибла, — коротко ответил Андрей.

— Подробности! — потребовал Лапочкин.

— Снайпер. Пуля в лоб. Возможно, Barrett, 50 калибр, но я не коронер. Смирнова была за рулём, пришлось вытолкнуть. Примерно сто пятый километр. Поблизости была камера, но не уверен, что работает. Жанна Слоневская со мной, — сообщил Андрей.

— Езжайте на известную тебе квартиру и сидите там, пока идёт зачистка. Ключи возьми у майора Рябова.

— Понял, — Андрей помедлил. — У Сергея всё в порядке?

— Да.

— А у Даши?

— Да. Всё, конец связи. Дай телефон Рябову, — нетерпеливо сказал Лапочкин. В его голосе отчётливо слышались усталость и раздражение.

«Вот чего сразу злиться? Я же не ради приличия спрашиваю», — Андрей протянул телефон оперативнику и тот, выслушав указания, вытащил из бардачка ключи, пистолет и коробку патронов.

— Держите, — сказал Рябов.

Памятуя старую обиду, с ним он был по-прежнему вежлив и на «вы». А вот с Жанной, к досаде Андрея, он вёл себя совсем иначе.

— Доктор, я бы дал вам автомат, вы с ним прикольно смотрите, но начальство не поймёт, — с улыбкой сказал Рябов.

— Бог с ним, — отмахнулась она. — Действительно, зачем мне оружие, когда я под защитой стольких Джеймсов Бондов.

Услышав это, Андрей сдавленно хрюкнул, но тут же напустил на себя серьёзный вид.

— Верно мыслите, — покосился на него Рябов и протянул ей руку. — Будем знакомы, Кирилл Рябов.

Ответив на рукопожатие, Жанна приветливо улыбнулась.

— Рада знакомству, Кирилл. Думаю, мне нет нужды представляться?

Рябов тут же её заверил, что теперь её имя навечно в его сердце и что отныне он будет с её именем ложиться и вставать, как в одном известном стихотворении. И он с чувством продекламировал:

В оконном стекле отражаясь,
по миру идет не спеша
хорошая девочка Жанна[1].
Да чем же она хороша?
Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встает.
Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Жанна», —
в отчаяньи он написал.
Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,

так Гейне, наверно, любил.

Польщённая девушка заулыбалась.

— Кирилл, вы льстите мне. Я не заслуживаю столь щедрого комплимента, — сказала она, зардевшись от смущения.

«Господи! В какой глуши она росла, если её так просто развести?» — озадачился Андрей, уже понявший, что при всём своём уме в житейском плане Жанна чрезвычайно наивна и доверчива.

— Наглый плагиат, — заметил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Жанна пихнула его локтем в бок и тихо прошипела:

— Молчи, раз завидно. Учился бы! Это не твоё: «Док, давайте не будем тянуть время и, как выпьем, сразу же поднимемся в номер».

— Зато честно, без всяких там подлых подходцев, — буркнул он.

Рябов, конечно, его слышал, но даже ухом не повёл. За весёлой болтовнёй он продолжал свою интервенцию во внутренний мир девушки. Как истинный контрразведчик, с помощью наводящих вопросов он исподволь выяснял, что она любит и что не любит, чем интересуется по жизни и что делает в свободное от работы время.

Поначалу Жанна была настороже и отвечала односложно, но затем оживилась и разговорилась. Это привело к тому, что она всё чаще смеялась над грубоватыми, но остроумными шутками находчивого майора. Развлекался ли он от скуки или у него были другие намерения, но было видно, что девушка его заинтересовала.

«Рябов явно положил на неё глаз и, судя по настойчивости, с которой её охмуряет, отступить не собирается», — констатировал Андрей. Всё бы ничего, но, к его досаде, Жанне нравились ухаживания нового знакомого. Об этом говорил блеск её глаз и неподдельный интерес, с которым она его слушала. А ещё Андрея задевала, та непосредственность, с которой она смеялась над шутками Рябова. При встрече с ним в Астории она вела себя совсем иначе. Это была королева, умная и жёсткая. Причём он не чувствовал игры с её стороны ни в том, как она держалась с ним, ни сейчас, когда она казалась простушкой, совсем юной и наивной до глупости.

«Проклятье! — скрипнул он зубами. — Вот какого чёрта я тут сижу и наблюдаю за их брачными танцами? Может, дать майору в глаз, чтобы он угомонился?»

— Мы куда-нибудь едем или нет? — наконец не выдержал он.

— Когда зачистят путь, нам сообщат, — сдержанно ответил Рябов и вновь повернулся к Жанне, с намерением продолжить разговор об Айседоре Дункан и её пристрастию к танцам без обуви, мол, он просто обожает босоногих женщин, которые необычайно сексапильны, особенно на природе, в окружении берёзок.

«О господи! Выломать бы дрын из этой самой берёзки да вытянуть тебя этим дрынком по хребтине», — простонал Андрей про себя. И тут, будто вняв его мольбе, пиликнул телефон.

Видимо, было сказано, что путь свободен и майор, к его великому облегчению, наконец занялся своим прямым делом. Джип стартовал с такой скоростью, что его пассажиров основательно вжало в сиденья.

— Извините, привычка, — сказал Рябов, глянув на Жанну через салонное зеркало.

Когда она улыбнулась ему в ответ, у Андрея зачесались руки. Правда, он так и не определился, кому именно из них ему хочется отвесить оплеуху.

«К чёрту обоих!» — решил он и отвернулся к окну. Однообразный загородный пейзаж и

такие же однообразные новостройки навевали на него дрему, но затем они въехали в центр и, проскочив Дворцовый мост, выехали на Невский проспект. Андрей смотрел на светящийся огнями нарядный старый город с бродящими по нему неутомными полуночниками и ему не верилось, что однажды он опустеет и по его улицам будет гулять только ветер.

По приезду на место Рябов затормозил у знакомого подъезда. Расторопный оперативник успел выйти первым, чтобы открыть Жанне дверцу автомобиля. К радости Андрея, он не попросил у неё номер телефона.

Увы, он рано обрадовался. Прежде чем попрощаться, Рябов с улыбкой хлопнул себя по лбу, мол, совсем забыл, после чего порылся по карманам и вручил ей мобильник — под предлогом необходимости связи с врачом, ответственным за ценного пациента. «Звоните мне в любое время дня и ночи», — добавил он напоследок и, неохотно отпустив руку девушки, насмешливо глянул на соперника, который с непроницаемым видом наблюдал за его ухаживаниями.

Андрей больше не сомневался, что Жанна действительно нравится Рябову. Как он заметил, она нравилась всем мужчинам без исключения, кому-то в большей мере, кому-то в меньшей, хотя её нельзя было назвать секс-бомбой. Это было несколько иное притяжение, так сказать, более высокого порядка.

— Эй, майор! — окликнул он Рябова и расплылся в улыбке, когда тот обернулся. — Между прочим, я тоже босиком. Как думаете, я тоже буду хорошо смотреться среди берёзок?

— Несомненно, — отозвался Рябов. — Вам будут к лицу пеньковая верёвка и синий язык.

— Довольна? — сердито поинтересовался он, когда джип уехал, а Жанна всё продолжала сдавленно хихикать.

— А то! — отозвалась она. — Мужчины, когда ревнуют, выглядят просто форменными индюками.

— Ты тоже выглядишь не слишком умной, когда кокетничаешь со всякими солдафонами, — рассердился Андрей.

— Ты прав, — перестала она улыбаться. — С солдафонами, тем более со всякими, лучше держать дистанцию. Так что изволь обращаться ко мне только по делу и, вообще, не помню, чтобы я разрешала тыкать мне.

— Вот что ты сразу лезешь в бутылку, — укоризненно сказал Андрей, но вспомнил, что им не быть вместе, и холодно добавил: — Извините, док, я действительно влез не в своё дело. Даю слово, больше это не повторится.

— Чёрт бы тебя побрал! — досадливо буркнула Жанна и, выхватив у него ключи, направилась к подъезду.

«Номер квартиры не спросила, значит, уже бывала здесь», — машинально заметил Андрей.

— Кстати, док, а почему вы со мной на «ты»? — бросил он ей вдогонку, и она показала ему средний палец.

«Ну вот такая грубиянка у меня королева», — ухмыльнулся он.

Неожиданно мир переменялся, и он вновь оказался в Петербурге будущего. Фасад дома с только что приветливо светящимися окнами, за которыми кипела жизнь[2], глянул на него мёртвыми тёмными стёклами. Лишь в одном окне теплился неяркий свет — в кухне пятой

квартиры, что на втором этаже.

«Почему так внезапно? Неужели с пацаном что-то приключилось?» — встревоженный Андрей бросился к подъезду. Он взбежал на второй этаж и постучал в дверь.

— Сергей! Открывай! Это я!

— Папа! — дверь распахнулась, и мальчик прижался к нему. — Тебя так долго не было, что я подумал, что ты бросил меня и больше не вернёшься, — пробормотал он сквозь слёзы.

— Ну-ка, не реветь! — Андрей подхватил сына на руки. — По моим меркам я отсутствовал всего три дня, да и то по независящим от меня причинам.

Мальчик всхлипнул.

— А мне показалось, что тебя не было целую вечность.

— Тебе показалось, — Андрей вошёл в квартиру и поставил сына на пол, но он тут же ухватился за его руку и сердито воскликнул:

— Больше я тебя не отпущу! Ты останешься со мной!

— Сергей, я не могу быть постоянно с тобой. Ведь это ненастоящий мир. Давай просыпайся и тогда мы будем вместе. Все мы: ты, я и мама. Ну и дедушка.

— Ты вернёшься к нам? — мальчик недоверчиво посмотрел на него.

— Я уже вернулся, — сказал Андрей и потрепал его по волосам. — А вот ты до сих пор болтаешься в больнице, да ещё без сознания. Так что давай заканчивай бродить чёрт знает где и тоже возвращайся домой. Мы тебя ждём. А сейчас извини, но я должен уйти.

— Нет! — вцепился в него мальчик.

— Сергей, пойми! В реальности я сижу около твоей кровати. Приди в себя и увидишь.

Андрей вздохнул. «Если бы! На самом деле я стою на улице. При этом у меня под мышкой зажат пистолет, а в руке коробка патронов. Представляю, как на меня пялятся прохожие. Наверняка уже решили, что я маньяк-убийца. Хорошо бы очнуться и не обнаружить, чтобы меня отвезли в ближайший полицейский участок или, того хлеще, в сумасшедший дом. Кстати, вполне реальный вариант, если учесть, что на мне подобие древнеримской тоги из фольгированного одеяла», — подумалось ему.

Мальчик поднял голову и в его глазах засветилась надежда.

— Это правда? Ты не обманываешь меня?

— Истинная правда. Клянусь твоей мамой, — произнёс Андрей, не моргнув глазом. — Давай, выходи из комы. Я жду тебя.

— Я вернусь! — мальчик порывисто его обнял, а затем отступил вглубь квартиры. — Теперь уходи! Я справлюсь. Обещаю!

Увидев, что взгляд Андрея обрёл осмысленное выражение, Жанна перестала его трясти.

— Слава богу! — облегчённо воскликнула она.

— Спокойно, док, всё в порядке. Это был незапланированный сеанс связи с миром будущего, — отозвался он.

Жанна пытливо посмотрела на него и на её лице проступило усталое выражение.

— Идём в квартиру. Там продолжишь свои фокусы. Заодно подберём тебе что-нибудь из вещей отца. Насколько я знаю, он оттуда ещё не переехал, — отстранённо сказала она и, ежась от утреннего холода, обхватила себя руками.

— Нет, док! Я должен вернуться в госпиталь, причём немедленно. Если пацан придёт к себе, а меня рядом не будет, он поднимет бучу и неизвестно чем это кончится. Нужно предупредить Лапочкина, дай мне телефон Рябова.

— С чего ты взял, что мальчик непременно придёт в себя? Опять интуиция?

— Да, — ответил Андрей и, взяв у неё телефон, нажал на вызов.

После его объяснения с Лапочкиным, они обменялись. Он отдал Жанне телефон Рябова, а она вернула ему пистолет и патроны, которые предусмотрительно отобрала у него, чтобы бдительные граждане действительно не вызвали ОМОН.

Лапочкин сам прилетел за ними на вертолёте. К радости Андрея, на его борту оказался комплект новой военной формы, и он тут же её надел. Поначалу он не увидел ничего необычного в этой одежде, пока на глаза ему не попалось пятно от сажи на рукаве; оно было точно таким же, как на том «мультике», в котором он разгуливал в будущем. Там оно осталось от его пальцев, испачканных в саже спиртовой горелки, когда он исследовал пятую квартиру на предмет пристанища для сына.

«Какая-то чертовщина», — Андрею стало не по себе; его впервые посетила мысль, что окружающий мир не исчерпывается тем, что знают о нём люди.

[1] Помним, что у Ярослава Смелякова мальчишка страдает по девочке Лиде, а не по Жанне.

[2] Как правило, автомобилисты встают рано.

ГЛАВА 8. Спираль бытия. Бандерас от науки, его роковая женщина и неоновозелёная «сущёнка»

Несмотря на нападение, госпиталь не сильно пострадал, разве что взрывом гранаты разворотило одну из лифтовых шахт. Убитых на удивление оказалось мало, хотя стреляли много. Единственно, кому не повезло, это медсестре, дежурившей на посту рядом с палатой Андрея, — ей перерезали горло, — да застрелили двух бойцов из ЧОПа. Остальные отделались ранениями различной степени тяжести.

Больным сказали, что это была попытка теракта украинских националистов. Правда, кое-кто слышал, что эти самые террористы балакали на чистом английском, но после беседы со следователями никто лишнего болтать не стал.

Уже под утро в ординаторскую прибежала сиделка, которая присматривала за Серёжей Белозёрским и, отдышавшись, сказала, что на мониторах наблюдается какой-то непонятный всплеск активности.

Когда врачи ворвались в палату, пациент уже пришёл в себя.

Ищущий взгляд мальчика пробежался по незнакомым лицам, склонившимся над ним. «Ты сказал, что будешь ждать! Тогда почему тебя нет?» — с непонятной яростью выкрикнул он и забился в истерике.

Опередив Лапочкина, Андрей первым ворвался в палату и подбежал к сыну.

— Тихо-тихо! Всё хорошо! — он сжал его ладошку и бросил выразительный взгляд на врачей. — Отцепите, наконец, эти чёртовы трубки!

К облегчению медперсонала, мальчик перестал кричать, как только услышал его голос. Когда его освободили от аппаратуры, он тут же сел и обнял мужчину в военной форме, который выглядел так, будто явился напрямик с поля боя. Впрочем, к ним довольно часто именно оттуда поступали пациенты, но этот явно был здоров. «Может, кто из сопровождающих?» — подумала молоденькая медсестра, не сводящая восхищённого взгляда с высоченного ладного парня, который напоминал ей кого-то из актёров. — Ой! Да это же вылитый князь Болконский[1], только ещё красивей и моложе!» — обрадовалась она. Но в следующий момент мальчик подпортил ей радость открытия.

— Папа! — радостно воскликнул Серёжа, но тут отстранился и возмущённо посмотрел на отца. — Ты сказал, что ждёшь меня!

— Сказал, ну и что? Уж пописать выйти нельзя? Я ж тебе не грёбанный волшебник и мгновенно перемещаться не умею, — Андрей усмехнулся. — Скажи уж, что просто испугался, что я не настоящий.

— Было такое дело, — признался мальчик и с заинтересованным видом постучал его по плечу. — Ух ты! Не думал, что ты будешь точно такой, как в моей коме.

«Вот это и пугает», — подумал Андрей, но отогнал беспокойные мысли.

— Больше орать не будешь? — осведомился он у сына.

— Не-а! — отозвался он и, увидев вошедшего Лапочкина, радостно вскрикнул.

— Дедушка! — он выдернул руку из ладоней Андрея и вскочил с кровати.

Лапочкин подхватил мальчика на руки и молча прижал его к себе.

«Понятно. Мавр сделал своё дело, мавр может быть свободен. Фраза расхожая, но точно

отражает ситуацию», — хмыкнул Андрей и, встав, направился к двери.

— Эй, ты куда? — донёлся до него возмущённый мальчишеский голос, но он даже ухом не повёл.

— Андрей, подожди! Я с тобой, — окликнула его Жанна и он придержал двери, пропуская её вперёд.

— Док? — возрился он на неё в коридоре.

Взяв за руку, она потянула его за собой.

— Идём в лабораторию. Не то, чтобы я тебе не верила, но я хочу увидеть своими глазами, как прижился чип. Возможно, всё не настолько радужно, как тебе кажется.

— Андрей?.. О боже! Ты в военной форме! — раздался растерянный женский голос и он, помедлив, обернулся.

— Здравствуй, — сказал он, глядя на бывшую жену.

На первый взгляд ему показалось, что Даша почти не изменилась, но только на первый взгляд. Косметические операции выдавали себя гладкой кожей и едва заметным изменением пропорций лица. И тем не менее она выглядела очень хорошо — куда лучше, чем раньше. Искусник-хирург превратил её из просто миленькой девушки в настоящую красавицу. И это была утончённая аристократическая красота, к которой он питал слабость, а не та расхожая мода, которая делает женщин похожими на клоунесс. Он на дух не переносил рисованные брови и раздутый жабий рот.

— Замечательно выглядишь, — не поскупился Андрей на комплимент.

Разглядывая бывшую жену, он поймал себя на том, что его злит её цветущий вид. И в самом деле, чувствовалось, что она следит не только за лицом. Стильный светло-фиолетовый спортивный костюм выгодно подчёркивал её стройную длинноногую фигуру.

— Спасибо, я стараюсь поддерживать форму, — Даша перевела взгляд на его спутницу и на её лице отразилась целая гамма чувств, в которых преобладала растерянность, густо замешанная на неприязни.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — спросила она каким-то не своим голосом.

— Не твоё дело, — хладнокровно отозвалась Жанна.

— Слышала, что тебя сослали в зону СВО, — Даша неприятно улыбнулась. — Что ж шалавам там самое место.

— Уж чья бы корова мычала. Я тут всего ничего, а мне уже все уши прожужжали, что в постели у Дочки Лапочки только ленивый ещё не побывал, — отбила Жанна её подачу.

— Неправда! — возмущённо выкрикнула Даша. — Это всё ты со своей подлой мамашей распускаете обо мне грязные сплетни!

Жанна с сожалением посмотрела на неё.

— Как была безмозглой куклой, так ею и осталась. Дашка, мозги включи! Мне раньше не было до тебя дела, думаешь, сейчас что-то изменилось?

— Ты! — не найдя, что сказать, Даша топнула ногой и отвернулась, пряча слёзы.

«Всё та же избалованная сучка, воображающая, что мир крутится вокруг неё», — с презрением подумал Андрей, припомнивший, сколько ему крови испортила бывшая жена.

Он повернулся к Жанне.

— Ну что, идём? — сказал он беззаботным тоном и взял её под руку. — Не упирайся! Вдруг в томографе закончатся лучи смерти, и ты не сумеешь заглянуть мне в голову. Лично я такой трагедии не переживу. Arrivederci! — небрежно махнул он Даше.

— Что ты болтаешь? Какие лучи смерти? — отстранённо спросила Жанна.

Мыслями она была в другом месте. В отличие от Андрея, она видела, что Даша закрыла лицо руками и её плечи вздрогнули от сдерживаемого плача, и теперь её мучила совесть. Ведь она знала, что обидеть её не составляет особого труда. «Вот только это то же самое, что пнуть бездомного котёнка, который бежит следом и жалобно мяучит от голода. Дашка, чёрт тебя побери! но почему ты такая беззубая и лишь плачешь, когда тебя обижают?..»

— Ведь твой отец где-то здесь? — спросил Андрей, чем отвлек её от самоедства. — Вижу, да. Давай сначала к нему. Потом можешь сколько угодно любоваться содержимым моей черепушки. ОК?

— Нет не ОК! — стиснула зубы Жанна и она потащила его дальше по коридору. — Сначала томограф, а затем всё остальное. Понятно?

Андрей бросил на неё укоризненный взгляд.

— Док, ты же подарила мне тапок. Так какого лешего ты снова цепляешься ко мне?

— Господи! — возвела Жанна очи горе. — Но почему у мужчин в голове вечное детство? Аж завидки берут.

— Не заклинивайся на всякой ерунде и тебя тоже посетит это счастливое состояние, — парировал он.

— Кто-то же должен быть взрослым, — наставительно проговорила она.

— Взрослая? — хмыкнул Андрей. — Вы же с Дарьей только что ругались как две сопливые девчонки.

— Подумаешь! Мы с ней на ножах с пяти лет, причём с первого дня знакомства.

— Из-за чего грызётесь? — поинтересовался он.

— Из-за всего. Правда, эта дурочка сразу же краснеет и начинает реветь, так что с ней даже ругаться неинтересно.

— Вот как?

— Да вот так, — парировала Жанна и нажала кнопку вызова лифта, благо у госпиталя были лифтовые площадки в разных концах здания. — Ладно, Белозёрский. У меня тут одно неотложное дельце нарисовалось, так что будет тебе мой папа, — сменила она гнев на милость.

Они спустились вниз, по ощущению Андрея явно ниже уровня земли, и Жанна повела его по длинному безликому коридору. Остановились они у такой же безликой двери, на которой не было никакой указующей таблички, даже номера.

— Заходи, — сказала она со скрытой насмешкой, как ему показалось.

Отчего-то Андрея охватило волнение, и он не спешил переступить порог. Видя такое дело, Жанна пихнула его в спину.

— Смелей! Чудовищ здесь точно нет.

— Кто там такой стеснительный? — раздался густой мужской голос. — Доча, если он не хочет заходить, может, ну его? На фига нам такая трепетная фиалка? Напустит ещё лужу с перепугу, а мы потом убирай.

«Ну всё! Убью гада!» — пообещал рассерженный Андрей и, влетев внутрь, оказался в просторной лаборатории, основательно заставленной приборами.

— Но-но, не замай! Я хоть и старый, но ещё вполне могу дать сдачи, — предупредил его всё тот же голос.

Андрей поискал его обладателя, но за рядами приборов никого не увидел.

— Вот чего ты крутишь головой аки сыч? Тута я, тута... Вот ведь! Ну никакого соображения у нынешней молодёжи. Сюда смотри!

За одним из приборов стало медленно подниматься нечто чёрное, волосатое и бесформенно-крупное, подозрительно похожее на медведя.

— Док! — позвал Андрей громким шёпотом. — Ты же сказала, что чудовищ здесь нет, тогда что это за хрень?

— Разве я не сказала, что отец у меня натуральный медведь, а мама не менее натуральная стер... принцесса? — деловым тоном поинтересовалась Жанна.

Подойдя к отцу, она сдёрнула с него медвежьё шкуру, которая обычно служила ему накидкой на кресло.

— Папа, хватит придуриваться! Андрей хотел с тобой поговорить. И давай побыстрее, а то знаю я тебя, разведёшь тут дискуссию на целый день, а у меня тем временем в томографе действительно закончатся лучи смерти.

— Ну вот, всё удовольствие испортила, а я так старался произвести на гостя благоприятное впечатление, что даже пожертвовал причёской, — недовольно произнёс учёный и запустил пальцы в растрепавшиеся тёмные волосы, на удивление густые и блестящие. Впрочем, на вид ему было не больше пятидесяти, что по современным меркам является средним возрастом.

Андрей окинул его взглядом. «Вылитый Антонио Бандерас, правда, на излёте лучших времён. Оно и понятно, что испанцы, что евреи, что арабы с турками — всё один хрен», — усмехнулся он про себя. И в самом деле, смуглая кожа и щегольская чёрная одежда вкупе с дорогими аксессуарами делали Слоневского похожим на знаменитого киноактёра.

— Андрей Белозёрский, — протянул он руку.

Приподнявшись, учёный энергично тряхнул его ладонь.

— Ну а я Лев Моисеевич Слоневский, как тебе, думаю, уже известно. Бери стул и падай по соседству, — сказал он и, повернувшись к столу, ткнул в кнопку, выключившую один из экранов, стоящих у него на столе. — Сделай милость, забудь, что здесь увидел, а то Михаил опять начнёт меня пилить, что я не соблюдаю его треклятый режим секретности.

— Не беспокойтесь, вашу абракадабру способен понять лишь спец, а я к таковым не отношусь, — сказал Андрей, садясь рядом. — К тому же с меня уже содрали расписку о неразглашении.

— Да, у Лапочкина с этим строго. Чёртов педант! Всё держит под контролем, — Слоневский вздохнул, сложив пальцы домиком, а затем поднял на гостя глаза. — Что ж, давай поговорим. Если ты так этого жаждешь. Хотя я на твоём месте оставил бы всё как есть.

— Типа того, что чем меньше знаешь, тем лучше спишь? — осведомился Андрей, не собирающийся отступить.

— Вот именно, — Слоневский повернул голову к двери. — Жанет, ты ушла или ещё здесь?

— Уже на пороге, — отозвалась Жанна.

— Учти, будешь подслушивать, тебя снова запрут вместе с нами!

— Ну нет! Я ушла!.. Совсем! — и она как следует хлопнула дверью.

— Вот и славно! — Слоневский посмотрел на монитор, куда через мультиплексор выводились изображения с нескольких следящих камер. — Действительно, ушла, — успокоился он и водрузил очки на лоб. — Давай, спрашивай.

— Скажите, ведь это вы тот друг, с которым пацан... Сергей хотел меня познакомить? Слоневский согласно кивнул.

— Да, это я. Что ещё?

— Это вы помогли мне избавиться от боли, когда док, то есть Жанна, запихивала чип в мою голову?

— Да. Давай дальше.

— Вы присутствовали... ладно, вертолёт пока опустим. Скажите, что было в Сельцах?

— Имеешь в виду нападение на училище ВДВ?

— Да! Вы знаете, что было дальше?

— Нет, — вздохнул Слоневский. — И не смотри на меня как на врага народа. Я знаю ровно столько, сколько знаешь ты. Ведь это ты мой источник информации о будущем.

— Но вы же сказали пацану, что во всём мире будет так, как я увидел в Питере!

— Ну сказал-мазал, что это меняет? — Слоневский заколебался, а затем добавил: — Было мне одно видение, причём без всякого чипа.

— Как это? — насторожился Андрей. — Блин! Не было печали! Выходит, что чип здесь ни при чём?

— Может, ни при чём, а может, очень даже при чём, — последовал расплывчатый ответ.

— А если не темнить?

— Грубая нынче молодёжь пошла, — посетовал Слоневский. — Ну вот опять! Не надо меня расстреливать взглядом. Случилось это после того, как я нечаянно нырнул в массу флуорисцита. Как и почему тебе не обязательно знать, но хлебнул я предостаточно.

Андрей призвал себя к терпению.

— Лев Моисеевич, так что произошло?

— А я почём знаю? Не кипишуй, парень! Был бы у меня ответ, я бы сказал. Дело в том, что... — он что-то невнятно буркнул. — Короче, я создал флуорисцит, а вот с его свойствами до конца ещё не разобрался. И не надо снова пырнуться на меня. Мария Кюри и Андре Дебьерн тоже сначала получили радий, а затем всю жизнь изучали его свойства.

— Понятно. Но это ваши учёные дела. Вы мне скажите, что вы увидели в будущем.

— В том и дело, что ничего не увидел, — сказал заметно приунывший Слоневский. — Ничего живого — поправился он. — Дело было ночью, меня несло довольно высоко над поверхностью планеты, было такое ощущение, будто я смотрю с высоты самолёта, впрочем... — он призадумался. — Судя по малой скорости движения, это был метеорологический спутник[2].

— Ну и? — нетерпеливо воскликнул Андрей.

— Ну и ничего. Ни единого огонька на видимых со спутника материках, если не считать вулканов и лесных пожаров. Правда, полностью я не уверен. Всё же было ощущение, что внизу что-то теплится, но... В общем, не знаю. Но большие города будто вымерли.

— Это не означает, что человечество тоже вымерло.

— Я тоже так думал, пока не увидел Питер, глазами твоего сына.

— Кстати, откуда у него способности к вашей чёртовой прогностике?

— Не уследили. Увязался за дедом, а затем каким-то непостижимым образом мальчишка пробрался в лабораторию и, естественно, первым делом запустил руки во флуорисцит. Отсюда ваша ментальная связь, хотя тот первоначальный чип — всего лишь жалкая поделка на фоне того, что теперь поселился в твоей голове.

— Ясно, — процедил Андрей сквозь зубы. — Короче, вы ни черта не знаете.

— Извини, дружище, но так оно и есть, — не стал отпираться Слоневский. — Может,

оно к лучшему? — предположил он.

— Что на Земле не останется ни людей? — осведомался Андрей. — В отличие от вас, я не настолько человеконенавистник.

Он немного подумал.

— Вы можете сказать, что за зверь этот ваш флуорисцит?

— Молодой человек, вы знаете что-нибудь об устройстве Вселенной?

— Лев Моисеевич, у меня специальность инженера-наладчика по технике с ЧПУ, да и та с перерывом в десять лет.

— Значит, вы ничего не знаете.

— Если честно, то нет. Конечно, я почитываю популярные статейки, даже слышал про китайских учёных, которые вроде как сварганили фотонный компьютер, но что это за фигня, мне неведомо.

— Если речь о Цзючжане, то это тупиковый путь[3]. Хотя у меня есть ощущение, что это всё враньё, причём от начала и до конца. Что всплывает в информационном поле, как правило, уже разрабатывается по всему миру и близко к выходу на рынок. Здесь ничего подобного нет.

— Да и чёрт с ним, с этим Цзючжаном, — сказал Андрей, уже начавший сомневаться, что добьётся хоть какого-то толку от учёного.

— Тоже верно, — Слоневский согласно кивнул. — Как обывателю, вам достаточно знать, что флуорисцит — это интеллектуальный, то есть саморазвивающийся материал, способный создать устройство с заданными свойствами. Конечно, если такое устройство возможно в существующем мире.

— Если мне приспичит создать бомбу, которая гарантированно прихлопнет всё население планеты, и я поставлю флуорисциту такую задачу, то что он конкретно сделает?

— Он её создаст.

— То есть, выдаст чертежи?

— Нет. Саму бомбу.

— Твою ж мать! При таком раскладе любой малообразованный мудака сможет дать такую команду вашему чудо-материалу и всё, миру конец! — неприятно удивился Андрей.

— Как бы да... — подтвердил Слоневский. — Но не сможет.

— Это ещё почему?

— Потому что на настоящем этапе производство флуорисцита не дешевле, чем производство калифорния 252[4]. Проще обычными бомбами закидать.

— Слава богу! Кстати, а как же вирусы и прочая биологическая дрянь, которую можно использовать как оружие?

— Увы! Флуорисцит не воспроизводит живую материю. Почему, не знаю.

— То есть он воспроизводит только мёртвое, — резюмировал Андрей.

— Что уже очень неплохо, — усмехнулся Слоневский. — Кстати, вы это первый случай, когда флуорисцит контактирует с живыми тканями. Так что американская разведка гоняется за вами не зря.

— Они гоняются не за мной, а за вашим флуорисцитом, — возразил Андрей.

— Образец им ничего не даст. Им его не повторить.

— Почему?

— Потому что своими свойствами флуорисцит обязан тому, что принято называть тёмной материей. В общем-то, он и есть тёмная материя, только в сгущённом виде. Во

всяком случае, я так думаю.

— Ах ты!.. — только и смог сказать Андрей в ответ на столь фантастическое заявление и, не удержавшись, витиевато выругался, правда, не вслух, а про себя. Всё же компания обязывала. К тому же это был отец женщины, которая ему очень нравилась.

[1] Девушка имеет в виду Вячеслава Тихонова из фильма Бондарчука «Война и мир».

[2] Метеоспутники летают примерно на высоте 35 тыс. км.

[3] Цзючжан (кит. 九章) — первый фотонный квантовый компьютер, достигший «квантового превосходства».

[4] Калифóрний — искусственный радиоактивный химический элемент, актиноид, обозначаемый Cf, имеет атомный номер 98 в периодической системе Менделеева. Цена за грамм примерно 10 млн долларов. Весь мировой запас Cf — 8 граммов, а ежегодная добыча — 30–40 микрограмм.

ГЛАВА 8. Спираль бытия. Бандерас от науки, его роковая женщина и неоновозелёная «сущёнка» — продолжение

Слоневский покровительственно глянул на него.

— Полно удивляться. Как сказано классиками марксизма-ленинизма, в мире нет ничего такого, что неподвластно человеческому разуму. И нечего морщиться. Хоть Сорос основательно прополол мозги вашему поколению, нужно понимать, что идеи на пустом месте не возникают. Люди, что их принесли, заставили человечество выпрямить рабски-согнутую спину. Конечно, привычная поза удобней, но кто хотел, тот увидел звёзды. Пусть звучит высокопарно, но это так — чтобы ни верещали сторонники религиозных бредней и любители царя-батюшки. Ладно, ладно! Признаю, что несколько уклонился от темы...

Учёный в задумчивости поступал пальцами по столу.

— Итак, флуорисцит — величайшее открытие всех времён и народов, которое мне посчастливилось сделать. Знаю, что я гений, но не настолько уникальный, как хотелось бы мне. Со временем флуорисцит всё равно был бы открыт, — ведь научная мысль не стоит на месте. Разве что он появился бы примерно лет через двести-триста, а может, и все пятьсот. Могу с уверенностью сказать, что способ получения флуорисцита настолько уникален, что в ближайшее время повторить мой успех вряд ли кто сможет. Мне самому очень повезло — это было настоящее просветление, когда в голову пришла идея преобразователя. Я бы сказал, что это послание от бога, не будь я атеистом.

— Вы действительно думаете, что это тёмная материя? Почему вы так решили? — поинтересовался Андрей.

Мысль, что в голове у него поселилась частица тёмной материи, вызывала у неуютное чувство и какой-то внутренний трепет. В связи с этим ему вспомнились бабочки, как правило, обитающие в животах сексуально-озабоченных девиц, и он, маскируя смех, закашлялся.

— Почему, почему! По кочану и капусте! — последовал раздражённый ответ. — Чутьё учёного мне это подсказывает, вот почему.

— Лев Моисеевич, давайте без нервов. Конечно, не самый научный ответ, но для меня это аргумент, — проговорил Андрей примирительным тоном и предложил: — Давайте вы расскажете мне о свойствах флуорисцита, а теорию опустим, всё равно я в ней как свинья в апельсинах.

Слоневский смерил его подозрительным взглядом и успокоился, поняв, что приступ смеха вызван не его словами.

— Помните байки про философский камень? — миролюбиво сказал он и, получив согласный кивок, продолжил свой рассказ о чудо-материале: — Если отбросить средневековую дребедень, то господа алхимики шли в правильном направлении. В конце концов, что такое окружающий нас мир? В основе всего — твёрдого, жидкого и газообразного — лежат силы притяжения. Измените их, и вы получите золото вместо свинца. Или алмаз из графитового порошка, как уже сейчас наострились делать. Ну а моё открытие всего лишь позволяет упростить этот процесс. Думаю, однажды будет налажено массовое производство флуорисцита и он будет доступен массовому потребителю. Как это произошло с тем же алюминием. И заметьте, запасы флуорисцита неисчерпаемы, ведь

Вселенная на девяносто шесть процентов состоит из тёмной материи. Во всяком случае, так принято считать.

«М-да, — нахмурился Андрей. — Мало человечеству проблем с интернетом, который, как средство массовой информации, стал доступен любой сволочи, умеющей манипулировать людьми. Навербовать себе сторонников какой-нибудь религиозной чуши или спровоцировать конфликт, причём любого масштаба, теперь как раз плюнуть, были бы деньги и желание. С флуорисцитом вообще будет полный пипец. Это же практически сбывается мечта о волшебной палочке очкарика Гарри Поттера. Как водится, со временем доступ к нему будут иметь все, от мала до велика. Неужели Слоневский не понимает к чему приведёт его открытие?»

Ожидая его реплику, учёный вопросительно приподнял брови, мол, давай озвучивай свои сомнения.

— Всё это замечательно. Есть лишь небольшой нюанс. Человек, хоть и разумный, но та ещё скотина. Первым делом флуорисцит используют для создания новейшего оружия. Иначе наши вояки не взяли бы вас под своё крыло, да ещё при этом извели кучу денег на ваше изобретение. И я их понимаю. Никаких КБ и дорогостоящих производств, достаточно лишь пожелать и готово. Чёрт знает что! С этим же справится даже ребёнок!

Слоневский хмыкнул.

— Кажется, я ввёл вас в заблуждение. Создать супербомбу невозможно, если её ещё не изобрели. Это я так сказал, для красного словца. Мечты, одним словом. Флуорисцит можно преобразовать лишь по заданным калькам. Хотите оригинальный дом, введите план этого дома, с указанием всех размеров, материалов и прочего. Либо дайте ему образец в виде уже существующего строения. То же самое с техникой. В общем, новое нужно разрабатывать по старинке. Между прочим, военные здесь ни причём, мои изыскания финансировал Лапочкин, а не государство.

«Марксист-идеалист. Понятно, откуда у дока столь незамутнённый взгляд на жизнь — есть в кого. Интересно, он хоть знает, что СССР уже нет?» — со скепсисом подумал Андрей.

Затем он представил, что начнётся, когда люди получат в своё распоряжение материал, способный удовлетворить все их материальные запросы, включая ядерную бомбу, и ему стало не по себе.

— Да, дела! — покачал он головой. — Боюсь, вы даже не представляете, что именно сотворили. Ваше открытие, выйдя на рынок, однозначно обрушит существующую экономику. Ведь больше будут не нужны заводы и фабрики, за исключением тех, что производят флуорисцит. Это же мировой хаос.

— Ну и что? — равнодушно отозвался учёный. — Очередная технологическая революция — это всегда удар по отжившему. Побухтят и привыкнут, а затем даже не будут представлять, как раньше без этого жили. На кой ляд все эти громоздкие производства, до предела загадившие планету, когда флуорисцит может дать всё, что нужно для жизни? Хочешь дом своей мечты? Загрузи его программу в чип, а затем рабочие привезут тебе флуорисцит и просто сгрузят его в нужном месте. Воткни в него чип, что равноценно кнопке включения, и материал сам примет запрограммированную форму, причём со всей мебелью и бытовой техникой внутри дома. Заходи и живи.

— Ну не знаю, лично мне было бы стремно жить в таком доме. Вдруг что-то пойдёт не так, и он снова расплывётся киселём. Утонешь в нём нахрен, и поминай как звали. Или того хуже, кровать решит, что ты часть интерьера и замурует тебя в свои недра. Нет, ну нафиг! Я

хочу нормальный дом, без всех этих передовых технологий с непредсказуемыми свойствами.

Учёный смерил его снисходительным взглядом.

— В том и дело, что процесс необратим. Флуорисцит, ставший камнем, металлами или прочими материалами, не даст обратный ход. Чтобы снова перевести его в полужидкую форму, нужно везти его на предприятия по переработке, где он подвергнется крайне непростым операциям, чтобы он вновь стал самим собой. Служат материалы из флуорисцита столько же, сколько их натуральные собратья, и в конечном итоге превращаются в обычные отходы, от которых уже сейчас задыхается планета. Вот только при наличии производства флуорисцита всё пойдёт в дело. Если бы не этический момент, то на переработку можно отправлять даже покойников.

— То-то радость их близким, когда они будут укрываться одеялом, сделанным из мамы или папы, хотя зятьям и невесткам, возможно, такая идея придётся по душе, — буркнул Андрей.

Ему всё меньше нравилась затея с флуорисцитом. После прикидки к чему может привести новый материал, он окончательно помрачнел. «При таком резком эволюционном развороте одной технологической революцией дело вряд ли ограничится. Мало нам СВО так тут ещё такая промышленная бомба. Как только разведки пронюхают про флуорисцит, начнётся такое, что хоть вешайся. Либо США, либо Китай точно бомбанут, и хорошо если не на пару. На их месте я бы точно бомбанул, чтобы не дать России занять лидирующие позиции в мире...»

— Молодой человек, о чём вы столь напряжённо размышляете? — спросил Слоневский, с любопытством наблюдая за гостем.

— О том, что вы, учёные, со своими открытиями — это настоящее стихийное бедствие. Лев Моисеевич, вы хоть понимаете, что будет, если мы не поделимся технологией изготовления флуорисцита с остальными странами?

— Думаете, введут совместные санкции, чтобы надавить на нас?

— Если бы! Зуб даю, они жажнут по нам атомной бомбой.

— Политика — это не моя сфера деятельности, — поскучнел учёный.

— И потому вы умываете руки, хотя прекрасно знаете, что Россия по доброй воле ни за что не передаст флуорисцит другим странам. Да и никто не передал бы на нашем месте.

— Верно, — вмешался в их разговор вошедший Лапочкин. — И вообще, хватит наезжать на Льва Моисеевича. Он своё дело сделал, теперь наш ход.

— Я-то здесь при чём? — сказал Андрей и ощутил характерное покалывание в затылке, перешедшее в лёгкое онемение кожи на шее. Обычно это служило предупреждением, что события принимают неблагоприятный для него расклад. По привычке он потянулся к шее, чтобы растереть занемевший участок и обнаружил, что на голове у него по-прежнему шлем. «О чёрт! Представляю, каким придурком я выгляжу в глазах стариков», — огорчился он.

— Хоть ты умолчал о своих будущих генеральских звёздах, но Лев Моисеевич не столь скрытен, — сказал Лапочкин, усаживаясь рядом с ними.

— Да пропади они пропадом. Я на такое не подписывался, — буркнул Андрей.

— Хочешь ты того или нет, но ты уже в игре и в твоих интересах как можно быстрее изучить её правила.

— Нет! Вы обещали мне место инженера, — уцепился он за предложение Лапочкина, сделанное ему перед операцией.

— Я от своих слов не отказываюсь. Если бы дело кончилось удалением старого чипа, и

ты выжил, то так бы оно и было. К счастью или нет, но теперь всё изменилось. Чип из флуорисцита повёл себя необычно. Он не просто заменил старый чип, он вошёл с тобой в симбиоз. Лев, не перебивай! Может, я не точен в терминах, но суть же верна?

— Да, — кивнул учёный. — Я лишь хотел сказать, что новый чип сделан из гелиоформа, это новое поколение флуорисцита.

«Понятно. Я по-прежнему подопытный кролик. Засунули в голову очередной экспериментальный материал и теперь будут отслеживать, как он подействует на меня, — в смятении Андрей прикрыл глаза. — Жаль, пистолета нет. Чует моя душа, если сразу застрелюсь, то этим избавлюсь от множества проблем», — тоскливо подумал он.

Чуткий к его настроению, Слоневский ободряюще хлопнул его по плечу

— Не кисни, хлопец! Всё не настолько плохо, как тебе кажется. Однажды ты оценишь, как тебе повезло, что ты попал в мой проект.

«Дать бы тебе в зубы, сволочь ты жидовская! Я тебе не расходный материал!» — гневно подумал Андрей. Учёный бросил на него укоризненный взгляд, будто читал его мысли, но затем глянул поверх его головы и расплылся в радостной улыбке.

— О! К нам пожаловала королева моей души. Чем мысленно зверствовать, лучше познакомьтесь с моей дражайшей половиной.

Он встал и повернулся к женщине, возникшей в глубине комнаты.

— Марианночка, я здесь! — помахал он рукой. — Правда, не один, к моему сожалению. Со мной наш давний друг и молодой человек, который очаровал нашу Жанет. Я его слегка протестировал. Конечно, дундук необразованный, но умом остёр и в житейском плане неплохо соображает. Но мне всё равно нужно твоё экспертное мнение. Не хотелось бы, чтобы девчонка зря по нему сохла, — заявил он в полный голос.

«Либо здесь есть другой выход, а может, смежная комната, либо раньше её скрывали приборы, высящиеся на столах», — подумал Андрей, глядя на ошеломительную красавицу-блондинку с колдовскими зелёными глазами. Высокая, стройная, с гордо поднятой головой она всем своим видом излучала холод. «Брр! — восхищённо поежился он. — Вот это да! Теперь понятно, от кого док унаследовала своё аристократическое высокомерие».

— Марианна Раменская, — представилась женщина, но прежде окинула мужа таким взглядом, что будь он материальным, тот покрылся бы коркой льда.

Видимо, привычный к столь холодным приёмам «дражайшей половины», Слоневский лишь улыбнулся. Подойдя, он вознамерился поцеловать жену в губы, но она отвернулась от него, и он с нежностью чмокнул её в щёку.

— Сам ты дундук беспардонный, — раздражённо сказала Раменская и перевела взгляд на гостей.

На Лапочкина она не обратила внимания, точнее, глянула на него как на пустое место, а вот Андрей встретил у неё более благожелательный приём. Конечно, если высокомерное разглядывание можно было расценить таким образом.

Пользуясь моментом, Слоневский вопросительно глянул на Лапочкина, мол, чего она злится, но тот отрицательно качнул головой, говоря, что он здесь ни при чём.

Пауза затянулась, и Андрей досадливо поморщился, поняв, что разговор со Слоневским, а затем появление Раменской настолько выбили его из колеи, что он забыл о правилах приличия. Причём относительно последней дело было не столько в её потрясающей красоте, сколько в чувстве насторожённости, которое она вызывала. У него возникло ощущение, что они уже встречались, но сколько он ни напрягал память, никак не мог вспомнить, где и

когда, при этом он подспудно чувствовал, что это важно.

— Андрей Белозёрский, — представился он без улыбки, с которой обычно знакомился с женщинами.

Тем не менее его повышенный интерес не прошёл мимо внимания Раменской. «Что это? Тяга к определённого типу женщин? Нет, не похоже. Выходит, он меня узнал? Да нет, не может быть! Не в том он был состоянии, — она внутренне усмехнулась. — С другой стороны, узнал и узнал. Подумаешь! Всё равно рано или поздно правда выплывет наружу, если уж его включили в большую игру».

Раменская села на предложенный Лапочкиным стул и холодно его поблагодарила.

— Я слышала, Жанет прекрасно справилась с операцией, — сказала она.

И тут Андрей понял, где он её видел. «Первый чип. Она была одним из тех хирургов, что стояли у стола, ожидая, когда меня утихомирят, и что-то мне подсказывает, что именно она была главной в их банде, — он посмотрел на её мужа. — А вот его там не было. Не исключено, что он пришёл позже, когда на меня уже подействовал наркоз... или док соврала и операцию проводила её мать. Хотя не понимаю зачем ей это враньё». Он бросил взгляд на левую руку Слоневского и тот, заметив это, неловким движением убрал её на колени. «В этой части её легенда правдива. Загадочная семейка», — пришёл он к выводу.

Раменская, наблюдающая за ним, вопросительно посмотрела на Лапочкина и тот пожал плечами, мол, а я что могу поделывать? «Значит, гипноз перестал действовать и наш подопытный крыс не только всё вспомнил, но и догадался, кто ему делал операцию. Нехорошо. Я же говорила, что нужен тупой образец, но Лапочкин, сволочь, упёрся и ни в какую. Приперло ему, видите ли, зятя наказать. Хотя я уже начинаю подозревать, что дело не только в этом. Наверняка это он послал Льва, который как сыч следил за мной во время операции. Если бы не это, мальчишка, как все остальные, уже давно лежал бы в земле. Да и потом, пока он болтался по горячим точкам мира, Лапочкин постоянно его опекал. Особенно на первых порах. Сразу же слал ему группу на выручку, даже в тех случаях, когда знал, что рискует головой. Что ж, нужно будет присмотреться к этой тёмной лошадке. Возможно, тяга к красивой жизни позволит подобрать к нему ключ. Жаль, что я уже не столь молода, как хотелось бы, а Жанет простушка, с ней каши не сварить. Надо же, пришла ко мне и закатила скандал! И было бы из-за кого, из-за этого ничтожества! Нахалка! Совсем распустилась! Видите ли, я с детства натравливала её на Дарью. Натравливала, ну и что? Она это заслужила. Нечего было строить из себя принцессу перед моей дочерью, будто она пришла к ним в дом за подаяннем. Лев сказал, что из-за сына этот солдафон настроен вернуться к семье и, насколько я могу судить, Лапочкин всеми лапами «за». Но мы ещё посмотрим, кому достанется сей незавидный приз. Доча, говоришь, что я распускаю сплетни о нашей бедной сиротке? Это ещё цветочки. Я так её ославлю, что даже самый корыстный тип побрезгует жениться на ней, что уж говорить об этом честолюбивом солдафоне...»

— Ваша дочь — хирург от бога, — прервал Андрей воцарившуюся напряжённую паузу. — Не иначе она пошла в вас, — зашёл он с козырей.

— Думаю, да, — невозмутимо ответила Раменская и поднялась. — Муж вызвал меня, чтобы я показала вам как работает флуорисцит. Идёмте.

— Спасибо, — Андрей глянул на Лапочкина, и тот согласно опустил ресницы, давая своё разрешение.

Идя следом за Раменской, он вскоре обнаружил, что тупо пялится на её равномерно покачивающийся зад и, вздохнув, перевёл взгляд на её голову, окружённую нимбом пышных

светлых волос. «Интересно, сколько ей лет? По виду больше сорока не дашь, да ещё такая красавица», — подумалось ему. Поймав себя на том, что мысленно раздевает мать Жанны, он вздохнул ещё тяжелей и начал потихоньку насвистывать мотив песенки, которая с детства успокаивала его.

— Что вы там свистите? — обернулась к нему Раменская.

— Песенку-считалочку. Знаете такую? — сказал он и запел:

*Дважды два четыре дважды два четыре
Это всем известно в целом мире
Дважды два четыре дважды два четыре
Это всем известно в целом мире
Дважды два четыре дважды два четыре
А не три а не пять это надо знать
Дважды два четыре дважды два четыре
А не шесть а не семь это ясно всем
Трижды три навеки девять
Ничего тут не поделать*

— Фу, какая глупость! — облила она его презрением. — Замолчите немедленно, пока я не подумала, что вы умственно отсталый.

— Да ничего, я переживу, — сказал Андрей, но петь и насвистывать перестал.

«Чёрт знает что за предки у дока! — сердито подумал он. — Отец не от мира сего и постоянно витает в облаках, зато мать такая стерва, что негде пробу ставить. Нет, док! Ты уж извини, но что-то мне не хочется иметь дело с твоей семейкой».

ГЛАВА 9. Бусы и дикари. Знаковая серия, значит, должны быть плотские утехы, как это принято в корейских дорамах

В лаборатории Слоневского оказался не просто второй вход-выход, здесь был лифт. Они спустились куда-то ещё ниже и вышли в громадное помещение, чьи стены терялись в висящей в воздухе молочной дымке. По ощущениям Андрея она и пахла как кипячённое молоко, к тому же с едва уловимым привкусом клубники. Время завтрака давно уже прошло, и в животе у него заурчало от голода. «Жрать хочется, аж сил нет!» — он покосился на Раменскую.

— Марианна, вы будете сильно разочарованы, если я скажу, что мне пофиг на эту вашу зелёную жижу и что я предпочёл бы хороший кусок мяса?

Раменская слегка улыбнулась.

— Запах флуорисцита так действует на всех. Может, немного потерпите?

— Если немного, то потерплю, — согласился Андрей. Правда, желудок был против и выдал ему громкую протестующую тираду, но он лишь вздохнул.

Флуорисцит был не в спичечном коробке, как можно было ожидать после слов Слоневского, сравнившего его с калифорнием 252. Его было довольно много, и он находился в прямоугольном бассейне, в котором, как выяснилось позже, было десять на двадцать метров. Правда, он был размазан по его дну слоем в полметра. Но всё равно это было уже внушительное количество, которое наводило на мысль о скорых промышленных масштабах добычи флуорисцита.

Пока Андрей смотрел на светящуюся зелёную жижу, прикидывая, сколько из неё можно будет наделать чипов и, следовательно, суперсолдат, Раменская тем временем подошла к приборному стенду, связанному с бассейном.

— Что вы хотите? — спросила она и насмешливо перечислила: — Дом, машину, вертолёт, моторную лодку, банковский сейф с зелёными бумажками?.. Что? Всё это не устраивает? Слишком мало? Тогда могу предложить менее тривиальные варианты обогащения. Например, пещеру с сокровищами Алладина или её осовремененный вариант Бриллиантовую кладовую Эрмитажа.

— Пещеру с сокровищами, — сказал Андрей после краткого раздумья.

— Хорошо. Будут вам сокровища арабского голодранца. Только не советую соваться к ним без заветного сезама. Процесс завершается не сразу, и вы рискуете стать частью сказки.

Она нажала на одну из картинок, всплывших на мониторе, и флуорисцит пришёл в движение.

Это было не самое грандиозное зрелище из тех, что ему доводилось видеть, но Андрей не мог оторвать глаз от происходящего действия. Он позабыл обо всём — о голоде, что терзал его больной желудок, о сложном выборе, который ему предстояло сделать, о десяти годах, проведённых среди самой гнусной человеческой грязи. Он позабыл обо всём, — ведь его глазам предстала сама госпожа История, которая готовилась совершить резкий поворот и этим грозила потрясти весь мир до основания.

Будто чудовищный спрут, флуорисцит дрожал и бугрился, выбрасывал многочисленные щупальца; они свивались друг с другом, на мгновение образуя причудливые композиции, и тут же распадались, не давая мозгу понять, на что же это было похоже.

И вот время настало. Процесс убыстрился, уже не щупальца, а ломанные линии пластов накладывались друг на друга и заметно бурели, приобретая окраску горной породы. Наконец устье пещеры сформировалось и в её глубине заблестело золото, перемежаемое драгоценными камнями. Правда, без огранки они выглядели невзрачными — просто булыжники и цветное стекло, обкатанное морем до потери прозрачности.

— Ну как? — спросила Раменская.

— Выглядит правдоподобно.

Склонившись, Андрей поднял золотой слиток — как и положено, тот был тяжёлым и гладким на ощупь. Он бросил его и зачерпнул горсть красных камней. Это были рубины.

— Даже с включениями. Совсем как настоящие, — заметил он.

— Они и есть настоящие. Если хотите, можете взять. Ювелиры дадут вам за них приличную сумму, — сказала Раменская, как коршун наблюдающая за ним.

— Нет, не хочу. Драгоценности из флуорисцита ничем не лучше стеклянных бус, с помощью которых европейцы обманывали несчастных дикарей. Они ничего не стоят, — Андрей швырнул рубины в пещеру.

— Ничего не стоят? — резко, почти злобно сказала Раменская. — А вы представляете, сколько стоит флуорисцит? А гений моего мужа, по-вашему, тоже ничего не стоит?

— Марианна, пожалуйста, не сердитесь! Я не хотел вас обидеть, — спохватился Андрей.

— Так всегда говорят, когда хотят нахамить или уже нахамили, — Раменская опустила ресницы, пряча гнев, и холодно добавила: — Думаю, вы уже достаточно увидели.

Она нажала на испытательном стенде соответствующую кнопку, и пещера с сокровищами вновь расплылась слабо светящейся зелёной жижей.

«Значит, процесс утилизации сырья уже достаточно проработан. Дело за малым, нужно поставить на поток производство флуорисцита и... тогда начнётся промышленный армагеддон, который хорошо, если ограничится малой кровью. Хотя ума не приложу, как власти будут предотвращать производство оружия, когда флуорисцит будет также доступен, как вода из крана», — подумалось Андрею, пока он шёл за стремительно шагающей Раменской.

Когда они вернулись в лабораторию, Лапочкина там уже не было — зато была Жанна.

— Всё, наговорились? — нетерпеливо спросила она, глядя на Андрея, и, когда он кивнул, направилась к выходу.

— Спасибо за информацию и познавательную экскурсию, — сказал он её родителям.

Судя по виду, они ожидали, когда он уйдёт, и поспешил следом за девушкой.

— Извини, если мама была с тобой груба, — сказала Жанна, когда они отошли на приличное расстояние от дверей лаборатории.

— Разве ж это грубость? Так, беззлобное интеллигентное шипение. Ты бы слышала, что говорят мужики, когда их припирают обстоятельства. Порой новобранцы выдают на горá такой красочный мат, что даже бывалые зеки краснеют.

Но Жанна не приняла его шутливый тон.

— Андрей, будь с ней осторожней. Уж я-то её знаю, — она помолчала. — Извини, что солгала, но это она покалечила отцу руку. И это при том, что она очень его любит.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Что тебе туго приходится с родителями. Особенно с матерью-психопаткой.

— Да нет! Она не психопатка, просто очень нервная. Когда что-нибудь слишком выводит её из себя, она не может себя контролировать. Вот и всё! — горячо запротестовала Жанна, хотя было видно по лицу, что на этот раз она лжёт самой себе.

«Выходит, док в семье золушка, а не принцесса, как можно было подумать», — пожалел её Андрей.

— Бедняжка моя! — с нежностью сказал он и без лишних слов прижал девушку к стене.

— Ты что делаешь? — запротестовала она, когда вслед за поцелуями он расстегнул молнию на её комбинезоне и втолкнул в ближайшую дверь.

— Док, ты же большая девочка и должна знать, что секс — это лучшее лекарство от стресса, — пробормотал Андрей, захмелевший от её близости.

Яростный крик и фиолетовый вихрь, взметнувшийся с кровати, застали их врасплох.

Даша с такой силой налетела на Жанну, что обе упали и покатались по полу.

Женская драка — дело не шуточное. Здесь тоже бывают битвы не на жизнь, а на смерть. Судя по ожесточению, это была как раз одна из них. С воинственными воплями обе драчуньи ожесточённо пинались и лупили друг друга кулаками, а ещё чисто по женской привычке вцеплялись друг другу в волосы и царапались.

Всё произошло настолько быстро и было настолько нелепо, что Андрей впал в ступор, глядя как Жанна и Даша дерутся. Причём чувствовалось, что ненависть друг к другу у них возникла не сегодня и причиной их схватки является не только он. Да и попутное выяснение отношений это подтверждало. «Я лишь повод для драки, а сама драка уже назрела давно, похоже, ещё со школьных времён», — мелькнула у него мысль. Он схватил Жанну, отлетевшую в его сторону, и отправил её себе за спину.

— Брейк, девочки! Даша, не лезь, у тебя рука сломанная. Хочешь инвалидом остаться? — попытался он воззвать к разуму бывшей жены.

Но не тут-то было. Обе женщины по-прежнему рвались в бой. Тогда он схватил Жанну в охапку и, выйдя в коридор, прижал спиной дверь, ходящую ходуном.

— Док, хоть ты угомонись! — прикрикнул он на Жанну, которая, войдя в раж, кричала, что прикончит подлую стерву, которая со школы отравляла ей жизнь.

«Слава богу!» — обрадовался он, завидев бегущую к ним охрану. Правда, вид Рябова, появившегося следом за охранниками, несколько подпортил ему радость.

Майор бесцеремонно выхватил у него девушку и развернул её к себе.

— С вами всё в порядке? — обеспокоенно воскликнул он.

Жанна нехотя улыбнулась.

— Кажется, да... — она коснулась щеки и озабоченно глянула на окровавленные пальцы. — Вот дрянь! Чуть не выцарапала мне глаз.

— Идёмте! — решительно заявил Рябов и, не слушая её протестов, потащил её за собой. — Жанна, не упирайтесь! Вы обязательно должны провериться у окулиста. А вдруг? Глаза нужно беречь.

Первым желанием Андрея было самому дать майору в глаз, чтобы много на себя не брал, но воспоминание о том, что стоит на кону, и обещании, данном Вселенной, заставило его сдержаться. «Не будь собакой на сене. Всё равно док не для тебя», — сказал он себе.

Убедив охрану, что справится с ситуацией, он вошёл в палату.

Даша лежала на кровати и, отвернувшись к стене, временами всхлипывала. Он взял стул и сел рядом. Когда она окончательно затихла, он спросил:

— Почему ты не сказала мне о ребёнке? Ведь к разводу ты уже была на третьем месяце.

Отец не велел или сама не захотела?

Она броском повернулась к нему.

— Сама не захотела! Уходи! Ты тогда нам с сыном был не нужен, а сейчас и подавно! — со злостью выкрикнула она.

— Как скажешь. Не нужен, значит, не нужен, — Андрей приподнялся, собираясь уйти, но она схватила его за руку.

— Нет, постой! Сначала скажи, что у тебя с этой стервой Слоневской?

— Не твоё дело. Я же не спрашиваю, что за мудак ответил мне по твоему телефону.

— Как будто тебе не всё равно, — с горечью отозвалась Даша. — А спросить не хочешь, почему у меня всё тот же номер телефона? И почему я так ненавижу песню Муравьёвой «Позвони мне позвони»?

Андрей снова сел и взял её за перебинтованную руку.

— Болит? — спросил он с участием и Даша покачала головой.

— Нет, пока ничего не чувствую. Может, по запарке. Помахались мы с Жанкой всё же знатно. С детства её ненавижу. И её мамашу тоже. Обе те ещё стервы. Жанка постоянно обзывала меня дочкой лапочкой, а потом нашей бедной сироткой, когда мама умерла, и ржала как лошадь, когда я начинала плакать. А эта сучка Марианна Станиславовна, её мамаша, подливала масла в огонь, мол, яблочко от яблони недалеко падает. Когда мать — сельская дура, то и дочь невеликого ума.

— Вот ведь заразы, — сказал Андрей, пряча улыбку. — Неужели было так обидно?

— Естественно, обидно. Ума-то у меня действительно нет, — вздохнула Даша и с грустью добавила: — Будь я в папу, смеялась бы я, а не они.

Она помолчала.

— Серёжа сказал, что ты обещал ему, что теперь мы будем вместе: он, ты, папа и я. Не успела я порадоваться, как тут вы с Жанкой, с явным намерением потрахаться. Правда, всё было уже ясно во время первой встречи, но я же дура и продолжала на что-то надеяться, а на что именно — самой не ведомо. Прости, видимо, я действительно непроходимая идиотка, несмотря на свой престижный диплом.

— Диплом? — удивился Андрей. Насколько он помнил, у Даши была явная идиосинкразия на учёбу.

— Да, диплом! Может, я не особо умна, но получила степень магистра в Национальном университете Сингапура, — сказала Даша с вызовом в голосе, но тут же призналась: — Правда, попала туда с большим трудом.

— И чем ты занимаешься?

— Сейчас возглавляю один из филиалов папиного холдинга. Да, да! Взяли по протекции! И нечего смотреть на меня.

— Да я ничего. Ты же дочь, было бы странно, если бы отец не продвигал тебя. И как, справляешься?

— Да, справляюсь, хотя на первых порах было очень трудно. Ты же знаешь отца. Одно дело, быть его дочерью, и совсем другое его сотрудником. Он такой устроил мне бизнес-тренинг, что весь первый год работы я не просыхала от слёз. Ну а затем ничего, даже вошла во вкус. Азарт появился, уже хочется больше самостоятельности, но пока отец не даёт особо развернуться, хотя знаю, что он зря осторожничает. Думаю, у меня есть деловое чутьё.

Андрей одобрительно кивнул.

— Молодец. Вынужден признать, что ты меня удивила.

— Сама себе удивляюсь, — улыбнулась Даша и смерила его задумчивым взглядом. — А время летит! Поначалу у меня было ощущение, что мы расстались только вчера. Но нет, уже десять лет прошло. Ты и я мы оба изменились. Я не знаю тебя, а ты не знаешь меня. Как думаешь, может, нам стоит заново познакомиться? Не возражаешь? Хорошо.

Она встала с кровати и с деловым видом протянула ему руку.

— Дарья Михайловна Белозёрская. А вы?

Андрей поднялся ей навстречу.

— Андрей Владимирович Белозёрский. Рад знакомству, Дарья Михайловна, — серьёзно проговорил он, пожимая руку бывшей жены. — Я бы хотел обсудить с вами один вопрос. Впрочем, вы его уже подняли, но ошибочно интерпретировали. Я не солгал Серёже. Если вы не против, я действительно хотел бы вернуться в семью. Так что интрижку с Жанной Слоневской прошу рассматривать как временное увлечение, которое не имеет никакого отношения к моим намерениям относительно вас.

— Боже мой! Неужели это не сон? — с мучительной гримасой на лице Даша прикрыла глаза. — А ты не лжёшь? — встrepенулась она, но тут же взяла себя в руки.

— Андрей Владимирович, мне сложно поверить в серьёзность ваших намерений, — сказала она и язвительно добавила: — Я только что застала вас с расстёгнутой ширинкой и одной девкой, которую я терпеть не могу. Сами понимаете, это не способствует сближению между нами. И уж точно не обещает крепкой семьи в будущем.

— Будущее, — вздохнул Андрей. — Именно оно движет моими помыслами, Дарья Михайловна. Конечно, ваше дело верить мне или не верить, но я знаю одно, что лишь в союзе с вами я обрету своё семейное счастье. И ничто эту веру не может поколебать.

Он порывлся по карманам и протянул Даше алмаз размером с голубиное яйцо.

— Ну а это разрешите преподнести вам в знак серьёзности моих намерений. Правда, должен предупредить, что эту ценную безделушку я только что спёр у семьи Слоневских. Если вы по-прежнему сердитесь на меня, то будет достаточно сказать об этом вашему отцу, и он снова оформит меня туда, куда Макар телят не гонял. Впрочем, у меня есть опасение, что на планете таких мест уже не осталось, я их все уже посетил. Но ручаться не могу, ваш батюшка — крайне изобретательный человек и обязательно сыщёт подходящую кару на мою бедную голову, которая уже и так по его милости основательно пострадала.

— Ты это о чём? — насторожилась Даша.

— Не бери в голову, это просто фигура речи. Чтобы разжалобить тебя наверняка, — Андрей взял её за руки. — Даш, я серьёзно! Как ты смотришь на то, чтобы снова сойтись? Даю слово, на этот раз в моих действиях нет корысти.

— А десять лет назад, значит, были? — не удержалась она от вопроса.

— Да, были, — не стал он отпираться. — Я был молодым честолюбивым дураком, но десять лет в ЧВК кого угодно изменят.

— Что? — Даша испуганно на него посмотрела. — Андрей, если это папа, то я здесь ни при чём. Уверяю тебя!

Судя по всему, её испуг был непритворным и Андрею стало от этого легче. И вообще, эта Даша нравилась ему куда больше, чем её версия времён их недолгого супружества.

— Прости! — он привлёк её к себе и поцеловал.

— За что? — удивилась Даша, глядя на него сияющими глазами.

— За то, что вырвал тебя из привычной среды и заставил себя полюбить. Да так, что ты до сих пор не можешь меня забыть.

— Здесь ты не один виноват, — она прижалась к нему. — Тебе тоже пришлось нелегко. Теперь я это понимаю. Ведь я, как идиотка, порхала от отца к тебе, хотя нужно было сделать так, как велят предки. Ведь сказано же, что да отлепится жена от родителей своих и прилепится к мужу своему и станут они одним целым.

— Сдаётся мне, что это вольное толкование Библии, но суть верна.

— Мне нужно было забыть дорогу к отцу и понять, что мой дом там, где ты. Но это дошло до меня лишь тогда, когда ты выкинул меня из своей жизни. Причём полностью и бесповоротно.

— Даш, хватит заниматься самобичеванием. А то я со своими корыстными помыслами тех лет начинаю ощущать себя последним подлецом, — Андрей принялся к запаху её духов и блаженно сожмурил глаза. — Пахнешь просто обалденно! — он нерешительно глянул на неё. — Слушай, если ты не против, может, мы того... немного пошалим?

— Ну знаешь! — вскинулась было Даша, но затем потаённо улыбнулась. — А давай! Чем я хуже Жанки? Стой! Я сама расстегну...

И тут в самый ответственный момент дверь распахнулась и к ним влетел Сергей.

— Ой боже! — вскрикнула Даша и сморщилась о боли, когда при попытке встать оперлась на больную руку.

— Привет, мам! Ты чего на полу? Тебе совсем плохо? — встревожился он и бросился к двери. — Сейчас я дедушку позову! — выкрикнул он, не слушая увещаний матери.

— Ну конечно! Для полного счастья, нам только дедушки здесь не хватало, — пробормотал Андрей, поднимая Дашу с колен.

Она зажала рот, борясь со смехом.

— Извини! Кажется, сегодня не твой день.

— Ну да, по всем фронтам облом, — состроил Андрей печальную мину и оба, не выдержав, рассмеялись.

— Так, понятно, — сказал Лапочкин, заглянувший к ним, и потянул внука в коридор. — Идём, дружок, мне нужно с тобой переговорить по очень важному делу. Никаких «но»! Твоим родителям тоже есть о чём побеседовать, так что давай не будем им мешать.

— Ну вот, кажется нам дали отпущение грехов, но настроение уже пропало. О чёрт! — у Андрея выступил пот на лбу.

— Что с тобой? — вскрикнула Даша, готовая бежать за помощью.

— Стой! Не нужно никуда идти, это приступ гастрита. С прошлого вечера ничего не ел, вот меня и прихватило.

— Что ж ты раньше не сказал? Сейчас что-нибудь соорудим! — и она бросилась к холодильнику. — Сама я на диете, но у меня здесь полно всякой снеди. Тётя Клава принесла. Очень ответственная женщина. Лучшая домработница из всех, что у нас были. Так! Что здесь у нас? Отварная форель. Буженина. Салат с креветками. Какая-то непонятная мешанина, похожая на любимое народом оливье. Морепродукты, это я просила её приготовить. Мусс с вишней. Пирог с капустой...

— Если ты не замолчишь, то я съем тебя саму! — с кровожадным стоном прервал её Андрей.

Даша с улыбкой обернулась к нему.

— Не надо меня есть, я костлявая, — сказала она и вручила ему салат. — Ешь, а я тем временем разогрею мясо и пюре. Хорошо? — и она, взяв лотки с едой, направилась к микроволновке.

— Не то слово! Просто замечательно, — пробормотал Андрей, срывая плёнку с пластикового контейнера. Ещё бы сто грамм и жизнь расцвела бы весенними красками.

— Не вопрос, — Даша вручила ему бутылку вина. — Извини, но есть только аперитив.

— Да пофиг, — отозвался Андрей, работая вилкой. — Хотя водка для желудка куда лучше, чем вся эта импортная отравка.

— Ладно, будет тебе патриотический напиток, — Даша взялась за телефон. — Клавдия Ивановна, здравствуйте! Да нет, всё в порядке, Серёжа пришёл в себя, и я тоже в норме. Спасибо, спасибо! Клавдия Ивановна, у меня просьба, можете посмотреть в папином кабинете? Где-то там я видела у него бутылку «Столичной». Пожалуйста, отправьте её с нарочным ко мне и как можно быстрее.

— Проще было доставку из магазина заказать, — заметил Андрей, который с любопытством прислушивался к разговору Даши с домработницей.

— У папы водка с гарантией, а что привезут из магазина ещё большой вопрос. И не забывай, где мы находимся. Доставку из магазина развернут обратно, сказав, что они ошиблись с заказом, — возразила ему Даша, споро накрывавшая на стол. Причём хозяйничала она так, будто всю жизнь этим занималась.

«Надо же! А раньше у неё всё летело из рук, из-за чего она всю мамину посуду перебила», — всколыхнулась в нём былая обида. А ещё он подумал, что совсем не знает женщину и сына, ради которых он готов отказаться от той, что мила его сердцу. Впрочем Даша, как ни странно, тоже нравилась ему. Конечно, не так сильно, как Жанна, но и отвращения к бывшей жене он тоже не испытывал. И даже больше, семейную жизнь с Дашей он мог себе представить, а вот с Жанной — нет. «Потому что док из тех женщин, которых лучше любить на расстоянии», — с грустью подумал он. Но тут ему вспомнилось, как Рябов уводил Жанну, и он сердито нахмурился.

— Креветки не нравятся? — сразу же среагировала Даша и подвинула к нему мясо. — Попробуй. Буженина — просто сказка, буквально тает во рту. Я пробовала её приготовить, но у меня так хорошо, как у Клавдии Ивановны, не получается.

— Ты научилась готовить? — спросил Андрей и она улыбнулась.

— А тебе до сих пор странно, что я умею что-то делать по дому? Когда ты меня бросил, я многому научилась: готовить, стирать, убирать. Я даже научилась шить и вязать и, что ещё удивительней, я научилась штопать носки. Так что если они у тебя рваные, ты не стесняйся, давай их мне, я починю.

— Даш, ты просто чудо, — сказал Андрей, глядя на неё во все глаза. В этот момент в его душе проснулось то, чему у него пока не было названия, но это было нечто большее, чем просто благодарность за любовь.

— Спасибо. Всё было очень вкусно. — Он положил вилку. — Даш, прежде чем мы сойдёмся, хочу предупредить: измен я не потерплю. Если тебе будет плохо со мной, и ты решишь, что одной тебе жилось лучше, скажи прямо, без этой вашей бабской мести. С меня достаточно инцидента с ножом, я не хочу загреметь в тюрьму. Правда, в жизни бывает всякое. Если влюбишься, то тоже не молчи. Конечно, радости мне это не принесёт, но я постараюсь убедить себя, что твоё счастье для меня важнее. Только не надо этих подлых потрахушек на стороне. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула Даша и её глаза наполнились слезами. — Честное слово, я не со зла! Просто надеялась, что найдётся другой, такой же, как ты, и вытеснит тебя из сердца... Прости!

Андрей пересел ближе к ней и обнял.

— И ты прости меня. За Жанну.

— Что?! — отпихнула его Даша. — Если ты собираешься поддерживать с ней отношения, то забудь! Нам не быть вместе! — возмущённо воскликнула она.

— Тсс! — Андрей прижал палец к её губам. — Я не только буду поддерживать с ней отношения, но и ты с ней подружишься. Поняла? Даже больше, ты подружишься со всеми Слоневскими. Уверен, Михаил Николаевич меня здесь поддержит. Так надо, не спорь. И для начала ты пригласишь их на нашу свадьбу. День выбери сама, какой понравится.

— О! Вот это с превеликим удовольствием, — расцвела улыбкой Даша. — Видеть физиономию Жанки в такой момент лучший подарок для меня.

— Вот на этой светлой ноте давай и остановимся, пока снова не разругались, — сказал Андрей и потянул за язычок молнии на её костюме.

При виде зрелища, представшего его глазам, он восхищённо прищёлкнул языком.

— Вот это да! Слушай, а я действительно идиот, если отказался от такой красоты.

— Андрей, мы забыли закрыть дверь! — встрепелась Даша.

— Да и чёрт с ней! — Андрей толкнул её на кровать.

— Вдруг Серёжа снова прибежит? — забеспокоилась она.

— Не прибежит. Михаил Николаевич не позволит. А другие пусть смотрят и завидуют.

ГЛАВА 10. Не совсем светская беседа о том, что каждому своё. Политики будущего

Раменская распахнула дверь и злорадно посмотрела на парочку, которая двигалась в ритме, древнем как мир. Нимало ни смущаясь, она подошла к кровати и хлопнула Андрея по голому заду.

— Извини, дружок, но дочь просила всё же исследовать содержимое твоей головы и, думаю, она права. С ней явно что-то не в порядке, если ты променял её на эту глупую девку. Вставай! У меня мало времени. Потом потрахнешься, она никуда не денется.

Андрей вздохнул: «Похоже, сегодня действительно не мой день. Или отмеренная мне удача закончилась».

— Не заводись! Плевать на неё, — шепнул он Даше, покрасневшей от злости и смущения, и потянулся за брюками.

— Марианна, вам не кажется, что это уж чересчур? — сказал он, надев футболку.

— Марианна Станиславовна! Что вы себе позволяете? У кого с головой не в порядке, так это у вас! — выкрикнула Даша со слезами на глазах.

— Помолчи, дурочка, тебе никто слова не давал, — с ласковым пренебрежением в голосе проговорила Раменская. — Думаешь, он вернулся бы к тебе, если бы не сын? Как бы не так! Ведь он любит не тебя, а Жанет. И правильно делает. Моя дочь — штучный товар, а за таких, как ты, в базарный день дают пятак за пучок.

— Так! Ну-ка, давайте выйдем, — Андрей схватил Раменскую за локоть и силком потащил её к двери.

— О да! Кролик ты наш травоядный! Слушай своё сердце! А то твой папаша снова разозлится на твоего волчару и на этот раз оторвёт ему его морковку! Чтобы она больше не смущала тебя! — насмешливо выкрикнула она, прежде чем он вытолкнул её в коридор.

— Чего вы встали? Вы же куда-то очень спешили, — обернулся к ней Андрей.

— Жду, когда ты начнёшь меня стыдить, — усмехнулась Раменская.

— Я рад, что у вас ещё не совсем совесть атрофировалась. Пошли, иначе мы никогда не доберёмся до этого чёртового томографа.

Раменская посмотрела ему вслед, а затем догнала его и пошла рядом.

— Что? Неужели не будет ни единого слова упрёка? — язвительно спросила она.

— Ну что вы! Какие могут быть упрёки? Вы такая какая есть и другой уже не станете. Да и не по чину мне вас упрекать. В силу старшинства это вы должны меня учить. И каков будет ваш первый урок? — поинтересовался Андрей, с любопытством глядя на неё.

— Может, бей слабых? — сказала Раменская и смерила его насмешливым взглядом.

«Ах ты сучка-провокаторша!» — Андрей пожал плечами.

— Зачем?

— Ради удовольствия. Это так занятно, когда слабые корчатся не в силах что-либо тебе противопоставить.

— Да? Нужно будет попробовать. Может, мне тоже понравится.

Неожиданно он пнул Раменскую по лодыжке и, когда та вскрикнула от боли, прислушался к себе.

— Пожалуй, вы правы. В этом что-то есть.

— Ты хоть понимаешь, какую нажил себе проблему? — злобно прошипела она.

— Марианна, боюсь, это вы не понимаете, какого нажили себе врага, — спокойно ответил Андрей, глядя в зелёные глаза, горящие как у взбешённой кошки. Отшвырнув Раменскую к стене, он взял за её горло.

— Я могу хоть сейчас вас убить и плевать на последствия. А знаете почему? Потому что мне ничего за это не будет. Ведь вы — пациентка Кащенко, а значит, недочеловек в глазах общества.

Не в силах вырваться из его хватки, Раменская смерила его ненавидящим взглядом.

— Как ты узнал? Лапочкин сказал? — просипела она.

— Нет. Сам догадался. Странно, что вы гуляете на воле. С таким расстройством психики среди нормальных людей не живут. С вашим умом и беспринципностью вы чересчур опасны, — Андрей с сожалением посмотрел на неё и разжал пальцы. — Наверняка я пожалею об этом, но вы не виноваты в своей болезни. К тому же вы мне нравитесь. Вам бы родиться в девятнадцатом веке. В старину из-за таких, как вы, мужчины сходили с ума — им сочиняли стихи, бросали к их ногам драгоценности и имения, стрелялись на дуэлях. Ведь это так романтично — умереть ради одного лишь благосклонного взгляда капризной красавицы. Увы, времена изменились. А может, к счастью. Ну что, идём? Или ещё немного постоим и побалакаем за жизнь?

— Негодяй, — улыбнулась Раменская и ласково провела по его щеке. — Можешь не опасаться, я тебя не убью. В какой-то мере ты мне как сын. Если уж на то пошло, то дочери я подарила только жизнь, а тебе и жизнь, и удачу. Поэтому я накажу тебя по-другому, я превращу твою жизнь в ад. Поверь мне, я это умею.

Отводя её руку от себя, Андрей взял её за запястье и его пальцы начали сжиматься.

— Ну да, это вы умеете. Для этого достаточно посмотреть на Жанну и вашего мужа. Как я понимаю, бедолага довольно часто сбегает от вас. Иначе зачем ему отдельная квартира. Да и Жанна при первой возможности удрала от вас и не куда-нибудь, а в прифронтной госпиталь. Марианна, а вы там бывали? Представляете, что это такое — нырнуть в самую скверну человеческой жизни, наполненную страданиями и болью? Неужели вам даже дочь не жаль? Ведь её в любую минуту могли убить или что ещё хуже, захватить в плен. Вы хоть представляете, что бы с ней сделали? Она же у вас стойкий оловянный солдатик; гордость не позволила бы ей унижаться и молить о пощаде; к тому же красивая. Двуногий скот издевался бы над ней до тех пор, пока она не сошла бы с ума.

Раменская заглянула в его беспощадные серые глаза, потемневшие от гнева, и испугалась, что он сломает ей руку.

— Не нужно, прошу вас... Пожалуйста! Ведь я не смогу оперировать с таким сложным переломом, — сказала она едва слышно.

— Действительно, чего это я? — Андрей ослабил хватку. — Извините, увлёкся. Ну что, продолжим наше скорбное шествие к томографу? Прошу вас, — и он отступил в сторону, давая ей дорогу.

В аппаратной госпиталя было пусто. Жанны здесь не было. «Чёрт!» — расстроился Андрей. У него не было никакого желания подвергаться медицинским процедурам под руководством женщины, с которой он только что поругался и вдобавок угрожал её убить.

— Снимайте свою дурацкую солдатскую робу... Переодевайтесь! — Раменская швырнула ему аккуратную сложенную больничную рубашку, которую, как водится, украшали

невзрачные голубые цветочки, основательно полинявшие от стирок.

Андрей сделал так, как было велено, и, сев на кушетку томографа, воззрился на неё. «Как бы мои слова о лучах смерти ни оказались пророческими», — с некоторой опаской подумал он. Хотя десять лет непрерывной войны сделали из него фаталиста, тем не менее это не мешало ему ценить жизнь. Конечно, видение генеральских погон сулило ему как минимум десяток лет жизни, но он не забывал, что будущее инвариантно и в любую минуту может измениться. «Вполне может статься, что вместо высокого поста я заполучу сейчас смертельный укол и прощай, Россия-матушка; справляйся как-нибудь без меня, горемычного, — подумал он с надрывной грустью и ощутил, как увлажнились глаза. — Твою ж мать! Что значит с зеками поведёшься».

Он стянул футболку и, взявшись за ремень, запел во весь голос:

*Сторона моя родная, Русь бревенчатая,
Песня звонкая, шальная, с грустью венчанная
Эх, Расея, моя Расея, от Волги до Енисея!*

Раменская с иронией глянула на него.

— Не трусьте, Белозёрский. Даю слово, я вам не наврежу. Ложитесь.

Андрей замолчал, меряя её взглядом. «Ладно, двум смертям не бывать, а одной не миновать, или как мужики говорят, мёртвых бояться, в морг не ходить», — он лёг на кушетку и его повлекло внутрь трубы томографа.

— Как мои дела? — спросил он после процедуры.

— Сейчас посмотрим, — Раменская села за стол и начала просматривать снимки его головы.

Видя, что процесс затянулся, он поискал взглядом куда сесть. Отчего-то кушетка томографа в этом плане его не прельщала. Он побродил по лаборатории и в одном из дальних закоулков обнаружил кресло, старое и жёсткое, тем не менее оно показалось ему верхом удобства. «Господи! Как же я хочу спать! Ведь уже вторые сутки на ногах и если бы только это. Сначала похищение и перестрелка, после чего бодяга с пацаном, потом Слоневский со своим идиотским флуорисцитом и напоследок, как говорится, вишенкой на торте, драка девчонок. И ладно бы только это. Только мы с Дарьей нашли общий язык, как является эта гадюка, по которой горячими слезами плачет психушка, и ломает нам с Дарьей весь кайф», — подумал он с неудержимым зевком.

— Марианна, вы скоро? — выкрикнул он.

— Нет, — последовал лаконичный ответ.

«Ну и чёрт с тобой», — усталость взяла своё и он сомкнул глаза. Стоило ему уснуть, и прогностика вновь заявила о себе.

Генеральские погоны оказались не фикцией. На этот раз будущее предстало ему в виде небольшого, но солидного кабинета, обшитого панелями из ореха. И это был кабинет не кого-нибудь, а первого лица в государстве. Об этом недвусмысленно говорили двуглавый орёл и флаги по бокам, находящиеся за его рабочим столом.

Правда, сам президент сидел во главе стола совещаний, рассчитанного на шестерых посетителей. При виде того, кто он, Андрей поспешно отвёл глаза, боясь, что выдаст своё удивление. Когда к нему вернулось привычное хладнокровие, он искоса глянул на тех

пятерых, что помимо него составляли президентскую компанию. Двое, как и он, были в парадной генеральской форме и оба старше его званием, трое — в штатском. «Паритет гражданских и военных сил», — усмехнулся он про себя, хотя потом решил, что штатские это представители шпионских ведомств. Так ли это, он не знал. Никто из присутствующих был ему не знаком, за исключением самого президента.

— Товарищи, вы в курсе ситуации. Я жду ваших предложений, — сказал президент и за столом повисла выжидательная тишина. Тогда его взгляд обратился к Андрею. — Андрей Владимирович, может, вам есть что сказать?

— Увы! — развёл руками альтер-эго Андрея. — Кирилл Александрович, я был бы рад предложить что-то иное, но выбора нет. Невзирая на риск развязать очередной военный конфликт с Западом, нам придётся взять на себя эту неблагодарную миссию.

— Не лучшее решение, — нахмурился президент. — Давайте всё же не будем торопиться. Побряцать оружием мы всегда успеем. Благо, теперь нам есть чем ответить оппонентам и для этого не обязательно держать руку на ядерной кнопке.

Генерал, сидящий с другого края стола, беспокожно зашевелился.

— Кирилл Александрович, я понимаю, политика, торговые связи и всё такое, но гангрену не стоит резать по частям. Я бы разнёс всё и сразу, во избежание дальнейших проблем. Вспомните Украину. Вот увидите, промедлим и штатовцы так или иначе подложат нам очередную свинью, а их европейские шавки, во всём идущие у них на поводу, не преминут к ним присоединиться. А так семь бед — один ответ. Тем более у нас ограниченный людской ресурс, чтобы бездарно класть его на полях войны, — заявил он.

— Согласен с вами, Дмитрий Германович, да только та же СВО показала, что военный конфликт легко развязать, а вот завязать его крайне трудно. Украинцы до сих пор дуются на нас и не признают, что они не только пострадавшая сторона, но и агрессор, который получил по зубам.

— Плевать на их обидки! — стукнул кулаком рассерженный генерал. — По их вине столько наших ребят полегло, что будь моя воля, я бы устроил им такую весёлую жизнь, что мало бы не показалось. Как вспомню, так до сих пор кулаки чешутся! — и он, не удержавшись, выдал матерную тираду, нашедшую живейший отклик в душе Андрея.

— Спокойней, Дмитрий Германович! — возвысил голос президент. — Не забывайте, что украинцы довольно долго были одной из титульных наций в России и это наше упущение, что они повернулись против нас.

— К тому же в народе до сих пор бытует лояльное отношение к ним и с этим тоже нужно считаться, — заметил один из штатских.

— Это уже в прошлом, — возразил другой штатский. — Пролитая кровь сделала своё дело. Да и хохлы по-прежнему обособляются, насаждая украинский язык. Когда русский язык окончательно станет для них чужим, то и для нас они станут чужими. Со всеми вытекающими отсюда. На хрена давать преференции тем, кто постоянно скалит на тебя зубы? Палка верней подачек.

— Вы хотите, чтобы мы по-прежнему оставались в изоляции? — язвительно парировал первый штатский.

— России не привыкать находиться в изоляции, — усмехнулся второй штатский.

— И так же не привыкать плестись в хвосте у Запада. У нас нет не только передовых технологий, у нас нет даже учёных, способных их изобрести. Всех, кто чего-то стоил, уже переманили на Запад. Нас и так уже считают банановой республикой.

— Ну да, с бананами у нас хорошо, даже лучше, чем с картошкой. Что касается технологий, то не переживайте. Нужно будет, украдём. Продажные шкуры пока не перевелись и вряд ли когда-нибудь иссякнут, так что дело лишь в цене. А насчёт того, что плетёмся в хвосте у Запада, то кто в этом виноват, Пушкин, что ли? С тем наследством, что нам оставил СССР, мы могли бы уже давно прижать западную шушеру, но нет. Сами вспомните, чьими стараниями мы оказались в столь плачевном состоянии, или напомнить?

— Товарищи, товарищи! — вмешался третий штатский. — Давайте всё же вернёмся к вопросу, по которому нас собрал Кирилл Александрович...

— Хватит спать!

Голос Раменской вырвал Андрея из высокопоставленного окружения. Для верности она основательно потрянула его за плечо.

— Вставайте! Проведём полное исследование, заодно посмотрим, насколько серьёзна ваша проблема с ЖКТ. Если это какая-то экзотическая инфекция, подцепленная в африканских дебрях, то придётся основательно повозиться.

— Так что там с моей черепушкой? Всё в порядке? — поинтересовался Андрей после сочного зевка.

— Да, — ответила Раменская с прежней лаконичностью.

Приведя его в смотровой кабинет, она уложила его на кушетку и сначала прощупала ему живот, а затем сделала УЗИ.

— На мой взгляд, ничего серьёзного, но посмотрим, что покажут анализы. Завтра сдадите натощак кровь, а также мочу и кал, — сказала она в завершение осмотра.

— Хорошо, — кивнул Андрей и, помедлив, добавил: — Марианна, пожалуйста, не злитесь на меня. Я не хотел вас обидеть, просто вышел из себя. Простите, если напугал.

Раменская смерила его долгим взглядом и на её лицо незримой тенью легла усталость, смешанная с чем-то таким, что ему активно не нравилось. Это было какое-то внутреннее напряжение, страх и в то же время решимость идти до конца.

— Ладно. Будем считать, что мы оба погорячились, — сказала она и протянула ему одеяло. — Идите поспите, вам это необходимо. Я вызвала охранника, он проводит вас до палаты. Кстати, ещё одно. Не морочьте дочери голову, если не собираетесь строить с ней отношения.

— Я постараюсь, — ответил Андрей.

— Надеюсь, что не только постараетесь. Что бы вы ни думали, Жанет мне очень дорога. Я любого сотру в порошок, кто посмеет её обидеть, — Раменская неприятно улыбнулась. — Вы же знаете, что я недочеловек, и в этом есть своё преимущество. Тот, кого не сдерживают общепринятые моральные рамки, способен на многое. Не так ли, господин Маньяк? — она кивнула, поняв, что сумела задеть его за живое, и добавила: — Думаю, мы поняли друг друга.

— Не беспокойтесь. Я буду держаться от вашей дочери настолько далеко, насколько позволят обстоятельства. Большого обещать не могу.

— Спасибо... — Раменская помедлила. — Ну а я, в свою очередь, больше не буду прессовать Дарью.

«Вот и славно!» — обрадовался Андрей.

— Сдержите своё обещание, и я сдержу своё, — сказал он.

Стукнула входная дверь.

— Марианна Станиславовна, вызывали? — спросил коренастый крепыш в форме охраны, и она кивнула.

— Проводите пациента в его палату.

— Эй! А где моя одежда? — спохватился Андрей.

— Держите, — Раменская протянула ему пакет. — Заодно выбросьте мусор, а то рыба начинает уже пованивать.

Как он и подозревал, рыбные останки были высыпаны прямо на его форму. Судя по крупным пятнам на ткани, форель, прокопчённая в ольховой стружке, была довольно жирной.

— Вот что вы за человек? — укоризненно воззрился он на неё.

— Уже забыли? — злорадно спросила она. — Недочеловек я, недочеловек!

«Зараза ты, а недочеловек! Ещё врач называется», — Андрей брезгливо глянул на куртку и, сунув её обратно, поставил пакет перед Раменской.

— Постираете, тогда заберу. Идём, служивый, доктор велела мне спать, и я намерен соблюдать её предписания...

В отличие от охранника, Андрей успел увернуться от содержимого пакета, прилетевшего в их сторону. Когда они вышли в коридор, парень разразился матерной тирадой в адрес Раменской, но так, чтобы она не слышала, а затем одобрительно глянул на Андрея.

— Молодец, братан! Правда, зря ты выбесил эту суку. Она злопамятная. Теперь устроит тебе такую весёлую жизнь, что только держись.

— Ничего, переживу, — отмахнулся Андрей.

ГЛАВА 11. Похищение. Как выжить с пулей во лбу. Прочие житейские мелочи, с предложением руки и сердца

Поспать ему не удалось, в палате его ждал Рябов.

Андрей смерил его любопытным взглядом. Будущий глава государства выглядел хмурым и недовольным. «Не иначе шпионы оказались слишком шустрыми для наших доблестных преемников КГБ и вновь смылись прямо у них из-под носа. На их месте я бы почаще шерстил кадры», — насмешливо подумал он.

— Какими судьбами, Кирилл Александрович? — спросил он, отгоняя видение Рябова в президентском кабинете.

— Стандартный опрос свидетеля. Если не возражаете, — буркнул майор, доставая диктофон. Пожалуйста, расскажите, что вы видели. Особенно нас интересует почему и где именно вы избавились от гражданки Смирновой Ксении Ивановны.

«Понятно, Ксюху не нашли», — расстроился Андрей.

— Как я сказал Михаилу Николаевичу, это примерно сто пятый километр. Камера, что поблизости, неисправна?

— Да, — сдержанно ответил Рябов и добавил: — В указанном вами месте мы никого не нашли. Правда, накануне прошёл дождь, и земля была влажной, поэтому есть след от падения тела и следы ботинок военного образца. Вы уверены, что пуля снайпера попала Смирновой именно в лоб?

— Что? — встрепенулся Андрей. «Плохо! Выходит, контрразведка думает, что Ксения жива и я попросту избавился от неё, выпихнув из кабины «газели», — пронеслось у него мыслях.

— Уверен! — жёстко ответил он и наморщил лоб, вспоминая. — Пуля попала ей между глаз или немного выше... Да! Так и было.

— А выходное отверстие? — спросил Рябов.

— В обшивке сиденья посмотрите.

— Сзади у вас была чистая рубашка.

— Значит, застряла у неё в голове, — раздражённо сказал Андрей. — Тем не менее мне показалось, что стреляли из Barrett, и что это был 50 калибр.

— Спокойней, Белозёрский! Мы вас пока ни в чём не обвиняем.

— И не обвините! Отверстие на лобовом свидетельствует в мою пользу.

— В «газели», на которой вы приехали, кто-то разбил все стёкла, причём в труху. Поэтому нет возможности понять стреляли снаружи или изнутри.

— Док... Жанна Слоневская всё видела. Она может подтвердить мои слова.

— Влюблённая женщина — ненадёжный свидетель, — заметил Рябов и добавил: — Согласитесь, что всё это странно, если не сказать больше.

— Не то слово! — с досадой отозвался Андрей. — Такое чувство, что кто-то хочет повесить на меня убийство Ксюхи, то есть Ксении Смирновой. И нечего пилить меня взглядом, матерью клянусь, что я здесь ни при чём. К тому же вы хоть немного, но знаете Слоневскую. Думаете, такая, как она, станет покрывать убийцу своей подруги? Тем более мы знакомы всего ничего.

Рябов выключил диктофон.

— Я же сказал, что вас ни в чём не обвиняют, так что не нервничайте. — Он помолчал. — Вы правы. Ваше счастье, что я немного знаю Жанну и уверен в правдивости её показаний.

«Понятно. Дока тоже допросили», — угрюмо подумал Андрей. Ему было беспокойно. Он чувствовал, что вокруг его шеи стягивается невидимая петля. Вот только не понимал, кто именно её накинул и что ему нужно. К тому же его беспокоила какая-то неясность. «Чёрт! Не может быть!» — мелькнула у него невозможная мысль.

— Почему вы спросили куда именно попала пуля снайпера? — спросил он.

Рябов смерил его долгим взглядом.

— Потому что на месте предполагаемого падения Смирновой есть следы только одного человека. Это следы ботинок тридцать седьмого размера и отпечаток женской руки. По мнению экспертов, они принадлежат самой Смирновой.

«Охренеть! Только обвинения в шпионаже мне не хватало!» — помрачнел Андрей.

— Чушь! У Смирновой была дыра во лбу, а зомби только в сказках бывают, — сказал он, с трудом сохраняя спокойствие.

Вопреки обыкновению, что-то заставляло его нервничать и это выводило его из себя ещё сильнее.

— Что вас беспокоит? — прищурился Рябов.

«Самому интересно, куда девалось моё хвалёное спокойствие», — Андрей прислушался к себе. — Что-то неладное творится... Чёрт! Враг в госпитале! И скоро будет здесь!»

Он быстро осмотрелся по сторонам. В палате спрятаться было негде, да и не имело смысла.

— Кирилл, уходи через окно. Быстро!

— Что случилось? — насторожился Рябов и потянулся к оружию в заплечной кобуре.

— Думаю, предательство, — к Андрею вернулось хладнокровие. — Проект «Солдат удачи». Знаешь? Хорошо. Пиндосы меня не тронут, а тебя убьют. Уходи!

— Я не могу.

— Можешь, чёрт тебя побери! Кирилл, прошу! У тебя другая задача в этом мире! Уходи и будь всё время на людях. На тебя не должна пасть даже тень подозрения, что ты можешь быть связан с какой-либо иностранной разведкой. Понял?

Рябов пристально глянул на него и заколебался.

— Уверен, что справишься с ситуацией?

— Да! — рявкнул Андрей и уже спокойней добавил: — Иди, я выкручусь, мне не в первый раз.

— Держи, — решил Рябов и протянул ему свой пистолет.

— Нет, заberi с собой! Впоследствии его могут использовать против тебя. Свалишь ты, наконец?!

Вместо ответа Рябов перемахнул через подоконник и, сделав несколько рискованных шагов по узкому карнизу, взобрался на соседний балкон.

«Вот и славно!» — Андрей закрыл окно и бросился к кровати. Накрывшись одеялом, он сделал вид, что спит.

Судя по топоту в коридоре, визитёров было довольно много. Когда открылась дверь, и толпа ввалилась в его палату, он пробормотал, не открывая глаз:

— Что? Уже обход?

— Да, дружок. Это снова я и на этот раз с целым консилиумом.

Андрей открыл глаза и беззвучно выругался. Он не ошибся, предательство было налицо. На этот раз нападающие выглядели как группа студентов на практике, и Раменская явно была с ними заодно.

Мужчина с ястребиным лицом, возглавляющий группу захвата, повернулся к парню, который несколько припозднился и вошёл в палату последним. Андрей сразу же выделил его из толпы и не только из-за азиатской внешности. Тонкие черты лица вкупе с очками в золотой оправе, придающими ему интеллигентный вид, белый халат и явно гражданская манера держаться говорили, что он действительно врач, а не переодетый спецназовец.

— Нашли? — отрывисто спросил Хоук.

Азиат кивнул, и он распорядился:

— Тогда берём его и уходим!

Жанна стояла у окна и видела толпу студентов, которая дружно вывалилась из центрального входа здания. Вышедшие вслед за ними родители несколько удивили её тем, что сели не в санитарную машину, которой их обычно доставляли домой, а в белый мерседес. Правда, скорая тоже была, в неё загрузили тело в пластиковом чёрном мешке. «Опять! Неужели обязательно тащить трупы домой? Могла бы резать их на работе. И так уже персонал болтает, что мы занимаемся каннибализмом», — сердито подумала она и взяла в руки чашку с кофе. Вид второй чашки, сиротливо стоящей на подносе — обычно из неё пила Ксения — вызвал у неё такой приступ тоски, что слёзы хлынули потоком.

— Подруга, кончай распускать сопли, — раздался знакомый голос, и Жанна резко обернулась.

— О господи! — уронила она чашку. — Ксюша! Не может быть!

— Ага! Очевидное с невероятным это я.

Это действительно была Ксения — облепленная грязью с головы до ног и с залитым кровью лицом. Она с вымученной улыбкой цеплялась за косяк двери.

— Ой, Жанка... мне так плохо, что кажется сейчас я сдохну, — и с этими словами она рухнула на пол.

Первым делом Жанна схватилась за телефон.

— Ордinatorская, второй этаж! Реанимационную бригаду. Живо!

Затем она бросилась к Ксении и, перевернув её на спину, оказала ей первую помощь. Массаж сердца и искусственное дыхание увенчались успехом. Сердце забилося, и девушка начала дышать самостоятельно.

«Слава богу!» — переводя дух, Жанна прикрыла глаза. Паника отступила. Чтобы понять, почему подруга осталась жива, она попыталась снять вязаную чёрную шапочку с её головы, но засохшая кровь не дала ей этого сделать. Она хотела оставить это дело до прибытия реанимации, которая отчего-то запаздывала, но тут заметила подтёк зелёной жижи у неё на лбу. Перед её глазами сразу же возникла картинка, как Ксения, отвечающая за сохранность запасного чипа, сначала суёт его в нагрудный карман, но затем заявляет, что в случае чего он не должен попасть в руки вражин и засовывает его за этикетку, пришитую на отвороте шапочки.

«Это как раз то место, куда угодила снайперская пуля», — отстранённо подумала Жанна.

Догадка оформилась в уверенность. Каким-то образом чип защитил Ксению и она, не

зная, что делать с этой шпионской штучкой, снова взялась за телефон. Увы! У Андрея и Лапочкина было либо занято, либо они сбрасывали её звонок. Родители уехали, и она по опыту знала, что в машине с ними не связаться, нужно было ждать, когда они приедут домой. Тем не менее подписка о неразглашении обязывала, хотя от чипа практически ничего не осталось, несмотря на его секретность. Делать было нечего, и она позвонила Рябову.

— Кирилл, извините за беспокойство, но у меня непростая ситуация. Помните, мы с вами недавно разговаривали? Вас кое-что интересовало. Так вот, мне есть что добавить к нашему разговору. Если можете, то поспешите. Пожалуйста! Я всё там же, где мы встречались.

— Уже иду! Ждите, никуда не уходите.

Рябов вопросительно глянул на помощника и, когда тот кивнул, обещая его подменить, поспешил к Жанне.

— Что случилось? — спросил он, войдя в ординаторскую.

— Вот! — Жанна убрала ширму, прикрывающую Ксению. — Она жива, несмотря на пулю во лбу. Выжила благодаря чипу, который каким-то образом сумел её остановить. Пуля застряла в черепе, но это не фатально. Ткани мозга не задеты, насколько я могу судить. Разве что сильнейшее сотрясение. Всё равно ума не приложу, как она в таком состоянии сумела добраться сюда...

«Я тоже. Как же она в таком виде прошла посты охраны? — у Рябова ёкнуло сердце. «Проклятье! Неужели парней поубивали из-за моего бездействия? Ну, всё! Я не я буду, если не найду этого гада Белозёрского и не вытрясу из него его подлую душу! Предатель! И я тоже хорош, развесил уши как последний лох», — расстроено подумал он.

— Подождите, Жанна, я должен позвонить, — перебил он девушку, которая продолжала что-то говорить, и схватился за телефон, но тот зазвонил до того, как он набрал нужный номер.

— Кирилл, скорей на пост охраны, — сказал помощник каким-то странным голосом.

— Что случилось? — спросил Рябов, преисполненный самых недобрых предчувствий.

— Сам увидишь, — уклонился помощник от ответа.

Событие действительно было из ряда вон, но, вопреки опасениям майора, обошлось без трупов. Охранники, находящиеся под действием газа, схожего по воздействию с его веселящим собратом, с блаженными улыбками на лицах тарацились куда-то вдаль, при этом ничего не видя и не слыша.

Тем не менее Рябов не стал медлить и позвонил Лапочкину и, когда они встретились, он рассказал ему всё без утайки. После этого он был готов ко всему, вплоть до ареста, но генерал внимательно его выслушал, а затем смерил оценивающим взглядом и сказал, что он поступил правильно — правда, не уточнил почему он так считает. Как бы то ни было, майор хоть и чувствовал себя по-прежнему виноватым, но это чувство было уже не столь острым.

«Неужели Михаил Николаевич тоже поверил этому гаду Белозёрскому?» — недоумевал Рябов по пути домой. Лапочкин отпустил его пораньше, сказав, что справятся без него и ему нужно отдохнуть. Тогда он ещё не знал, что похитили не только Белозёрского. О том, что Слоневский и Раменская сбежали он узнал только на следующее утро, когда ему поручили допросить их дочь Жанну Слоневскую.

На этот раз допрос был куда жёстче, чем накануне, — ведь Жанна была не только свидетелем, она была подозреваемой.

Выведенная из себя намёками на предательство, девушка едва не дымилась от

раздражения, тем не менее Рябову ни разу не удалось поймать её на сколь-нибудь значимых противоречиях. «Либо действительно ни в чём ни виновата, либо её хорошо подготовили», — холодно подумал контрразведчик

И всё же, в душе он не верил, что Жанна замешана в дела родителей. Тем не менее опыт предостерегал его от скоропалительных выводов.

После тщательной проверки Рябов был вынужден признать, что зацепиться ему не за что, кроме того, что она дочь предателей. Тогда он купил шампанское и цветы и пошёл к Жанне, хотя знал, что эта встреча может выйти ему боком.

— Как прошла операция? — спросил он, когда она вошла в ординаторскую.

— Хорошо, — неприязненно буркнула девушка и ушла за ширму, чтобы переодеться. — Ну? Что ещё вам нужно? Кроме моего чистосердечного признания, что я враг народа? — сердито спросила она, шурша одеждой, что будило в нём отнюдь не джентльменские чувства.

— Вы не поверите, но я хочу извиниться, — отозвался он.

Когда Жанна вышла, он смерил её восхищённым взглядом. Несмотря на скромную одежду, состоящую из тёмной юбки и простой футболки, выглядела она великолепно.

Рябов напустил на себя виноватый вид.

— Жанна, вы же знаете, что у меня такая работа. Что я мог поделать?

Жанна смерила его взглядом и поневоле смягчилась. Внутреннее чутьё подсказывало ей, что он искренен в своём раскаянии.

— Только это вас и спасает. Думаете, иначе я бы с вами сейчас разговаривала?

— Давайте так, — воодушевился Рябов, — вы не злитесь на меня, а я...

— Ага, сейчас! — перебила его Жанна. — Ваши издевательства вам даром не пройдут. Будете, как положено, кровью искупать свою вину.

— Что? — опешил майор.

— Что, что! — фыркнула Жанна. — У Ксении редкая группа крови. Из всех, кто есть в госпитале, ей подходит только ваша.

— Слава богу! А я уж было подумал, что вы натуральный вампир.

— Кто бы говорил, — вздохнула Жанна и посмотрела на нарядный пакет, стоящий на столе. — Что там у вас? Небось конфеты и шампанское?

— Ну да, — признался Рябов.

— В следующий раз вместо конфет приносите рыбу, — сказала она и у Кирилла учащённо забилось сердце. «Ура! Значит, следующий раз всё же будет!» — по-мальчишески возликовал он.

— Чего это вы сияете как медный таз? — смерила его Жанна подозрительным взглядом и, догадавшись, злорадно, усмехнулась. — Не-а, по-быстрому не получится и не надейтесь. Будете вести осаду по всем правилам, с душевными и финансовыми затратами. Понятно?

— Понятно, — вздохнул Рябов. — Ну а поцелуй хотя бы не возбраняется? — поинтересовался он.

Вместо ответа девушка шагнула к нему и, привстав на цыпочки, сама его поцеловала.

Бельё у неё оказалось чёрного цвета, именно такое нравилось Кириллу.

— Терпеть не могу спонтанный секс, — проворчала Жанна, когда всё закончилось. Не вставая, она пошарила по столу в поисках салфеток, и он подвинул к ней коробку.

Несколько мгновений она смотрела на испачканную салфетку, а затем бросилась в душевую.

— Жанна, что случилось? — встревожился Кирилл, видя, что она долго не выходит.

— Ничего! — девушка так шарахнула дверью, что он едва успел отскочить.

— Жанна, в чём проблема? — забеспокоился он, видя, что она упорно молчит, сидя на диване.

Она подняла на него глаза.

— Рябов, я думала, что ты уже взрослый мальчик и знаешь, что такое презервативы. В общем, имей в виду, если наш перетрах будет иметь последствия, готовься стать отцом-одиночкой.

— Ну а если я предложу тебе руку и сердце? — сдержанно спросил Кирилл.

— Тогда покупай кольцо и вручай как положено, — спокойно ответила Жанна и достала сигареты.

— А как же Белозёрский? — не удержался Рябов от вопроса, что не давал ему покоя.

Она щёлкнула зажигалкой и прямо глянула на него.

— Это моя проблема, тебя она не касается. Не беспокойся, я справлюсь. В конце концов, у вас с ним практически равные шансы. Встреть я тебя раньше, чем его, и тебе вообще было бы не о чем беспокоиться.

«Лжёт», — не поверил живущий в Кирилле контрразведчик. Но человеку свойственно надеяться на лучшее, за исключением совсем уж отъявленных пессимистов, а Рябов пессимистом не был.

ГЛАВА 12. Убийство несостоявшегося Нобелевского лауреата. Знакомство с Василием Пупкиным

«Чёртова прогностика!» — поморщился Андрей, когда обнаружил, что вновь стоит на Невском проспекте опустевшего Питера, причём находится у Аничкова моста, а не в районе Александровского сада как это было в прошлые разы.

Несмотря на сумерки раннего утра, видимость была отличной и ему подумалось, что причиной тому новый чип. И тут до него дошло, что он не ощущает присутствия Слоневского. «Лев Моисеевич?» — позвал он, но учёный не откликнулся.

«Брр! Холодно! — Андрей зябко передёрнул плечами. — Интересно, почему каждый раз меня выбрасывает в будущее ранней весной?» Угрозы в окружающем мире он не чувствовал, но почему-то ему было не спокойно. Неожиданно он понял, что всегда ощущал незримое присутствие Слоневского; более того он был для него такой же опорой, как он сам для сына во время его комы. «М-да, незадача! На этот раз я здесь один, без няньки. Как бы не наломать дров и не застрять здесь навсегда», — мелькнула у него тревожная мысль.

Тем не менее он был полон решимости выяснить, какая именно катастрофа разразилась в мире и из-за чего именно. Впрочем, относительно последнего у него не было сомнений, что затравкой всему послужило изобретение Слоневского.

«Проклятое желе!» — с раздражением подумал Андрей. Затем он вспомнил, что обязан флуорисциту тем, что жив до сих пор, и призадумался. До этого его не интересовало, что представляет собой чип, созданный на основе так называемой тёмной материи, а по сути совершенно неизвестной субстанции, которая по прикидкам учёных составляет больше девяноста процентов вещества Вселенной. Каких-либо внятных предпосылок не было, но отчего-то у него возникло ощущение, что это не просто саморазвивающийся материал, которому суждено заменить собой строительные и прочие материалы.

— Слишком уж у тебя заковыристое происхождение, дружище, — произнёс Андрей вслух, чтобы отогнать ощущение, что он остался один в целом мире. — И да, спасибо, что каждый раз спасал меня, в какой бы жопе мира я ни оказался, — добавил он и замер, ожидая сам не зная чего.

Чуда не случилось: чип не поддержал беседу.

— Ну вот, а мне уж стало казаться, что ты разумен, — пробормотал он и зашагал к квартире Слоневского, которая находилась в начале Невского проспекта. Он привык руководствоваться внутренним компасом и не задавался вопросом, зачем туда идёт.

Около памятника Екатерине Второй по его спине пробежал ледяной холодок — предвестник грядущих неприятностей. К тому же с некоторых пор ему чудилось чьё-то присутствие. Когда периферическое зрение словило странную зелёную вспышку, он резко обернулся. Но сколько он ни вглядывался в быстро редющую предутреннюю мглу, всё напрасно. Вокруг не было ничего живого, за исключением птиц и мелкой живности, в основном, крыс и кошек, что шустрили в поисках пищи.

Андрей зябко передёрнул плечами, хотя ему было не холодно, скорей, наоборот, спина взмокла от напряжения. Он сдёрнул было шлем с головы, но холодный ветер заставил его передумать. «Чёрт! Не зря мама говорила, что ничто так не напугает, как собственное

воображение. Или дело всё же в чипе?» — он сплюнул горечь, скопившуюся во рту, и вновь зашагал по Невскому проспекту. Боковым зрением он ещё несколько раз замечал зелёные вспышки, но больше не обращал на них внимания, решив, что это фокусы нового чипа.

С мокрой спиной он начал вскоре мёрзнуть, поэтому зашагал быстрее, а затем и вовсе перешёл на бег. В общем-то, спешить было ни к чему, но его нервировало запустение, воцарившееся в родном городе.

Отдышавшись перед парадной, ведущей в квартиру Слоневского, он толкнул дверь и взбежал на второй этаж. Слой пыли на лестничной площадке по-прежнему был не тронут, но на этот раз ключи не торчали в замочной скважине.

Ни на что особо не надеясь, Андрей сунул руку в карман, хотя помнил, что отдал ключи сыну. Вопреки ожиданиям, они вновь оказались у него. Он не стал задаваться вопросом откуда они взялись, как и о том, почему для прогулок по постапокалиптическому будущему ему каждый раз выдают солдатскую форму. Воспользовавшись ключами по назначению, он шагнул внутрь квартиры и ощутил, что там кто-то есть. Правда, это не вызвало у него тревоги.

«Видимо, свои», — решил Андрей. Тем не менее он был тёртым калачом и всё же держал оружие наготове. Бесшумно ступая, он толкнул дверь кухни.

Вид Раменской, сидящей за столом, неприятно его удивил. «Чёрт! Что-то интуиция капитально начинает меня подводить», — подумал он, насторожённо глядя на неожиданную гостью.

— Что, Белозёрский, судя по вашей недовольной физиономии, вы не ожидали меня здесь увидеть, — усмехнулась она.

— Верно, — признался Андрей. Отправив автомат за спину, он отодвинул стул и сел напротив. — Как вы здесь оказались? — требовательно спросил он.

— Вас же не удивляет присутствие моего мужа в ваших видениях, так отчего вы удивляетесь мне? В конце концов, у нас с ним равные права на изобретение флуорисцита.

— С чего вдруг? Конечно, если речь не о совместно нажитом.

— Нет, не о нём. Я равноправный партнёр по созданию флуорисцита... — на лице Раменской промелькнула досада. — Вообще-то, как химику, идея принадлежит мне, а Лев больше по технической части, но я не умаляю его вклад. Без его участия флуорисцит вряд ли был бы создан.

— А Слоневский с вами согласен?

Раменская пожала плечами.

— Мне всё равно. Я знаю себе цену.

— Значит, нет, — резюмировал Андрей и смерил её взглядом. Чутьё говорило ему, что она не лжёт. — Скажите, в той тетрадке, что нашёл отец Слоневского, химические формулы принадлежали вам? — что-то надоумило его спросить.

— Да, — ответила Раменская. — К тому времени меня уже упекли в сумасшедший дом, — она грустно улыбнулась. — Окружающие посчитали, что мои бредни о тёмной материи уже выходят за рамки здравого смысла. Возможно, пиши я фантастические романы, мне бы сошло это с рук, но тогда графомания ещё не настолько была распространена. В общем, если бы не Лев, я действительно сошла бы с ума. Это он вытащил меня из Кашенко.

«И всё же вред был уже нанесён», — подумалось Андрею.

— Вам жаль меня? — догадалась Раменская и скривила губы. — Терпеть не могу, когда меня жалеют. И вам это тоже не сойдёт с рук. Думаю, вы уже догадались, что я мстительна.

Я никогда не прощаю тех, кто переходит мне дорогу. И не важно сделано это осознанно или по недомыслию.

— Чем же я перешёл вам дорогу? — поинтересовался Андрей.

— Вы покусились на самое дорогое, что есть у меня. Вы хотите отобрать у меня дочь.

Он смерил собеседницу долгим взглядом.

— Странная у вас любовь. Вам плевать, что Жанна может погибнуть в зоне СВО, но вы ревнуете её к мужчине.

— Любовь, вообще, странное чувство, — парировала Раменская. — К тому же, что бы вы ни думали, я не диктатор. Дочь свободна в своих поступках. Просто я знаю, что с вами она будет несчастна, и хочу уберечь её от ошибки.

— Я уже вам говорил, что нам не быть вместе.

— Вопрос в том, можно ли вам верить.

Андрей заколебался, а потом всё же сказал:

— Это обещание я дал не вам, а мирозданию, поэтому можете не переживать.

— Мирозданию? — переспросила Раменская и сухо рассмеялась. — Думаете, я куплюсь на такие глупости?

— Для вас глупости, для меня реальность, с которой нужно считаться, — сдержанно проговорил Андрей.

Раменская с любопытством посмотрела на него.

— Вы это серьёзно?

— Серьёзней некуда, — ответил Андрей. — И давайте закроем эту тему. Я не собираюсь выслушивать ваши измышления. — Он помолчал. — Людям кажется, что мирозданию на них наплевать, поэтому можно творить, что угодно. Но это не так. Мы все в одной лодке под названием «Земля». Если кто-то из идиотов начинает её слишком сильно раскачивать, беда грозит всем. Вот вы и ваш муж хоть на минуту задумались, к чему может привести ваше открытие?

— Кто не рискует, тот не пьёт шампанское.

— С кем вы собираетесь пить шампанское, если на планете никого не останется? — спросил Андрей и с удивлением посмотрел на Раменскую: — Разве Слоневский вам не сказал, в каком направлении развиваются события?

— Чушь! — уверенно проговорила она. — Если вас послушать, то учёных нужно сжигать на кострах, чтобы они не смели делать никаких открытий.

— Это было бы самое умное со стороны человечества. А то все боятся всякого рода диктатур, хотя они, как правило, временное явление, а так называемый прогресс принимают на «ура», и он идёт непрерывно. При этом редко кому приходит в голову, что даром ничего не даётся. Экологический баланс на планете, благодаря которому мы существуем, это шагреновая кожа, и с каждым вмешательством в естественный ход вещей она уменьшается. Мы рубим сук, на котором сидим. Но даже те, кто это понимает, не в силах остановиться.

Раменская презрительно фыркнула.

— Прогресс не остановить.

— В том и проблема, — ответил Андрей. — Пока изменения не столь критичны, хотя горы химикатов и радиоактивные отходы уже сожрали немало жизней. Но флуорисцит станет последней каплей.

— Плевать! — нетерпеливо воскликнула Раменская. — Я должна получить мировое признание, и я его получу. Нобелевская премия мне точно светит.

— Это всё, что вас заботит? — недоверчиво спросил Андрей и она засмеялась.

— Да, мой милый наивный мальчик! Это всё, чего я хочу. Сомневаешься? Зря! Такие, как я, не лгут... — она сделала паузу и ядовито добавила: — Когда в этом нет особой нужды. Скоро ты будешь мертвее мёртвого, так какой смысл лгать?

— Абсолютно никакого, — подтвердил Андрей и, метнувшись к Раменской, молниеносным движением свернул ей шею.

Она так и умерла с презрительной улыбкой на губах.

Прогностика сменилась реальностью, и Андрей с трудом разлепил глаза. Судя по тому, что хватчики не обращали на него внимания и о чём-то озабоченно переговаривались, у них произошло нечто экстраординарное. Наконец врач-азиат заметил, что он пришёл в сознание, и сказал об этом старшему группы.

Хоук глянул на пленника, и они вдвоём подошли к нему.

— What is his condition?

— Satisfactory.

— Headache, — пожаловался Андрей.

— Говорите по-английски? — поинтересовался Хоук, заложив руки за спину.

— Ага, говорю, — подтвердил Андрей. — А что делать? Вы же своим языком засрали весь мир.

— Зато ваш скоро вымрет, — спокойно парировал американец.

— Не дождётесь.

— Дождёмся.

— Мечтать не вредно.

— Вот именно. Особенно, когда мечты осуществляются.

Виду Андрей не показал, но уверенный тон американца его покорило, причём настолько, что он с трудом подавил всколыхнувшееся раздражение. «Чёрт побери нашу пропаганду! Вот как нужно работать! Чтобы не только дураки, но и умники верили, что их государство — лучшее в мире», — с досадой подумал он.

— Не расстраивайтесь, мистер Белозёрский, — угадал его мысли Хоук — Америка была, есть и будет великой страной, а вот ваша — это ещё большой вопрос. Впрочем, нет никакого вопроса. России больше не быть великой державой.

Выведенный из себя Андрей скрипнул зубами.

— Понятно. Пойдёте на любые подлости, но не дадите нам подняться.

— В политике нет подлых методов, есть только удачные и неудачные решения по подавлению противника. Понимаю ваше возмущение, но расслабляться нельзя, даже если он уже повержен и перешёл в разряд потенциальных, — у Хоука слегка дрогнули уголки губ. — Я тут ознакомился с вашим *чрезвычайно* секретным досье и, знаете, я впечатлён. Столько успешно проведённых операций, как у вас, нет ни у кого, кто занимается подобного рода деятельностью. Так что я не ожидал, что вы настолько наивны во взглядах на жизнь. Тем не менее имейте в виду, что у нас и для вас найдётся место. И хотя миссис Раменская, перед тем как скоропостижно скончаться, поведала нам, что ваша удача — это результат вживлённого чипа, лично мне всё равно. Вы полезны, значит, вы нам подходите.

— И во сколько вы оцениваете мою голову?

— Не беспокойтесь. На жизнь вам точно хватит и даже останется.

Андрей сделал вид, что раздумывает.

— Нет, не пойдёт. Вы тоже заставите меня убивать, а мне это уже опостылело.

Цэрэушник усмехнулся.

— Вы рассчитываете на протекцию Лапочкина, но не учитываете степень его уязвимости.

— Думаете, можно манипулировать им при помощи семьи? Вы ошибаетесь. Он из старых кадров и, следовательно, на первом месте у него интересы государства.

— Вы, русские, слишком много говорите о преданности родине, а на деле предаёте её каждом шагу. Мистер Белозёрский, откройте глаза, ваши ровесники, не колеблясь, торгуют ею оптом и в розницу. Ну а Лапочкин просто раб взрастившей его системы...

— Тсс! — Андрей поднял руку, призывая оппонента к молчанию. — Вы не против, если Михаил Николаевич присоединится к нашей беседе?

— Что? — Хоук резко развернулся и тут в бок ему упёрлось дуло пистолета.

Врач-азиат, от чьих гражданских повадок не осталось и следа, бросил на него выразительный взгляд.

— Без глупостей! — предупредил он и вежливо добавил: — Агент Хоук, давай обойдёмся без лишних телодвижений. Стрелять не имеет смысла. Дом окружён, вам не прорваться.

И в самом деле, подвальное помещение, служившее Раменской прозекторской, бесшумно заполняли бойцы, в которых Хоук опознал элитный российский спецназ. Сопротивляться не имело смысла и он, выругавшись, отдал приказ не стрелять.

— Не расстраивайтесь, Джон, — похлопал его по плечу подошедший Лапочкин. — У вас не было ни единого шанса на успех. Так что давайте найдём более подходящую обстановку и немного побеседуем.

Перед уходом он бегло глянул на Андрея, лежащего на прозекторском столе, и кивнул оперативнику, исполнившему роль врача.

— Если требуется, окажите ему помощь и отправьте домой, — распорядился он.

— Так точно, товарищ генерал!

Когда они остались наедине, оперативник с бесстрастной миной на лице вколол Андрею лекарство и тот, спустя пятнадцать минут, почувствовал себя значительно лучше.

— Так ты действительно врач? — не выдержал он, видя, что оперативник упорно молчит.

— Я и есть врач, — последовал невозмутимый ответ.

— Ври больше, — не поверил Андрей и оперативник бросил на него насмешливый взгляд.

— А ты слышал, что талантливые люди талантливы во многом? — сказал он снисходительным тоном.

— Понятно. В команде Лапочкина, как и следовало ожидать, обретаются одни вундеркинды. — Андрей сел и окинул его придирчивым взглядом. — Всё равно врёшь. Самое большее тебе двадцать два, а врач — серьёзная профессия, там опыт нужен, которого у тебя в силу возраста с гулькин нос.

Оперативник ухмыльнулся.

— У меня папа хирург, так что я с младых ногтей в профессии, — сообщил он доверительным тоном.

— А мама не иначе как актриса, — поддел его Андрей и добавил: — Это объясняет твои таланты. Даже я купился, решив, что ты гражданский.

— Вообще-то, ты угадал. Моя мама действительно играет в театре, — оперативник тепло улыбнулся. — Театр крошечный, народу в него ходит мало, но она очень гордится тем, что она актриса.

— Да? — Андрей пошевелил пальцами ног. Онемение, к его облегчению, прошло и он встал. — И как тебя звать-величать, богемное дитя со склонностью к садизму? — поинтересовался он.

— Василий Пупкин, — ухмыльнулся оперативник и он бросил на него укоризненный взгляд.

— Тебя в детстве не учили, что врать нехорошо?

— Учили, — с грустью признался мнимый Васька Пупкин. — Но я патологический лгун, вот меня и попёрли из медицинского. Видите ли, я слишком драматизирую, ставя диагнозы, отчего пациенты либо впадают в депрессию, либо не воспринимают их серьёзно. Хорошо, что Михаил Николаевич разглядел мои таланты и пристроил к делу. — Он протянул руку. — Вообще-то, я Эльдар Рязанов.

Андрей тряхнул его ладонь.

— Вот что ты всё время врешь? Самому не надоело?

— Ей-богу! Это мои настоящие имя и фамилия, — сказал парень и состроил печальную физиономию. — Знаю, знаю! Можешь не приводить мне дурацкую байку про глупого мальчишку-пастуха и волков.

— Ладно, выдай мне что-нибудь из шмоток, а то мне уже начинает казаться, что больничная рубашка скоро станет моей повседневной одеждой.

Пупкин-Рязанов развёл руками.

— Где я тебе её возьму? Я же не бутик с одеждой.

— Надо же, а я так надеялся, — съязвил Андрей и направился к ближайшему шкафу.

Когда он выдвинул ящик, Пупкин-Рязанов сдавленно хрюкнул. Это оказался холодильник, предназначенный для трупов.

ГЛАВА 13. Вам и не снилось. Оружие массового поражения. Завещание

В поисках одежды Андрей поднялся наверх, в жилую часть дома. При этом Пупкин-Рязанов неотступно следовал за ним.

— Кстати, что случилось с Раменской? — спросил он сопровождающего.

— Сердечный приступ. Так бывает. Человек вполне нормально себя чувствует, а затем несколько мгновений и нет его.

— Неужели не смогли откачать?

— Она была в своей комнате. Когда обнаружили, было уже поздно.

— Понятно. А где Слоневский?

Пупкин-Рязанов пожал плечами.

— Последний раз, когда его видел, он сидел рядом с ней и плакал.

— Чёрт! Где он?

— Вторая комната по коридору. Да ты не переживай, за ним присматривают.

— Ну хоть на это у вас хватило ума, — успокоился Андрей, но всё же ускорил шаг.

За несколько шагов до комнаты, где находился убитый горем Слоневский, он остановился. Внезапный выброс адреналина сказал ему, что там кроется опасность. Он повернулся к спутнику и, призывая его к осторожности, прижал палец к губам.

Пупкин-Рязанов отреагировал мгновенно. Насмешник-мальчишка, вышедший было на первый план, вновь уступил место опытному оперативнику. Знаками он показал, чтобы Андрей держался в стороне и, нацепив на лицо серьёзно-доброжелательную мину, застегнул врачебный халат, который по-прежнему был на нём, а затем взялся за ручку двери.

— Лев Моисеевич, я хотел спросить...

Автоматная очередь не застала его врасплох, и Андрей позавидовал скорости, с которой оперативник ушёл из-под обстрела. «Что будем делать?» — спросил он взглядом. «Уходим», — показал Пупкин-Рязанов.

— Почему? — спросил Андрей вполголоса.

На лице оперативника появилось жёсткое выражение.

— Внутри тот, кто знает меня. А кто я такой, знают только наши.

— Понятно, — кивнул Андрей. — Предательство.

— Да, — хмуро отозвался оперативник и добавил: — Я пойду разведу обстановку, а ты жди моего возвращения.

— Хорошо.

Когда он ушёл, Андрей прислушался к себе. Удостоверившись, что чувство опасности действительно ослабло, он распахнул дверь и на всякий случай отскочил к стене.

— Лев Моисеевич! Это я, Белозёрский! Пожалуйста, впустите меня! Даю честное слово что я один и у меня нет оружия... Лев Моисеевич! Можно я войду?

— Входите, — глухо отозвался Слоневский.

Когда Андрей с поднятыми руками просочился внутрь комнаты, он смерил его долгим взглядом.

— Согласен, печальное зрелище, но вы не бойтесь, я не свихнулся, — проговорил он всё тем же замогильным голосом.

«Очень на то надеюсь», — подумал Андрей и, опустив руки, быстро глянул по сторонам. Судя по обстановке, это была хозяйская спальня. Просторная, светлая, обставленная вычурной старинной мебелью, она была сродни царским покоям. Раменная лежала на кровати, полускрытая голубым пологом из плотного муарового шёлка, Слоневский сидел на полосатом диванчике, стоящим неподалёку. При этом он выглядел так, будто из него выкачали массу крови и вместе с ней забрали его жизненную энергию.

Вопреки словам Пупкина-Рязанова, тех, кто должен был присматривать за ним, здесь не было — ни живьём, ни трупов. Взгляд Андрея скользнул по короткой толстой трубке в руках Слоневского.

— Тех, кто стрелял, больше нет. Как говорится, прах к праху, — сказал Слоневский с холодным смешком и похлопал ладонью по соседству с собой. — Присаживайтесь, мой юный друг. Давайте побеседуем, пока есть время.

— Лев Моисеевич, не нужно отчаиваться. — Андрей собрался с духом. — Не знаю, как это вышло, но, кажется, я убил Марианну.

Слоневский выслушал его рассказ.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Если хотите, можете сами посмотреть, её шея в полном порядке. Она умерла от удушья, — по его лицу скользнула тень странной улыбки. — Это я убил Марианну, а не вы. Убил при помощи акупунктуры, чтобы на её теле не осталось следов. Хотел, чтобы она была красивой даже после смерти.

С души Андрея будто упал тяжёлый камень. Одно дело убить по приказу и совсем другое дело убить по собственному почину. К тому же Марианна действительно ему нравилась, несмотря на все её заскоки и психические отклонения.

Слоневский подался вперёд и по-стариковски сторбился. Заметив интерес Андрея к необычному оружию, он протянул ему трубку.

— Держите, это мой вам подарок.

— Спасибо. А что это такое?

— Аннигилятор. Думаю, с управлением сами разберётесь, там всё просто. Мы использовали его для уборки мусора. Оказалось, что он годится и для уборки биологического мусора.

— Классная вещь! — Андрей вопросительно посмотрел на Слоневского. — Лев Моисеевич, вы можете рассказать, что произошло?

— Могу, — отозвался Слоневский. — Только это длинная история. Хотите послушать?

— Да, — неуверенно кивнул Андрей.

— Хорошо, — глаза Слоневского сверкнули прежним озорством. — Воспитанные люди вынуждены страдать из-за своей вежливости. Но вы не переживайте, мой юный друг, я постараюсь быть предельно кратким. Обычно я не болтлив, но сегодня отчего-то тянет вспомнить былое. Так что уж потерпите немного. К тому же я не хочу, чтобы вы плохо думали о нас с Марианной.

Он призадумался.

— Пожалуй, стоит начать с того, что мы встретились, когда нам не было ещё пятнадцати. Понимаю, это тот возраст, когда эмоции, подстёгиваемые гормонами, хлещут через край. Но кому повезло любить, тот никогда не перепутает это чувство с сексуальным влечением.

Марианна была новенькой в нашей школе. На большой перемене она вышла из параллельного класса. Тогда-то я её и увидел. А увидев, замер не в силах отвести от неё глаз.

Тоненькая, с сияющим ореолом вокруг головы девочка показалась мне ангелом, спустившимся с небес. Конечно, стечение обстоятельств, но так случилось, что она стояла у окна и в это время солнце вышло из-за туч. Я не полностью видел её лицо, лишь часть нежной щеки, очерченной солнечным светом, но уже знал, что она — моя судьба.

Взгляд Слоневского ускользнул в прошлое, и оно стёрло с его лица отстранённое выражение, его глаза заблестели, и он оживился.

— Марианна не замечала, что я на неё смотрю, до тех пор, пока ржание окружающих не привлекло её внимание. Поначалу она рассердилась, я это понял по тому, как она хмурилась и сжимала кулачки, ища обидчиков. А затем мы встретились глазами и тогда случилось чудо.

Я знаю, она с первого взгляда полюбила меня. Мы оба полюбили с первого взгляда. Это было так чудесно!.. До сих пор помню, с какой сумасшедшей скоростью колотилось моё сердце, когда Марианна подошла ко мне. Она шла с таким решительным видом, что я ожидал чего угодно: выговора, слёз, даже пощёчины, но никак не поцелуя.

Обнявшись, мы стояли у всех на виду и нам не было дела ни до смеха, ни до издевательских реплик кривляющейся школоты.

Целый год мы были счастливы, несмотря на систематические проработки в учительской и нудные беседы с психологом, к которому нас заставляли ходить.

Надо сказать, что наши родители проявили больше мудрости. Они старались не вмешиваться в наши отношения. Правда, до поры до времени. Поскольку наша любовь была не только платонической и по молодости лет мы часто не предохранялись, то в шестнадцать Марианна забеременела. Вот тогда родители взялись за нас всерьёз. Всеми правдами и неправдами отец заставил её сделать аборт. И если бы только это. Сначала нас развели по разным школам и запретили встречаться. Конечно, запрет не подействовал, и тогда родители Марианны внезапно уехали, забрав её с собой. Господи! Что со мной творилось, не передать словами. Я даже не подозревал, что разлука с Марианной так на меня подействует. Поначалу я орал и метался по комнате, а затем целыми днями лежал пластом и, уставившись в потолок, обдумывал способы самоубийства. Но сколь бы ни было велико отчаяние, я ни разу не довёл дело до конца. Стоило представить, как я корчусь в предсмертных муках, и всё, моя решимость напрочь иссякала, какими бы словами я себя ни обзывал.

Не знаю, чем бы всё кончилось, если бы не наше общее с Марианной увлечение. На первом же свидании мы выяснили, что страстно любим фантастику, особенно нас завораживала тёмная материя.

Как-то раз Марианна высказала интересное предположение, как проверить, действительно ли существует таинственная субстанция или это всё бредни. И мы взялись за дело. А когда поняли, что нам не хватает знаний, взялись за учёбу. Каждую свободную минутку мы читали всё, что могли найти по интересующим нас темам. Сам диву даюсь, с какой лёгкостью в то время мы постигали науки, на изучение которых у других уходят годы, если не целые десятилетия. Конечно, поначалу мы уперлись в тупик, но затем нащупали верный путь.

В общем, когда у меня забрали Марианну, я, чтобы не сойти с ума, продолжил наши изыскания. Примерно через год отец сказал, что нашёл новую работу и перевёз нас с мамой в Петербург. Когда я был в выпускном классе, он обнаружил нашу тетрадь с записями и меня

поселили в академгородке.

Всё это время я даже не подозревал, что Марианна совсем рядом.

Однажды, выйдя проветрить голову, я сидел на скамейке в парке и случайно услышал разговор. Двое парней, стоящих поблизости, обсуждали достоинства девчонки, которая чуть было не покончила с собой. Как вскоре выяснилось, девушка была пациенткой Кащенко и, на своё несчастье, слишком красива, поэтому какие-то подонки периодически подкупали персонал и таскали её в злачные места. Я бы в жизни не подумал, что это моя Марианна, если бы один из них не упомянул о татуировке на её теле. В той, счастливой жизни, мы однажды увидели салон, где работал татуировщик, и решили сделать себе парные татуировки. Марианне набили звёздочки ковша Малой, а мне Большой Медведицы, и к ним надпись: «Душа и сердце на двоих». Это действительно было так, мы поклялись никогда не разлучаться и умереть в один день. «Если нас вдруг разлучат, я покончу с собой. Не хочу быть без тебя ни дня, ни часа, ни даже мгновенья. А ты?» — спросила Марианна, глядя на меня. Я испугался серьёзности её настроения и начал отговаривать, мол, сейчас не Средневековье, а мы не Ромео и Джульетта. Даже если нас разлучат, то мы, став взрослыми, будем сами решать свою судьбу. Тогда Марианна засмеялась и сказала, что, если я такой трусишка, то она оставляет на моё усмотрение жить или умереть, а лично она колебаться не будет. Затем она поцеловала меня и добавила: «И всё же, умри, если сможешь. Тогда мне не придётся превращаться в призрака, ожидая, когда ты соизволишь присоединиться ко мне».

Всё же люди — равнодушные твари, которым плевать на страдания незнакомых им людей. Вот и мне не было никакого дела до какой-то сумасшедшей девчонки, над которой издевались и насиловали. Но стоило мне узнать, что это Марианна, и я слетел с катушек. Когда подросла полиция, я успел так измолотить парней, что было просто чудом, что я никого из них не убил.

— Если она была нормальной, то почему её отправили в Кащенко? — спросил Андрей.

Слоневский глянул на него и грустно улыбнулся.

— Виной тому наследственность Марианны. Сами понимаете, такая красота и ум не возникают на пустом месте. Это результат многовековой селекции и близкородственных связей. Думаю, вы знаете, что вырождение — бич знатных семейств. Психика Марианны не выдержала испытаний, и она сорвалась. Станислав Раменский, отец Марианны, возглавлял психиатрическое отделение в Кащенко. Естественно, под его присмотром никто не посмел бы её тронуть, но случилась беда. Его хватил удар, и он скоропостижно скончался. Мать Марианны вскоре выскочила замуж и уехала за границу. Накануне они сильно поругались, и она оставила дочь в лечебнице. Впоследствии она плакала и божилась, что на этом настоял близкий друг семьи, который занял в Кащенко место Станислава Раменского, мол, она была уверена, что с ней всё будет хорошо. Действительно, она переписала квартиру на этого подлеца с тем условием, что впоследствии он передаст её Марианне.

Выручить её из-за течения мне помог ваш бывший тесть. К тому времени наша семья подружилась с семьёй Лапочкиных. Михаил был старше меня почти на пятнадцать лет, но это не мешало нашей с ним дружбе. К тому же я знал, что он работает на Лубянке, потому бросился к нему за помощью, как только полиция меня отпустила. Впрочем, тогда была не полиция, а милиция, но это не важно.

С помощью Михаила я в тот же день прорвался к ней. Это было печальное зрелище. Марианна меня не узнала. С отсутствующим видом она бродила по палате и что-то бормотала. Когда я прислушался, то понял, что она повторяет одну и ту же фразу. Так

длилось минут десять. Я стоял, не зная, что делать, а она с видом умалишённой бродила из угла в угол и монотонно твердила: «Умри, если сможешь. Умри, если сможешь, Умри, если сможешь...», а потом вдруг выкрикнула: «Я не могу! Понимаешь? Я хочу жить!» и начала биться головой о стену, тогда санитары скрутили её и привязали к койке. Моя бедная девочка! — на глазах Слоневского показались слёзы. — Она так плакала и молила её пощадить. Даже пыталась целовать им руки. И это моя гордая Марианна, которая ни перед кем не склоняла головы! Моё сердце просто разрывалось на части. Я отпихивал санитаров и кричал, чтобы они её не трогали, но тут вмешался Михаил. Скрутив, он вытолкнул меня из палаты.

Конечно же, первым делом я забрал Марианну из того кошмарного места. Михаил предлагал отправить её за границу и обещал устроить в лучшую клинику, но я твёрдо стоял на своём. Тогда он нашёл опытного психиатра, который сумел выправить положение настолько, что Марианну спустя год признали вменяемой. Мы поженились и у нас родилась Жанна. Правда, психиатр не рекомендовал нам заводить детей, но она, как всегда, не послушалась и поступила по-своему. Потом было несколько рецидивов, но Дамир, это наш чудо-психиатр, сумел их вовремя купировать. Я пытался привлечь Марианну к нашей прежней научной работе, но она потеряла к ней интерес и выбрала стезю хирурга. В больницах, где она практиковала, она была на хорошем счету, пока ни замечали, что, при всей виртуозности отдельных операций, у неё слишком высокий процент потерь среди пациентов. Мне думается, Жанна знала, что она творит, и выбрала свою профессию из-за чувства вины.

«Чёрт! Где носит этого Пупкина-Рязанова?» — с досадой подумал Андрей.

— Лев Моисеевич, боюсь, у нас мало времени, — решился он вмешаться в исповедь учёного.

— Извините, — Слоневский виновато улыбнулся. — Я забыл, что вы из другого, более практичного поколения. Да и кому она интересна, чужая жизнь?

— Я не это хотел сказать...

— Бросьте! Я всё понимаю. Мои воспоминания для вас, как семейные альбомы родственников. Когда они умирают, их наследники считают своим долгом всучить их нам. Отказаться неудобно и мы, помимо нашего желания, вынуждены их брать, хотя осколки прошлого, запечатлённые на фотографиях, не имеют для нас никакого значения.

Рассказ Слоневского приоткрыл его натуру, и Андрей насторожился.

— Лев Моисеевич! — воскликнул он, догадавшись, что задумал учёный.

— Вы же не думаете, что я оставлю её одну? — Слоневский покачал головой. — Не нужно, я уже принял яд. Давайте поговорим по делу, вдруг он подействует быстрее, чем я рассчитываю.

Андрей кивнул. На душе у него скребли кошки. Весть о скорой кончине Слоневского всё изменила. Они были мало знакомы и тем не менее у него было ощущение, что он теряет друга. Слишком многое их связывало, к тому же его тронула исповедь этого незаурядного человека.

«Куда только смотрел Лапочкин! Ведь они друзья, и он должен был предугадать, к чему это может привести», — расстроено подумал он.

Слоневский почувствовал его настроение.

— Не нужно хмуриться! Когда уходят старики, это правильно. Таков закон природы. Неправильно, когда вы, дети, нас опережаете, — сказал он и дружеским жестом коснулся

его колена. — Андрей, я на вас рассчитываю, так что берегите себя. Я это говорю, потому что не знаю, как поведёт себя новый чип. Не особо рассчитывайте на удачу. Возможно, что с первым чипом вам просто повезло.

По его лицу пробежала тень.

— Теперь о главном. Конечно же, мы работали над применением флуорисцита в военных целях. Когда имеешь дело с министерством обороны, иначе быть не может. Как мог, я увиливал от этой задачи, но меня припёрли к стенке. Программу грозились прикрыть, и я дал слабинку.

— Это хуже атомной бомбы? — спросил Андрей, уже заранее зная, что ответ ему не понравится.

— Да, хуже. Значительно хуже. При определённой массе кронос-флуорисцит способен уничтожить Землю целиком. Одно утешает, что опытные образцы очень малы и их немного, а все расчёты я держал в голове. Поэтому у меня просьба, постарайтесь найти их и все уничтожить, чтобы какой-нибудь гениальный дурак не продолжил моё дело. Хорошо?

— Хорошо, Лев Моисеевич. Я сделаю всё, что в моих силах. Единственно, где мне искать этот чёртов кронос-флуорисцит?

— К сожалению, Марианна успела передать образцы американцам, но я предвидел такое развитие событий и в вашем чипе есть устройство, которое поможет определить их местонахождение. Правда, у него ограниченный радиус действия, где-то в районе шести километров.

— Этого достаточно, — сказал Андрей, припомнив как его альтер-эго из будущего засёк и уничтожил образец на американской базе в Молдавии. — А в чём выражается действие кронос-флуорисцита?

— До конца я сам не понимаю. Дело в том, что кронос-флуорисцит найден опытным путём. Если убрать позитронную оболочку, идёт бурная реакция, с высвобождением огромного количества энергии. На мой взгляд, это сродни аннигиляции, возникающей при соприкосновении с антивеществом. Но так ли это, я не успел разобраться. Преимущество в том, что это «чистая» бомба. При взрыве не остаётся ничего, в отличие от ядерных зарядов. Значит, не нужно ждать, когда снизится уровень радиации на землях, подвергшихся бомбардировке. Это же голубая мечта современных милитаристов — массовое уничтожение живой силы противника, а в качестве приза свободные территории, которые можно осваивать по своему усмотрению. Конечно, убить всё население страны невозможно, но жалкие остатки не в счёт. Да и кто-то ведь должен пожаловаться в ООН, чтобы это собрание хищников могло соблюсти видимость справедливого возмездия, то есть погрозить агрессору пальцем и сказать, что так поступать нехорошо.

Андрей с тревогой глянул на Слоневского; судя по его отрешённому взгляду, дело шло к печальной развязке.

— Вот зачем вы это сделали? — не выдержал он. — Ведь вы же величайший учёный всех времён и народов. На вашем фоне даже Эйнштейн как-то измельчал. Приручить тёмную материю — это же деяние, которое нельзя оценить никакими Нобелевскими премиями. Да убей вы всех вокруг, вас бы всё равно оправдали. Слушайте, ведь у вашего яда наверняка есть противоядие!

Взгляд Слоневского вернулся из неведомого далёка, и он слегка улыбнулся, глядя, как Андрей мечется по комнате в поисках несуществующего противоядия.

— Не нужно, мой друг! Я сознательно выбрал этот путь. В последнее время Марианне

становилось всё хуже и хуже. Я боялся, что в приступе помешательства она навредит дочери. К тому же вряд ли Михаилу удастся нас выгородить. Предательство есть предательство. А тюрьма для Марианны — это возвращение старого кошмара. Она не выдержала бы заключения, а без неё мне всё равно нет жизни. А так мы уйдём вместе, как и обещали друг другу.

— Но вы же никого не предавали! Это я вас обманул, сказав, что вас ждёт Марианна Станиславовна! — воскликнул Пупкин-Рязанов, возникший в дверях.

Нешуточное отчаяние в его голосе сказало Андрею, что он принимает судьбу Слоневского близко к сердцу.

— Юра, не будь ребёнком, — устало отозвался Слоневский. — Сам-то веришь, что мне удастся доказать свою непричастность? И вообще, давай заканчивай свои шпионские игры и возвращайся в науку. У тебя талант, но время идёт, и однажды ты пожалеешь, что потратил его на детское увлечение. Все эти «пиф-паф!» не твоё.

— Дядя Лёва! Вот зачем вы так? Клянусь, я бы сделал всё, чтобы вас не осудили! Если нужно, я бы взял вину на себя.

Подойдя к Слоневскому, Юрий сел рядом с ним, а затем обнял. Видя, что его плечи вздрогнули от сдерживаемого плача, Андрей отвёл глаза, а затем вышел за дверь, давая им возможность попрощаться.

ГЛАВА 13. Битва на невидимом фронте. Дружба и Любовь, которая с большой буквы

Хоука увели и Лапочкин, оставшись один, потянулся к сигаретам. Разговор с американцем вышел долгим и был полон взаимных угроз. Настроение после него у матёрого контрразведчика было препаршивым, и это ещё мягко сказано.

Несмотря на разгром вражеской агентурной сети и пленение агента, который был далеко не последним в иерархии ЦРУ, Лапочкин чувствовал себя проигравшей стороной. В общем-то, так оно и было. Хоук, имеющий за спиной мощь первого государства в мире, переиграл его по всем статьям.

«Вот ведь сволочь! — в сердцах он стукнул кулаком по столу. — Нет, чтобы радоваться, что остался жив, так нет! Он ещё имел наглость требовать с меня ответ за свою завербованную подстилку. Я тоже хорош! Вместо того, чтобы устроить Хоуку со товарищи допрос с пристрастием, я тут с ними нянчился полдня. А всё эти трусливые слизни! Забегали тут, затрзвонили, с воплями: «Ах, как бы чего не вышло!» Видите ли, у нас сложная международная обстановка, и мы должны быть осторожными. Вдруг Америка обидится и окончательно прекроет нам кислород. Как будто они уже этого не сделали. Трясётесь за свои капиталы? Так нехрен держать их на стороне. А то всё боятся, что вернутся времена СССР. Не вернутся! Если не будете держать народ в чёрном теле. Вот как так можно управлять страной, что уже разбегаются не только те, кто хоть что-то имеет за душой, но даже гастарбайтеры! Сидят со скучающими мордами на заседаниях правительства и их пустые зенки оживляются лишь при виде декольте соседки».

Прилив гнева вызвал тахикардию и Лапочкин полез в стол за таблетками. Приняв лекарство, он взял сигареты и подошёл к окну. Уже стемнело и внутренний двор «Большого дома» был ярко освещён.

Сигаретный дым и знакомый вид немного притушили его раздражение. «Ладно, где наша не пропадала! Пережили развал СССР, переживём и этот холуйский период. Да и молодая кровь уже потихоньку пробивается во власть. Главное, поддержать их на этом пути...»

— Кто там? — спросил он, услышав стук.

Дверь открылась и на пороге возник Рябов.

— Разрешите, Михаил Николаевич?

— Заходи, — кивнул Лапочкин.

Он затушил сигарету в незамысловатой металлической пепельнице, которая была родом из советских времён, и направился к столу.

— Что у тебя? — спросил он, опустившись в кресло.

Рябов сел поблизости и, сложив перед собой руки, тяжело вздохнул.

— К сожалению, я с плохими новостями. Слоневский тоже мёртв. Он принял яд.

— Проклятье! — Лапочкин прикрыл глаза, переживая очередное поражение. — Почему не досмотрели? — гневно спросил он.

Рябов снова вздохнул, но не стал напоминать генералу, что он хотел обыскать Слоневского после смерти жены, но тот сам ему не разрешил.

— В довершение ко всему, Леднев и Громов оказались предателями. Правда, Слоневский их утилизировал, при помощи аннигилятора, — сказал он вместо оправданий.

— Ещё лучше! — буркнул Лапочкин и требовательно глянул на майора. — Запустил проверку?

— Так точно! — отозвался Рябов и, помедлив, спросил: — А что теперь будет с Жанной Слоневской?

— Ничего хорошего для тебя. Даже если выяснится, что она непричастна к афере матери, тебе запрещено приближаться к ней.

— Михаил Николаевич!

— Молчать! Я не дам тебе загубить карьеру.

— Тогда я уйду из органов, — решительно заявил Рябов.

— Ты и так уйдёшь из ФСБ. Хватит с нас одного кагэбэшника в президентах.

Рябов непонимающе хлопнул глазами.

— Вы это о чём?

— О том самом, мой мальчик, о том самом, — процедил Лапочкин, иронично глядя на него. — Будем растить из тебя первое лицо государства, так что готовься к трудным временам.

Подозревая, что его разыгрывают, Рябов недоверчиво усмехнулся.

— Полковник в президентах ещё куда ни шло, но чтобы майор — это уже из разряда фантастики, — заметил он прохладным тоном.

— Ничего-ничего! Раньше у нас кто только ни стоял у руля государства, даже комбайнёр. Правда, впоследствии мы об этом сильно пожалели.

— Но с чего вдруг я?

— Откуда мне знать? — фыркнул Лапочкин. — С этим вопросом обращайся к Белозёрскому. Это он у нас провидец. Теперь о насущных делах, — он вновь потянулся к сигаретам. — Хоука и его банду придётся отпустить.

— Просто так? Ничего не получив взамен? — возмутился Рябов.

— Именно. И даже больше. Нам придётся передать американцам технологию получения флуорисцита.

— Суки!.. Простите, товарищ генерал, не сдержался.

— Верно, суки, — согласился Лапочкин и затянулся сигаретой. — Надеюсь, ты сможешь переломить ситуацию в нашу пользу, когда войдёшь во власть.

— Д-да, — с сомнением отозвался будущий глава России.

— Ну а сейчас будь добр, проследи, чтобы в срочном порядке эвакуировали госпиталь. Думаю, как только американцы получают документацию по флуорисциту, он тут же взлетит на воздух.

— Сделаю. Разрешите идти?

— Иди и не забывай, что в твоей жизни Слоневской быть не должно, так что не морочь ей голову.

— Михаил, Николаевич, а вдруг так сложится ситуация, что я буду вынужден...

— Нет. Ни при каких обстоятельствах, — Лапочкин пристально глянул на расстроенного Рябова. — Кирилл, ведь ты сам знаешь, что информация о предательстве её родителей всё равно просочится, и она станет тебе помехой. Верхушка власти везде одинаковая. Она может по уши утопать в собственных пороках, но строго спрашивает с тех, кто стремится в её ряды. Короче, что дозволено цезарю, то не дозволено быку. Так вот, пока

ты быкуешь, чтобы никаких скандальных связей. В ближайшее время подай заявление в партию. Я за тебя походатайствую и мы, как только позволит обстановка, начнём подготовку к твоей избирательной компании.

— О Господи! — пробормотал обескураженный майор, поняв, что начальство действительно вознамерилось сделать из него президента. — Михаил Николаевич, можно я пойду? — сказал он с молящими нотками в голосе.

— Хорошо, иди. Потом более предметно поговорим, — смилостивился Лапочкин и усмехнулся, когда Рябов скрылся за дверью.

«Молодежь! — покровительственно подумал он и ткнул сигарету в новомодную пепельницу, стоящую у него на столе. — Думаете, всю жизнь будете отсиживаться за нашими спинами и при этом ругать нас за неправильные, как вам кажется, решения? Не выйдет! Наше время подходит к концу, пора вам принимать эстафету. Худо-добро ли, но мы сумели сохранить страну, пусть в урезанном варианте. Посмотрим, чего стоите вы, все из себя умные и предприимчивые».

В рекордно быстрые сроки госпиталь переместился в здание ближайшей городской больницы. Естественно, при таком экстренном уплотнении мест на всех не хватало, хотя большинство пациентов больницы разогнали по домам, под наблюдение участковых врачей.

Тихо бормоча ругательства, Жанна пробиралась среди кроватей, которыми был заставлен коридор. В палате, где лежала Ксения, положение было ещё хуже, и она с большим трудом протиснулась к её кровати.

— Привет! Как ты себя чувствуешь? — спросила Жанна, присев на краешек пружинного лежбища, которое, по её разумению, знало времена Очакова и покоренья Крыма.

— Привет, подруга! — откликнулась Ксения. — Спрашиваешь, как я себя чувствую? Примерно, как сельдь в бочке, причём протухшая, — ухмыльнулась неунывающая сибирячка. — Жара-духота такая, что аж в зобу дыханье спёрло. И до сих пор не вернулось, представляешь?!

— Потерпи немного. Я отправила документы на выписку и после обеда заберу тебя, — сказала Жанна и, понизив голос, тихо добавила: — Не беспокойся! Благодаря родителям, аппаратура у нас на дому будет покруче, чем где-либо в мире. И я взяла отпуск, так что без присмотра не останешься.

— Спасибо! Прости, что доставляю тебе столько беспокойства, — Ксения закрыла глаза и из-под её ресниц покатались слёзы.

Жанна взяла её за руку.

— Вот, что ты ревёшь? — она грустно улыбнулась. — Родителей больше нет и теперь ты единственная родная душа, что осталась у меня на свете. Как же я могу не заботиться о тебе?

— Не выдумывай! У тебя полно родни. Две бабки, дед по отцу и куча всяких кузенов и кузин, — всхлипывая, возразила Ксения.

— Может, и полно, да только я их знать не знаю. Для меня они такие же незнакомцы, как встречные прохожие на улице. В общем, хватит наматывать сопли на кулак. Сейчас схожу, потороплю девиц с твоей выпиской.

Ксения перестала плакать и виновато шмыгнула носом.

— Прости! Что-то я совсем никакая, реву буквально из-за каждого пустяка. Не иначе психика забарахлила, получив пулю в лоб. Но даю честное пионерское, скоро я буду в полном порядке. А девчонок лучше сейчас не трогать. У них завал и они злые как собаки.

Только наорут, но ничего не сделают.

— Ксюха права, на них даже моё неотразимое обаяние не подействовало. Сестрички все такие нервные, что страшно к ним подходить, кричат и ругаются почём зря, — раздался бодрый мужской голос.

— Явился не запылится! — торжествующе воскликнула Ксения. — Ну погоди, гад ползучий! Я не я буду, если не припомню тебе, как ты вышвырнул меня из машины!

— Давай ты убьёшь меня несколько позже, а сейчас, вот, держи, — и Андрей, наклонившись через голову Жанны, вручил девушке роскошный букет роз. — Наисвежайшие. Самолично рвал в больничном саду, — сообщил он заговорщицким тоном, хотя это явно были цветы из магазина.

Женщина лет пятидесяти, лежащая по соседству, осуждающе посмотрела на него.

— Ни стыда ни совести у современной молодёжи, — сказала она. — Молодой человек, как вам не стыдно! Разве можно отнимать последнюю радость у больных людей?

— Не переживайте, мадам! — Андрей обезоруживающе улыбнулся. — Вот чек на цветы, можете ознакомиться.

— Да не нужен мне твой чек! — женщина сердито отпихнула его руку. — А ты, дочка, будь с ним поосторожней. Если он сейчас тебе врёт, то дальше будет только хуже. Попомни моё слово, ты ещё наплачешься с ним.

Она выразительно глянула на Жанну, мол, вот и соперница тебе, стоит только зазеваться и сразу же уведёт парня.

— Вот и я говорю, зачем тебе этот вун, а она меня не слушает, — хладнокровно заявила Жанна и, войдя в роль старшей сестры, потрепала подругу по щеке. — Глупышка ты! Если я тебе не указ, то хотя бы старших, умудрённых опытом, послушай, — наставительно добавила она.

— Слушайте, дамы, это нечестно втроём на одного! — возмутился Андрей. — А я ещё старался, конфеты с коньяком покупал. Опля! — и он жестом фокусника вытащил из пакета большую нарядную коробку. — Налетайте! Клянусь, они вкусные. Самолично пробовал.

— Надо же, какой ушлый жук! Сам цветы портит, сам конфеты ест, а девчонке, не иначе, принёс одни объедки, — проворчала женщина и отвернулась в другую сторону.

Ксения вопросительно посмотрела на Жанну.

— Попробуем? Может, он врёт насчёт коньяка, а мы тут дуры уши развесили.

— Давай, — согласилась Жанна и содрала целлофан с коробки. — Ксюш, выбирай.

— Хочу вон ту полосатую и в золотом фантике, — заявила Ксения, плотоядно облизнувшись.

Жанна улыбнулась, глядя, с каким удовольствием она ест конфеты.

— Вкусно, сладкоежка? — поинтересовалась она.

— О! Это бесподобно, поверь мне! Натуральный шоколад и чудесный коньяк, — Ксения запихала в рот очередную конфету. — Так и быть, Белозёрский, я тебя прощаю. В конце концов, откуда тебе было знать, что я жива.

— Прости! — вздохнул Андрей. — Я страшно рад, что ты жива. Правда, до сих пор не верится, что при таком ранении можно выжить...

— Ранение? — женщина живо обернулась. — Если вы из госпиталя, значит, были на фронте. Милый, ты моего сыночка там не встречал? Сашка Воронов! Ой, да что я говорю! Александр Петрович Воронов он! Светленький такой мальчонка, курносый и уши лопушком. Небольшого такого росточка, тебе он будет до плеча, — волнуясь, проговорила она и с

надеждой воззрившись на Андрея.

На всякий случай, он напряг память, но такого среди его знакомых не было.

— Нет, что-то не припомню, — покачал он головой.

Глаза женщины заблестели слезами, и она перевела взгляд на Ксению.

— Деточка, может, ты его видела?

— Нет, Галина Васильевна, мне он точно не встречался, — ответила Ксения и, сочувственно глядя на соседку, протянула ей коробку с конфетами. — Пожалуйста, угощайтесь.

— Спасибо, я не могу, у меня диабет, — отказалась женщина и, отвернувшись, заплакала.

— Вы идите, посмотрите, как там моя выписка, — тихо сказала Ксения и, округлив глаза, замахала на гостей руками. — Идите давайте! Кому говорят?!

Выйдя из палаты, Жанна вознамерилась посетить заведующего хирургическим отделением, чтобы написать заявление на отпуск — правда, без особой надежды его получить — но Андрей потянул её к лифту.

— Давай выйдем на улицу и поговорим.

— Нам не о чем разговаривать, — отказалась Жанна.

— Очень даже есть о чём.

— Ладно, идём, — согласилась она.

В кафе они взяли кофе и выпечку и сели за стол.

— Как ты? — спросил Андрей.

Жанна потерянно посмотрела на него.

— Если ты о родителях, то лучше ничего не спрашивай. Иначе я начну кричать и плакать.

— Хорошо, — он всыпал в чашку две порции сахара и тщательно его размешал. — Тогда давай поговорим о тебе и Рябове, — сказал он, пристально глядя на неё.

— Тебя наши отношения не касаются, — ответила Жанна, не поднимая головы.

— Не будет у вас никаких отношений.

— Это не тебе решать!

— Тихо! Не сердись. Я не вмешиваюсь в твою жизнь, а предупреждаю как друга. Рябов при всём желании не сможет предложить тебе руку и сердце.

— Уже предложил, — улыбнулась Жанна.

— Когда это было? До или после смерти... ну ты понимаешь.

— Это что-то меняет? — насторожилась она.

— Да. После поступка твоих родителей он, если женится на тебе, погубит свою карьеру.

— Подумаешь! — пренебрежительно фыркнула Жанна. — На ФСБ свет клином не сошёлся. Если Кирилл оттуда уйдёт, мне будет только спокойней. Во всяком случае, не буду волноваться, что его убьют в какой-нибудь из операций.

Раздумывая как быть, Андрей потянулся к чашке с кофе.

— Отец говорил тебе, что у меня есть дар предвидения?

Жанна удивлённо вздёрнула брови.

— А он есть у тебя?

— Значит, не говорил, — резюмировал он. — Это несколько осложняет ситуацию. Возможно, ты мне не поверишь... Ладно, рискну.

Рассказ Андрея о походах в будущее поначалу вызвал у неё недоверие, но затем её

настрой поменялся и она, слушая его, стала всё чаще уточнять детали.

— Выходит, конец света, который так долго пророчили, всё же настанет, — сказала Жанна и её взгляд потемнел. — А знаешь, Белозёрский, давай отпразднуем это событие.

— Каким образом? — спросил Андрей, чувствуя, как забилося сердце.

— Купим шампанское и поедem ко мне.

— У меня есть ключи от квартиры Льва Моисеевича.

— Хорошо, давай поедem к отцу, — согласилась Жанна и грустно улыбнулась. — Пусть его дух порадуется за нас. Да, чуть не забыла, — она взялась за телефон. — Ксюш, тут так сложились, что я не смогу забрать тебя сегодня. Честное слово, завтра ровно в восемь я буду у тебя, даже если на моём пути встанут все демоны мира.

— Главное, чтобы на твоём пути не возник Белозёрский, — сказала Ксения и весело добавила: — Не бери в голову, подруга! Оттянитесь там как следует, чтобы было что в старости вспомнить, а я подожду, мне ни к спеху.

— Спасибо!

Жанна убрала телефон в сумочку и вопросительно глянула на Андрея.

— Едем, товарищ генерал?

— Спрашиваешь!

На улице, в ожидании такси, Андрей взял её за руки и их пальцы тесно переплелись друг с другом.

— Эй, народ! Хорош целоваться! Мы едем или нет? — не выдержал таксист, видя, что телефон у них звонит, а парочка по-прежнему не обращает на него внимания.

Это была чудесная ночь. Она пролетела как единый счастливый миг, до краёв наполненный пылкой страстью, откровенными разговорами и рвущей душу горькой нежностью во взглядах.

Наутро, стараясь не потревожить спящую Жанну, Андрей оделся и, выйдя из квартиры, тихо притворил дверь. Внизу, стоя у парадного, он пожалел, что у него нет сигарет, хотя ему не столько хотелось курить, сколько застрелиться. Корчащаяся в муках любовь не давала ему дышать, разрывая сердце на части, и он отстранённо подумал, что теперь понимает, почему в старину совершенно здоровые мужчины умирали, не имея возможности быть рядом с любимой.

ГЛАВА 14. Дела рабочие, дела семейные, или Старая любовь не ржавеет

Секретная лаборатория, располагающаяся под госпиталем, вопреки обыкновению, была полна людей, которые занимались тем, что размонтировали оборудование и паковали его в ящики.

Лапочкин некоторое время наблюдал за процессом.

— Сколько времени это займёт? — спросил он Рябова.

— Спецы обещали переместить за восемь суток. Справились бы быстрее, но режим секретности. Во время перевозки придётся рассредоточиться и петлять по ложным маршрутам, чтобы нас не засекли. К тому же запланировано несколько перегрузочных пунктов. На последнем этапе перевозить груз будут только доверенные люди.

— Что ж, надеюсь, проколов не будет, — Лапочкин подошёл к бассейну с флуорисцитом. — Сделали, как Лев просил?

Рябов кивнул.

— Тела растворились почти мгновенно, — сказал он и добавил: — Жанна тоже присутствовала на церемонии.

— Как она? Плакала?

— Да, — голос Рябова дрогнул, и он сделал вид, что закашлялся.

— Поскольку она непричастна к делам матери, сними с неё подписку о невыезде, но наблюдение пока оставь.

— Хорошо. Как долго следить за ней?

Лапочкин глянул на мерцающую поверхность флуорисцита, живущего своей загадочной жизнью.

— Это не столько слежка, сколько охрана. Лев мне не простит, если с дочерью что-нибудь случится, а Хоук вполне может решить, что она будет полезна в его делах. К тому же во время допроса мне показалось, что он питает к ней личный интерес.

— Подлюка! Да как он смеет?.. — Рябов осёкся. — Виноват! Я подберу надёжных людей. Они присмотрят за ней.

— Вот и славно, — кивнул Лапочкин. — А теперь идём в мой кабинет. Начнём вводить тебя в курс дела. Чем быстрее научишься плавать в политическом болоте, тем лучше для тебя.

«Господи! Вот за что мне всё это? Ведь из меня такой же президент, как из того же Белозёрского. Тогда почему именно я, а не он? Говорят, он вернулся к своей бывшей, так ему и карты в руки. Влияние тестя, знакомства, деньги — всё при нём, не то что у меня. Ну честно! Из денег только зарплата, из знакомств только школьные и студенческие друзья. Конечно, кое-кто живёт неплохо, но никто из них, насколько я знаю, отнюдь не Рокфеллер», — Рябов вздохнул, но спорить не стал.

Впрочем, он не пожалел о потраченном времени. Политика, к его удивлению, оказалась отнюдь не скучным занятием. Большая игра имела много общего с игрой на бирже. Она была опасна для новичков, поскольку имела множество подводных течений, зато тот, кто знал игроков и мог предвидеть их действия, приобретал такие дивиденды, какие и не снились рядовому обывателю.

«Главное — это войти во вкус, а затем всё образуется», — усмехнулся Кирилл, наблюдая за гостями на вечеринке для избранных. По истечении пяти лет его больше не нервировали ни заносчивость, ни беспринципность этой публики. Завидев Белозёрского с женой, он поставил бокал с вином и направился к ним. С некоторых пор они были не только соратниками по партии, но и друзьями.

— Что-то вы припозднились, — сказал он после приветственного ритуала.

Белозёрский приобнял жену за располневшую талию.

— Вообще-то, мы приехали исключительно из-за тебя. Дарья стесняется появляться на людях, еле уговорил, — сказал он и бросил хищный взгляд в толпу.

Его внимание привлёк низенький полный мужчина в чёрном смокинге; с его лица не сходила понимающая улыбочка, отчего он походил на разъевшегося самодовольного кота.

Рябов проследил за его взглядом.

— Думаешь, сумеешь перетянуть его на нашу сторону? — осведомился он.

— Естественно. Присмотри за Дарьей, я с ним переговорю.

— Не слишком напирай, — предупредил Кирилл. — Пока он держит нейтралитет, меня это устраивает. Если упрётся, прижать его будет сложно. Он мастер прятать концы в воду. Зато навредить может так, что мало не покажется.

Андрей укоризненно посмотрел на него.

— Ну знаешь! Как будто мне впервой обрабатывать оппонентов. Поспорим, что я не только заставлю его раскошелиться, но и открыто выступить на нашей стороне?

— Нашёл дурака! — фыркнул Кирилл. — Если ты так говоришь, значит, так оно и будет.

— Правильно понимаешь, — усмехнулся Андрей. — Так или иначе, но он у нас не отвертится. И всё же пожелай мне удачи.

— Она и так всегда с тобой. Тем не менее удачи тебе!

— Благодарю, топ ами.

Когда Андрей исчез в толпе, Кирилл протянул Даше бокал с шампанским.

— Судя по тому, что твой благоверный вставляет французские словечки, он недавно общался со своим папашей.

— Было дело, — улыбнулась Даша. — Владимир Ильич на днях гостил у нас, привёз кучу подарков, а ещё пообещал назвать вино именем будущей внучки.

— Ты же говорила, что его вино редкая дрянь.

— Тсс! — Даша прижала палец к губам. — Это наш с тобой секрет.

Рябов вздохнул.

— Знала бы ты, как меня задолбал этот ваш политес. Ведь словечко в простоте не скажи, как уже на тебя поднимают брови. Можно подумать, что здесь сплошные потомки графьёв и князей, хотя я точно знаю, что предков большинства из них пороли на конюшнях. Видишь ту белобрысую дамочку, изображающую из себя умирающего лебедя? Нет, давай без имён, — предупредил он. — Так вот, там в анамнезе четыре поколения профессиональных проституток.

— О! — Даша округлила глаза. — Кто бы мог подумать! А уж как важничает, будто она сама королева. Самое забавное, что при этом нагло врёт, что её предки приходится родственниками ни кому-нибудь, а князьям Воронцовым. Да, Кирилл, придёшь к нам в субботу? Обмоем новые лычки Андрея.

— Разве я могу пропустить такое событие? Молодец, Андрей! С такими знакомствами,

как у него, он быстро взлетит наверх. Аж завидки берут. Я ползу по карьерной лестнице куда медленней, чем он. Сцепись мы на политическом поприще и, думаю, я бы проиграл ему выборы.

Даша бросила на него ироничный взгляд.

— Рябов, полно прибедняться! Пяти лет не прошло, а ты уже губернатор, причём такого края, где деньги можно грести лопатой. На мой взгляд, это куда лучше, чем карьера военного. Вот уж не думала, что Андрея она привлечёт. В общем-то, мне и сейчас кажется, что это не его.

— Это ты зря. Андрей на своём месте. Он прекрасный аналитик, к тому же за его плечами такой военный опыт, какой его штабным коллегам и не снился. Уверен, что со временем он займёт министерское кресло. Так что не дёргай его. Если тебе нужна помощь в управлении корпорацией, вводи Сергея в курс дела.

— Да прям! Для сынули папа — бог и царь в одном лице. Поэтому он собирается пойти по его стопам. Андрей, как водится, против, но здесь нашла коса на камень. Серёжка упёрся всеми лапами и хочет поступать в Рязанское училище, как он его ни отговаривает.

«От судьбы не уйдёшь», — вздохнул Кирилл. Во время совместной попойки Андрей как-то разоткровенничался и рассказал ему о своих видениях, как и о том, что со смертью Слоневского и Раменской провидческий дар его покинул.

— Как вы хотите назвать дочь? — спросил он.

Даша фыркнула.

— А ты угадай.

— Извини. Я не хотел тебя огорчать, — Кирилл успокаивающим жестом коснулся её руки. — Не бери в голову. Это всего лишь дань прошлому.

— Хорошо, если так, — сказала она и сердито добавила: — Вот скажи, что вы оба находите в ней?

— Даш, тебе ли не знать? Любимого человека выбирает сердце, а не разум. Так что у меня нет ответа. Вот и ты смирись. Тем более, что всё это уже дела давно минувших дней. Была любовь, да вся вышла. Что у него, что у меня. Так что тебе не о чем волноваться.

— Лжёшь ведь и не краснеешь. Думаешь я не знаю, что ты до сих пор страдаешь по ней, но она не хочет тебя видеть?

— У меня к ней особый интерес.

Даша бросила на него сочувственный взгляд.

— Ты можешь потребовать через суд, чтобы она разрешила тебе видеться с сыном, — затронула она болезненную тему.

Кирилл неслышно вздохнул. «Ну конечно! Чтобы Михаил Николаевич в очередной раз накрутил мне хвоста. И так, что ни сделаю, всё не так. В последнее время этот старый змей всем недоволен и следит за каждым моим шагом», — подумал он с досадой. Опека наставника стала его тяготить. Поднаторев на новом для себя поприще, он довольно уверенно чувствовал себя в мутных волнах политики и рвался в самостоятельное плавание. «А лучше женись и заведи новых детей», — услышал он окончание фразы, сказанной Дашей.

— Давай закроем эту тему. Здесь не время и не место для неё, — сдержанно проговорил он.

— У вас, безопасников, просто мания преследования, — фыркнула Даша, но перевела разговор на его недавнюю поездку в Брюссель.

Заседание квалификационной комиссии состоялось три месяца назад и Жанна, ознакомившись с заключением ВАК, облегчённо выдохнула.

При её приближении Ксения вышла из тойоты.

— Ну что? — спросила она, обеспокоенно глядя на неё.

Жанна подняла большой палец.

— Порядок. ВАК дал добро. Отныне ты имеешь дело с кандидатом медицинских наук.

— Иди сюда! — Ксения обняла подругу. — Нисколько в тебе не сомневалась. Если уж кому давать учёные степени, так это тебе.

— Спасибо! — растроганная Жанна чмокнула её в щёку. — Нянька до шести посидит с Матвеем. Едем праздновать? — спросила она, отстранившись.

На лице Ксении появилось озабоченное выражение.

— Не могу! Давай вечером, а сейчас мне нужно на Литейный.

— На Литейный? — удивилась Жанна. — Что им от тебя надо? Тебя же вчистую комиссовали. Да и ты пять лет как покинула их епархию.

— Понятия не имею, — сказала Ксения. — В повестке обтекаемая формулировка, которую как хочешь, так и понимай.

Жанна нахмурилась. Как и в прежние времена, вызов в Большой дом не сулил ничего хорошего. Она наставила на подругу палец.

— Так! Живо признавайся! Родину в ближайшее время продавала?

Ксения энергично помотала головой.

— Честное слово! Ни оптом, ни в розницу!

— Тогда едем туда вместе. Если посмеют к тебе привязаться, я им такое устрою, что впредь закаются наводить на тебя напраслину.

— Может, не надо? — жалобно спросила Ксения, но Жанна была непреклонна.

— Надо, Федя, надо! Одна ты не справишься. Знаю я, какие там вурдалаки водятся.

Сравнение бывших коллег с вурдалаками позабавило Ксению, и она улыбнулась.

— Жанка, вот что ты несёшь? Какие ещё вурдалаки?

— Такие как Лапочкин, их главный вурдалак, и его последыши Белозёрский с Рябовым. Мало, что ли, они попили нашей кровушки? Если за тобой нет грехов, значит, опять к какому-нибудь делу пристроят.

— Думаешь, позовут обратно? — спросила Ксения с затаённой надеждой и Жанна бросила на неё укоризненный взгляд.

— Ксюш, везение не вечно. У тебя было два крайне тяжёлых ранения и в обоих ты выжила лишь чудом. В третий раз может не повезти. Заканчивай мединститут, будем на пару резать народ. Уж лучше мы их, чем они нас. Давай садись за руль. А то я вожу так, что от меня даже таксисты шарахаются.

— Это точно! — хихикнула Ксения. — Водишь ты действительно лихо. А знаешь, что тебя легко засечь по матерному шлейфу, что тянется за тобой в интернете?

— Первый раз слышу, но не удивлена. От ваших шпионских штучек никуда не денешься.

— Ну так мы же профи, а навыки не пропьёшь, даже уволившись из органов.

Ксения села на водительское сиденье, и тойота плавно тронулась с места. Жанна испытующе глянула на подругу. «Вроде бы Ксения всё та же, смеётся и шутит как прежде, но что-то в ней изменилось. Конечно, она из спецназа и всё же, порой она реагирует так быстро, что даже становится не по себе. Когда она ассистирует во время операций, не успеешь сказать, какой нужен инструмент, как она уже вкладывает его тебе в руку. Да, она

без пяти минут полноценный врач и такую сообразительность можно объяснить знаниями и опытом, но... Нет. Дело в другом. Я это нюхом чую. И этот нюх подсказывает мне, что без папиного изобретения здесь не обошлось. Видимо, флуорисцит, точнее гелиоформ, не только починил повреждённые участки мозга, но и как-то взаимодействует с ним. Отец! Мама! Но почему вы ушли? Я не такая умная, как вы, одной мне с этой штукой не разобраться...»

— Ну? Что ты там притихла? Небось снова паришься по поводу меня? — прозорливо заметила Ксения.

— Ага! Не даёт покоя мысль, что за свинью мы тебе подложили. У Белозёрского хотя бы рабочий чип и к нему есть инструкция, а вот что дёется в твоей голове одному лишь Богу известно. Одно ясно, гелиоформ у тебя ведёт себя не так, как у него.

Пальцы Ксении слегка сжались на руле.

— Думаешь, что со временем я рехнусь?

— Не имею понятия... Не факт! — спохватилась Жанна. — Ксюш, не думай о плохом. Думай о хорошем. Если бы не гелиоформ в твоей черепушке, мы бы сейчас не сидели тут и не разговаривали, — она помедлила. — Я начинаю думать, что чип способен восстановить сам себя. Вопрос лишь в том, какая схема будет в его основе.

— Хочешь сказать, что гелиоформ разумен?

— Для этого нет предпосылок. Возможно он всего лишь следует свойствам, заложенным в его первооснове, то есть в тёмной материи.

— Вот ведь чертовщина какая! Чур, меня! — Ксения зябко передёрнула плечами. — Аж мороз по коже от твоей заумной дребедени. Лучше ничего не говори, если не хочешь, чтобы я в кого-нибудь врезалась.

Видя, что Жанна по-прежнему витает в своих научных эмпиреях, она спросила:

— Эй, подруга, а что там Хоук, твой вражеский поклонник. Уже потерял надежду на взаимность и больше не зовёт тебя к себе?

— Зовёт, — усмехнулась Жанна. — Недавно прикупил себе ранчо в Техасе и обзавёлся небольшим конезаводом. Судя по фото, коняшки прелесть. Знаешь, Джон — хороший мужик. Будь он из наших, я бы подумала над его предложением, а так не имеет смысла. Твои вурдалаки всё равно не выпустят меня из страны, а его не впустят, памятуя его цэрэушное прошлое.

— Это да, — кивнула Ксения. — Тем более что теперь ты возглавляешь лабораторию Льва Моисеевича.

— Если только в роли свадебного генерала, ведь толку от меня как от козла молока, — заметила Жанна. — Как ни стараюсь, всё равно ничего не понимаю в записях отца. Если бы ни Юра Ким, его помощник, то хоть плачь.

— Юрка Ким? — ухмыльнулась Ксения. — Знаешь, как он назвался при нашей первой встрече? — спросила она интригующим тоном.

— Ну, что молчишь? Говори! — не утерпела Жанна. — Лично мне он представился как Гойко Митич. Правда, я до сих пор не имею понятия кто он такой.

— Это югославский актёр, который играл индейцев. Моя бабушка его просто обожала. У других старушек дети и внуки в альбомах, а у нашей бабули сплошной Гойко Митич, то бишь Ястребиный Коготь, весь в перьях и по пояс голый. Дрочила она на него, что ли?

— Что? — хихикнула Жанна. — Вот чего ты наговариваешь на бабушку? В конце концов, отчего бы женщине не помечтать о том, кто для неё недостижим.

«Вот и ты мечтаешь о том, кто живёт в своё удовольствие и думать о тебе забыл. Пять лет прошло, а ты всё сохнешь по нему», — сердито подумала Ксения и вдавила в пол педаль газа.

Жанна тронула её за плечо.

— Ксюш! Давай помедленней. Хорошо? Посетить Большой дом в виде призрака, конечно, прикольно, но я ретроградка и предпочитаю не летать по лестницам, а топтать ножками.

— Ладно, уговорила, — согласилась Ксения и, сбавив скорость, ювелирно вписалась в крутой поворот.

— Да! Ты не сказала кем тебе представился Ким.

— Фреди Меркури.

Конечно же, без пропуска Жанну не пустили внутрь и ей пришлось дожидаться подругу снаружи. Чтобы скоротать время, она зашла в ближайшее кафе. Стоило ей поднести ко рту чашку с кофе, как над её ухом раздался знакомый голос:

— Ба! Знакомые всё лица. Сначала Смирнова, а теперь ты.

Не спрашивая разрешения, Рябов уселся за её стол.

— Здравствуй, Жанна, — произнёс он, глядя на неё с мягкой улыбкой.

Вместо ответного пожелания она смерила его долгим взглядом.

— Что тебе нужно?

— Подожди, — Рябов позвал официантку и когда она приняла заказ, перевёл взгляд на Жанну. — Ты спрашивала, что мне нужно. Самую малость. Я хочу, чтобы ты приняла моё предложение руки и сердца, которое я сделал пять лет назад.

Жанна закашлялась, захлебнувшись кофе.

— Кирилл, ты в своём уме? — просипела она. — Конечно, спасибо, что ты всячески помогал мне с сыном, но я тебя не просила и впредь не попрошу. Короче, если это комплекс вины, то не надо.

— Вот, значит, как ты думаешь обо мне? — нахмурился Рябов.

— Что ещё я должна думать? После рождения Матвея сколько раз я хотела с тобой поговорить, но ты бегал от меня как чёрт ладана; то у тебя поездка, то встреча с избирателями, то радикулит разыгрался.

— Нет у меня радикулита, — буркнул Кирилл и схватился за чашку с кофе, принесённую официанткой. — Чёрт! Горячо!

— Осторожней! Это я так, к слову пришлось. Так что сейчас изменилось? — спросила Жанна, с любопытством глядя на него.

— Я изменился, — сдержанно проговорил Кирилл.

— Я вижу, — улыбнулась Жанна. — Весь из себя такой уважаемый и важный как гусь. Судя по официозу в одежде, ты и сейчас с какой-то важной встречи, — заметила она.

— Есть такое дело, — отозвался Кирилл, не вдаваясь в подробности.

Заметив, что неотрывно смотрит на него, Жанна потянулась к спасительной чашке с кофе. «Нет, всё же славный у Митьки отец. И собой хорош, и личность незаурядная», — мелькнула у неё мысль. К собственному удивлению, она не испытывала к Рябову вражды и, что ещё удивительней, он по-прежнему ей нравился.

Кирилл пребывал в смятении. В последнее время ему казалось, что Жанна уже в прошлом и пора строить новые отношения, но стоило им встретиться, и он понял, что между

ними ничего не изменилось. Он любил её и ничего не мог с этим поделать.

Ища приемлемый выход, он стиснул пальцы, сцепленные в замок. «Она же мне рада. Тогда какого чёрта я должен отказываться от неё? Короче, сейчас или никогда!» — решил он. В его голове один за другим прокручивались варианты как снова сблизиться с любимой женщиной, но все они казались ему ненадёжными, и тогда он пошёл напролом.

— А знаешь, лишь одно не изменилось, я по-прежнему люблю тебя.

Ожидая продолжения, Жанна, приподняла брови, как это умеют делать только женщины, и он собрался с духом.

— Прости, я виноват. Все эти годы я был вынужден дистанцироваться от тебя и причиной тому цель, которую я поставил перед собой.

— И какую же цель ты поставил, если ради неё пожертвовал мной и сыном? — уколола его Жанна.

— Я должен, и я стану президентом России.

На этот раз удар достиг цели, крепость капитулировала, полностью и окончательно. Правда, в неурочное время, Жанна как раз приложилась к чашке, и в результате его белоснежная рубашка приобрела кофейную крапчатость.

— Ой! Прости!

— Да ладно! Уж на одежде мне не приходится экономить.

— Ну, Рябов, ты даёшь! — Жанна в изумлении покачала головой. — Не думала, что ты такой авантюрист. Может, выберешь цель поскромней? Глава Газпрома, например?

— На фига? Чтобы плясать под чужую дудку? Ну уж нет, либо всё, либо ничего.

— Молоток! — одобрительно сказала Жанна и, привстав, протянула Рябову руку. — Господин будущий президент! Рада нашему знакомству, — и она с энтузиазмом потрянула его ладонь. — Если вы ищите первую леди, то я вся ваша.

Кирилл смерил её взглядом, пытаясь понять издевается она или действительно согласна пойти на авантюру. «Сейчас проверим!» — он положил на стол пятёрку, удачно завалившуюся в кармане пальто, и, выйдя из-за стола, подхватил Жанну на руки.

— Куда ты меня тащишь? — поинтересовалась она, не делая попытки вырваться.

— Сначала в машину, а потом увидишь.

Когда его «ягуар» остановился около дворца бракосочетания на Английской набережной, Жанна присвистнула.

— Рябов, да ты полон сюрпризов! Неужели прямо сейчас будем сочетаться законным браком?

— Угадала. Выходи! Надеюсь, паспорт у тебя с собой.

— Правильно надеешься, — она порылась в сумке и протянула ему паспорт. — Фиг ты теперь отвертишься, женишься как миленький.

Кирилл внутренне улыбнулся. Расчёт на её авантюризм оказался верным. «Моя любовь, решила, что это шутка и я не пойду до конца? Вот это ты зря! Я с такими вещами не шучу», — и он аккуратно выдернул паспорт из её пальцев.

— Что ж, слово не воробей. Идём!.. Радость моя, прекрати дёргаться, отступать уже поздно. Как сказал король в одной замечательной сказке, мне попала вожжа под хвост. Сказал, что женюсь, значит, так оно и будет.

И он, не слушая возражений Жанны, потянул её за собой.

— Ладно, идём, — сдалась она. — В конце концов, как распишемся, так и разведёмся.

«Ну-ну! Это мы ещё посмотрим», — хмыкнул Кирилл, но промолчал.

Деньги сотворили очередное чудо, их расписали несмотря на то, что они подали заявление задним числом.

Правда, когда подошла пора подписывать свидетельство о браке, всё же возникла заминка. Жанна положила ручку на стол и грустно улыбнулась.

— Кирилл, не стоит заходить так далеко. Не лги себе, наше время ушло и его не вернуть. К тому же мне тридцать четыре, а ты, с твоим положением, можешь выбрать любую красотку, юную и богатую...

Он не стал с ней препираться, просто обнял и поцеловал, а затем они стояли, обнявшись, и смотрели друг на друга. Когда распорядительница деликатно кашлянула, напоминая о себе, Жанна снова взяла ручку. Она ещё немного помедлила, а затем, решившись, поставила на свидетельстве размашистую роспись.

На подходе к «ягуару», она вспомнила о подруге.

— Ой! Я же позабыла о Ксюше! — спохватилась она.

— Не переживай! Лапочкин хотел предложить ей вернуться в ФСБ. Думаю, на радостях она тоже не скоро вспомнит о тебе, — утешил её Кирилл, а затем извлёк с заднего сиденья букет роз, бутылку шампанского и пару хрустальных бокалов.

— Давай хоть выпьем по-человечески, — предложил он.

— Рябов, ну ты и гад! — воскликнула Жанна, уверенная, что ничего случайного в их встрече не было, а имелся хорошо продуманный план. — Признавайся, вызов Ксюши это твоих рук дело?

— Как же иначе я смог бы завлечь тебя в сети Гименея? — не стал отпираться Кирилл.

И в самом деле, не признаваться же, что он сам ошарашен скоропостижной женитьбой и вызов Смирновой, зачем-то понадобившейся Андрею, лишь сыграл ему на руку, но никак не входил в его планы. Правда, встреча была не совсем случайной. После беседы с Лапочкиным, он, спускаясь в лифте, слышал голос Жанны, а затем последовал за ней, а цветы и шампанское у него были заготовлены для девушки, с которой он недавно познакомился.

В тот же вечер Андрей узнал, что они поженились и заперся у себя в комнате. Спустя час он вышел, и встревоженная Даша бросилась к нему.

— Андрей! С тобой всё в порядке?

— Да, родная. Я в абсолютном порядке. Не волнуйся, в твоём положении это вредно. Сама же говорила, что малышка чутко реагирует на твоё настроение. Кстати, я подумал и решил, что её лучше назвать именем твоей мамы. Таня, Танечка, Танюша. А что? Хорошо звучит.

— Спасибо, дорогой! Папа будет очень рад, — сказала Даша и её глаза наполнились слезами.

— Не плачь, я люблю тебя, — Андрей с осторожностью привлёк её к себе и поцеловал. — И не надо смотреть на меня такими глазами. Это не ложь во спасение. Это правда. Клянусь жизнью наших детей.

ГЛАВА 15. Хэппи-энд — в комплекте с будущим апокалипсисом

В тот хмурый ноябрьский день 2034 года всё шло не так как надо. Одна из разведывательных сетей в Средней Азии, занимающаяся нивелированием влияния китайцев, с треском провалилась, что привело к осложнениям с официальным Китаем, и тот не преминул пригрозить санкциями. В свою очередь это вызвало недовольство российского официоза. На Ближнем Востоке тоже случилась неприятность. По стечению обстоятельств бойцы ЧВК пристрелили важную шишку из дружественных бандитов, что привело к местечковой войне. Разведгруппа, отправленная на поиски перебежчика, имевшего доступ к секретным разработкам, пошла по ложному пути и не успела его ликвидировать. В довершение к этому США прислали ноту протеста. Основанием послужила подорванная Андреем военная база в Молдавии.

Поначалу Лапочкин отбояривался от нападков высокопоставленных лиц, объясняя, что происходит и кто виноват, а затем плюнул на это дело и велел секретарю ни с кем его не соединять. «Похоже, дело идёт к тому, что скоро меня отправят в отставку. Ну и чёрт с ним! Стар я уже для всех этих треволнений. И вообще, сколько можно подчищать дерьмо за недоумками, воображающими себя пупами земли? Всё равно, сколько ни старайся, они не оценят», — подумал контрразведчик с лёгкой досадой и потянулся было за сигаретами, но затем передумал и отправил в рот антиникотиновый леденец. С некоторых пор его мучил сильный кашель, но, к его облегчению, до рака лёгких дело не дошло.

— Михаил Николаевич, можно? — заглянула к нему секретарь.

— Заходите, Татьяна Павловна, — разрешил Лапочкин, с удовольствием глядя на ту, что скрашивала ему личную жизнь после смерти жены.

«Вот и моя лапочка постарела, хотя ещё очень хороша. А ведь какая была красавица! Как говорится, кровь с молоком. Настоящая Царевна-Лебедь. Груды будто полные чаши, талия тонкая, бёдра крутые и меж ног сокровенный женский цветок, что всегда к моим услугам. Кажется, что ещё надо? Любящая, податливая, готовая на всё ради меня. И что ценно, столько лет вместе, а она ни разу не заикнулась о женитьбе. Вдобавок бескорыстная, ведь сколько ни предлагаю, деньги она не берёт. Не женщина, а золото. Знаю, она принесёт любовь и счастье в мой дом. Но нет, не могу. Сердце прикипело к другой Татьяне и ничего с этим не поделаешь», — подумал он и указал секретарю на соседний стул.

— Татьяна Павловна, окажите мне милость, попейте со мной чайку, — попросил он и, достав коробку конфет, придвинул к ней. — Попробуйте, привёз из Бельгии. Судя по составу, здесь настоящий шоколад со сливочной начинкой, всё как вы любите.

— Спасибо, — стеснительно улыбнулась женщина и, примостившись на краешке стула, взяла конфету.

Как всегда, их разговор крутился вокруг малозначащих дел, но Лапочкин почувствовал, что она волнуется.

— Тань, что ты хочешь мне сказать, но не решаешься? — спросил он напрямик.

— Михаил Николаевич, я увольняюсь... — Татьяна Павловна нервно сглотнула. — Выхожу замуж... Простите, — чуть слышно уронила она.

— Так! — Лапочкин впери в неё инквизиторский взгляд. — Вижу, ты не лжёшь.

— Я никогда вам не лгала! — вскинулась Татьяна Павловна, покрасневшая до слёз. — Миша, пойми! Не то чтобы я рвалась замуж, но я уже не девочка, а он хороший мужчина. Нас соседка познакомила. Вот и всё! — сбивчиво проговорила она.

— Не волнуйся, Танюша, — ласково сказал Лапочкин и, подвинувшись, взял её за руки. — Делай, как считаешь нужным и помни, если будет нужна моя помощь, только скажи. Я для тебя ничего не пожалею. Хочешь, я куплю для вас квартиру? Ведь в твоей однушке вам будет тесно.

— Нет-нет! — всполошилась Татьяна Павловна. — Мишенька, спасибо тебе, но как же я Вите объясню откуда она взялась?

— Об этом не беспокойся, он ничего не заподозрит, — успокоил её Лапочкин.

«Прости, моя славная добрая девочка, что я отнял у тебя радость замужества и материнства», — виновато подумал он и с щемящей сердце грустью коснулся пышных золотых волос любовницы, тронутых первой сединой.

И как ни отказывалась Татьяна Павловна, впоследствии она получила трёхкомнатную квартиру и крупную сумму денег — в наследство от дальней родственницы. Она ни разу её в глаза не видела, но слышала, что такая есть. Так что всё было чин чинарём и придраться было не к чему.

Тем не менее известие об уходе верного ему секретаря огорчило Лапочкина, и сильно. Куда сильнее, чем он думал.

«Плохой сегодня день», — утвердился он в мысли, когда дверь открылась, и он увидел хмурую физиономию зятя, возникшего на пороге.

— Я так понимаю, ты с плохими вестями, — сказал он вместо приветствия.

— Да, — подтвердил Андрей. — Как и ожидалось, волнения среди рабочих начались не только в США, Китае и прочих промышленных странах, но и у нас. Хотел бы я сказать, что здесь влияние извне, но не могу. Конечно, наших подзуживали, не без этого, но основная причина не в этом. Из-за применения флуорисцита наша экономика тоже посыпалась. Уволенные не хотят сидеть на пособиях, ожидая неизвестно чего. Люди требуют работы. А где её взять, если из промышленности скоро останутся только заводы по производству флуорисцита и утилизации отходов, к тому же до предела автоматизированные. Конечно, есть отрасли с высокой долей ручного труда, но это капля в море, по задействованным людским ресурсам, особенно квалифицированным.

— Не заговаривай мне зубы, — перебил его Лапочкин. — Отвыкай уже, не на митинге у Рябова. Говори, что случилось.

— На наших заводах погромы. На этот раз народ не удалось уговорить и началась забастовка. Дашу я туда не пустил, так что не беспокойтесь.

У Лапочкина отлегло от сердца.

— Хорошо, я займусь этим. Что ещё? — спросил он, видя, что Андрей не уходит.

— Я поговорил с Жанной и Юрием Кимом. По их мнению, мировое производство флуорисцита скоро достигнет критической точки.

— Что это значит? — насторожился Лапочкин.

— Они предполагают, что флуорисцит изменит свойства.

— В смысле? Не тяни кота за хвост!

— Думаю, я знаю, к чему это приведёт. Я тут заново проанализировал свои видения и

вспомнил, что не видел ничего, что сделано из флуорисцита. Тёмная материя, похоже, вернётся к своему первоначальному состоянию. Так что время халявного изобилия скоро закончится.

Лапочкин сердито глянул на зятя.

— Так какого чёрта ты молчал?

— Михаил Николаевич, у нас же в центре старый город. На Невском проспекте и сейчас ничего не изменилось. А новые марки машин и прочие штучки из флуорисцита я же тогда в глаза не видел. Откуда ж мне было знать? Это мне недавно в голову стукнуло, что сохранились только автомобили, сделанные по старинке. А догадка пришла, когда я увидел, как ремонтируют Гостиный Двор, там заменили одну колонну. Так вот, именно её не было в моём видении.

— Понятно, — Лапочкин призадумался. — Андрей, отныне это гостайна, так что держи рот на замке. Да, чуть не забыл. Информация подтвердилась. Серёжа жив, но в руках ЦРУ. Думаю, я сумею его вернуть домой. Тут мне очень кстати подвернулся очередной Хоук. По странному стечению обстоятельств, он сын небезызвестного тебе Хоука-старшего. Вот мы с ним и обменяемся.

— Так он вроде как в отставке?

— Нет, снова в деле. Трудится в ФБР. У них там основательно припекает, такие волнения по всей стране, что будь здоров. Новые луддиты так разнесли Нью-Йорк, что теперь он выглядит как после бомбёжки.

Андрей облегчённо прикрыл глаза. «Слава богу! Сергей жив, а остальное не важно. Вот идиоты! Оторвать бы яйца тому, кто придумал засунуть секретную лабораторию в Рязанское училище. Ладно, если тесть даст промашку, сам вызволю сына из плена...»

— Не лезь в это дело, — предупредил Лапочкин, предугадавший ход его мыслей. — Испортишь мне игру, пеняй на себя.

— Хорошо, я подожду, — согласился Андрей и глянул на часы. — Пожалуй, мне пора. Кирилл зачем-то хочет меня видеть.

Лапочкин с любопытством глянул на него.

— Ну, как ему в президентском кресле?

Андрей пожал плечами.

— Неплохо, насколько я могу судить.

— Я до последнего сомневался, что он вселится в Кремль, но ты оказался прав. Что ж, если ты к нему, то поздравь его от меня.

— Я передам. Михаил Николаевич, я пойду? А то друзья друзьями, а в Кремль лучше не опаздывать.

— Иди, — разрешил Лапочкин.

«Вот как тут уйдёшь в отставку, когда такие дела творятся?» — проворчал он и снова взялся за телефон.

Несмотря на социальные потрясения, производство флуорисцита продолжало нарастать. С массовым закрытием заводов и фабрик множество людей осталось без работы и были вынуждены жить на пособие. Впрочем, это не сказалось на их уровне жизни, наоборот, он рос с каждым годом, — ведь в распоряжении человечества был неограниченный ресурс, дарующий ему всё, что угодно.

Создание и производство самой сложной техники теперь ничего не стоило —

единственно, что было нужно, это мозги учёных и инженеров. И они, больше не сдерживаемые кандалами производства, развернулись в полную силу. В результате стали появляться такие фантастичные вещи и строения, что обыватели лишь раскрывали рот от удивления. Да и то лишь поначалу, а затем чудачества изобретателей воспринимались уже как нечто само собой разумеющееся. По дорогам разъезжали чудные автомобили, среди которых не было двух одинаковых; в небе летали престранные самолёты, порой противоречащие своим видом правилам аэродинамики. Дома и вовсе строились такие, что куда там Дали, с его мнимым сумасшествием.

Люди быстро привыкают к хорошему. Резко обострившаяся поначалу криминогенная обстановка быстро пошла на убыль. Власти тушили волнения жёсткими полицейскими акциями и... изобилием товаров, что окончательно выбивало почву из-под ног бунтовщиков. Смысл воевать, когда тебе дают всё задаром: жильё, одежду, еду и соц. пакет в придачу.

В общем, благополучие расползлось по планете, медленно, но верно, плодя племя сытых паразитов. Число неграмотных росло с каждым днём. Не было смысла учиться, ведь тыкать в нужные кнопки способен даже маленький ребёнок.

Золотой сон человечества закончился 12 апреля 2061 года. Как и было предсказано, флуорисцит вернулся к первоначальной форме, и планета Земля в одно мгновение погрузилась в доиндустриальную тьму.